

Федор Тютчев

**Полное собрание
стихотворений**

Федор Тютчев

Полное собрание стихотворений

«Public Domain»

Тютчев Ф. И.

Полное собрание стихотворений / Ф. И. Тютчев — «Public Domain»,

«Уже великое небесное светило,
Лиюще с высоты обилие и свет,
Начертанным путем годичный круг свершило
И в ново поприще в величии грядет! —
И се! Одежный блистательной зарею,
Пронзив эфирных стран белеющийся свод,
Слетает с урной роковою
Младый сын Солнца – Новый год!..»

Содержание

Стихотворения	12
На новый 1816 год	12
Двум друзьям	14
«Пускай от зависти сердца зоилов ноют...»	15
Послание Горация к Меценату, в котором приглашает его к сельскому обеду	16
«Всесилен я и вместе слаб...»	19
Урания	20
С. Е. Раичу («Неверные преодолев пучины...»)	25
К оде Пушкина на Вольность	26
Харон и Каченовский	27
Одиночество	28
Весна (Посвящается друзьям)	30
А. Н. М<уравьеву>	31
Гектор и Андромаха	32
«Не дай нам духу празднословия!..»	34
Противникам вина	35
Послание к А. В. Шереметеву	36
Песнь Радости	37
Друзьям при посылке «Песни Радости» из Шиллера	41
Слезы	42
С чужой стороны	43
«Друг, откройся предо мною...»	44
«Как порою светлый месяц...»	45
К Н.	46
К Нисе	47
Песнь скандинавских воинов	48
Проблеск	50
В альбом друзьям	51
Саконтала	52
14-е декабря 1825	53
Вечер	54
С. Е. Раичу («На камень жизни роковой...»)	55
«Закралась в сердце грусть, – и смутно...»	56
Вопросы	57
«За нашим веком мы идем...»	58
Кораблекрушение	59
Весенняя гроза	61
Могилы Наполеона	62
Cache-cache[2]	63
Летний вечер	64
Видение	65
Олегов щит	66
Бессонница («Часов однообразный бой...»)	67
Утро в горах	68
Снежные горы	69

Полдень	70
Сны	71
Двум сестрам	72
Императору Николаю I	73
К N. N.	74
«Еще шумел веселый день...»	75
Последний катаклизм	76
Безумие	77
«Здесь, где так вяло свод небесный...»	78
Странник	79
Успокоение	80
Ночные мысли	81
Весеннее успокоение	82
Приветствие духа	83
Певец	84
«Запад, Норд и Юг в крушенье...»	86
Заветный кубок	88
Из «Вильгельма Мейстера» Гёте	89
«Кто с хлебом слез своих не ел...»	89
«Кто хочет миру чуждым быть...»	89
Из Шекспира	90
«Любовники, безумцы и поэты...» ¹	90
Песня	90
Байрон	91
«Едва мы вышли из Трезенских врат...»	97
«Высокого предчувствия...»	99
««Прекрасный будет день», – сказал товарищ...»	101
«Как над горячею золой...»	103
Цицерон	104
Весенние воды	105
Silentium![3]	106
Сон на море	107
Конь морской	108
«Душа хотела б быть звездой...»	109
Из «Эрнани» <Гюго>	110
«Через ливонские я проезжал поля...»	112
«Песок сыпучий по колени...»	113
Осенний вечер	114
Листья	115
Альпы	116
Mala aria[4]	117
«Сей день, я помню, для меня...»	118
Из «Фауста» Гёте	119
«Ты зрел его в кругу большого света...»; «В толпе людей, в нескромном шуме дня...»	123
«Ты зрел его в кругу большого света...»	123
«В толпе людей, в нескромном шуме дня...»	123
«Над виноградными холмами...»	124
«Поток сгустился и тускнеет...»	125

«О чем ты воешь, ветр ночной?..»	126
«Душа моя, Элизиум теней...»	127
«Как дочь родную на закланье...»	128
«На древе человечества высоком...»	129
Problème[5]	130
Арфа скальда	131
«Я лютеран люблю богослуженье...»	132
«Восток белел. Ладья катилась...»	133
«Что ты клонишь над водами...»	134
«И гроб опущен уж в могилу...»	135
«В душном воздуха молчанье...»	136
«Как сладко дремлет сад темно-зеленый...»	137
«Как птичка, с раннею зарей...»	138
«Вечер мгlistый и ненастный...»	139
«Там, где горы, убегая...»	140
«Тени сизые смешались...»	141
«Нет, моего к тебе пристрастья...»	142
«Сижу задумчив и один...»	143
«С поляны коршун поднялся...»	144
«Какое дикое ущелье!..»	145
«Всё бешеной буря, всё злее и злей...»	146
«Пришлось кончить жизнь в овраге...»	147
«Из края в край, из града в град...»	149
«В которую из двух влюбиться...»	150
«Зима недаром злится...»	151
Фонтан	152
«Яркий снег сиял в долине...»	153
«Не то, что мните вы, природа...»	154
«Я помню время золотое...»	155
«Еще земли печален вид...»	156
«Люблю глаза твои, мой друг...»	157
«И чувства нет в твоих очах...»	158
«Вчера, в мечтах обвороженных...»	159
29-е января 1837	160
1-е декабря 1837	161
Итальянская villa[6]	162
«Давно ль, давно ль, о Юг блаженный...»	163
«Смотри, как запад разгорелся...»	164
Весна («Как ни гнетет рука судьбины...»)	165
Лебедь	166
«С какою негою, с какой тоской влюбленный...»	167
День и ночь	168
«Не верь, не верь поэту, дева...»	169
«Живым сочувствием привета...»	170
К Ганке	171
Знамя и Слово	172
Epitre a l'Apotre[7]	173
«Глядел я, стоя над Невой...»	174
Колумб	175

Море и утес	176
«Еще томлюсь тоской желаний...»	177
«Не знаешь, что лестней для мудрости людской...»	178
Русская география	179
Русской женщине	180
«Как дымный столп светлеет в вышине!..»	181
«Неохотно и несмело...»	182
«Итак, опять увиделся я с вами...»	183
«Тихой ночью, поздним летом...»	184
«Когда в кругу убийственных забот...»	185
«Слезы людские, о слезы людские...»	186
Почтеннейшему имениннику Филиппу Филипповичу Вигелю	187
«По равнине вод лазурной...»	188
Рассвет	189
«Вновь твои я вижу очи...»	190
«Как он любил родные ели...»	191
Поэзия	192
«Кончен пир, умолкли хоры...»	193
Рим, ночью	194
Наполеон	195
Венеция	197
«Святая ночь на небосклон взошла...»	198
Пророчество	199
«Уж третий год беснуются языки...»	200
К. В. Нессельроде	201
«Тогда лишь в полном торжестве...»	202
«Пошли, господь, свою отраду...»	203
На Неве	204
«Не рассуждай, не хлопочи!..»	205
«Как ни дышит полдень знойный...»	206
«Под дыханьем непогоды...»	207
«Обвеян вещею дремотой...»	208
Два голоса	209
Графине Е. П. Ростопчиной	210
Поминки	211
«Смотри, как на речном просторе...»	215
Предопределение	216
Близнецы	217
«Я очи знал, – о, эти очи!..»	218
«Не говори меня он, как и прежде, любит...»	219
«О, не тревожь меня укорой справедливой!..»	220
«Чему молилась ты с любовью...»	221
«О, как убийственно мы любим...»	222
Э. Ф. Тютчевой («Не знаю я, коснется ль благодать...»)	223
Первый лист	224
«Не раз ты слышала признание...»	225
Наш век	226
«Дума за думой, волна за волной...»	227
«Не остывшая от зною...»	228

«В разлуке есть высокое значенье...»	229
«Ты знаешь край, где мирт и лавр растет...»	230
«День вечереет, ночь близка...»	231
«Как весел грохот летних бурь...»	232
«Недаром милосердным богом...»	233
«С озера веет прохлада и нега...»	234
«Ты волна моя морская...»	235
Памяти В. А. Жуковского	236
«Сияет солнце, воды блещут...»	238
«Чародейкою Зимою...»	239
Последняя любовь	240
Неман	241
Спиритистическое предсказание	242
Лето 1854	243
«Увы, что нашего незнания...»	244
«Теперь тебе не до стихов...»	245
На новый 1855 год	246
По случаю приезда австрийского эрцгерцога на похороны императора Николая	247
«Пламя рдеет, пламя пышет...»	248
«Эти бедные селенья...»	249
«Вот от моря и до моря...»	250
Графине Ростопчиной	251
«О вещая душа моя...»	252
Из Микеланджело («Молчи, прошу, не смей меня будить...»)	253
Н<иколаю> П<авловичу>	254
«Так, в жизни есть мгновения...»	255
А. С. Норову	256
«Все, что сберечь мне удалось...»	257
Н. Ф. Щербине	258
«С временщиком Фортуна в споре...»	259
«Прекрасный день его на Западе исчез...»	260
«Над этой темною толпой...»	261
«Есть в осени первоначальной...»	262
«Смотри, как роща зеленеет...»	263
М. Ф. Тютчевой	264
«В часы, когда бывает...»	265
«Она сидела на полу...»	266
Успокоение («Когда, что звали мы своим...»)	267
«Осенней поздней порою...»	268
На возвратном пути	269
«Есть много мелких, безымянных...»	270
Декабрьское утро	271
Е. Н. Анненковой («И в нашей жизни повседневной...»)	272
«Куда сомнителен мне твой...»	273
Memento[11][12]	274
«Хоть я и свил гнездо в долине...»	275
На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского	276
Александру Второму	278

«Я знал ее еще тогда...»	279
«Недаром русские ты с детства помнил звуки...»	280
Князю П. А. Вяземскому («Теперь не то, что за полгода...»)	281
«Играй, покуда над тобою...»	282
При посылке Нового завета	283
«Он прежде мирный был казак...»	284
А. А. Фету	285
«Затею этого рассказа...»	286
«Ужасный сон отяготел над нами...»	287
Его светлости князю А. А. Суворову	288
«Как летней иногда порою...»	289
Н. И. Кролю	290
19-е февраля 1864	291
«Утихла биза... Легче дышит...»	292
«Весь день она лежала в забытии...»	293
Императрице Марии Александровне	294
«Как неразгаданная тайна...»	294
«Кто б ни был ты, но, встреться с ней...»	294
«О, этот Юг, о, эта Ницца!..»	295
Епсуліса[13]	296
Князю Горчакову	297
«Когда на то нет божьего согласия...»	298
«Как хорошо ты, о море ночное...»	299
Ответ на адрес	300
«Есть и в моем страдальческом застое...»	301
«Он, умирая, сомневался...»	302
«Сын царский умирает в Ницце...»	303
«Всё решено, и он спокоен...»	304
«Как верно здравый смысл народа...»	305
«Певучесть есть в морских волнах...»	306
Другу моему Я. П. Полонскому	307
Н. С. Акинфьевой («Велели вы – хоть, может быть, и в шутку...»)	308
«Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло...»	309
«Молчит сомнительно Восток...»	310
Накануне годовщины 4 августа 1864 г.	311
«Как неожиданно и ярко...»	312
«Ночное небо так угрюмо...»	313
«Нет дня, чтобы душа не ныла...»	314
«Как ни бесилося злоречье...»	315
Графине А. Д. Блудовой	316
«Так! Он спасен! Иначе быть не может!..»	317
«Когда сочувственно на наше слово...»	318
Князю Суворову	319
«И в божьем мире то ж бывает...»	320
«Когда расстроенный кредит...»	321
«Тихо в озере струится...»	322
«На гробовой его покров...»	323
«Когда дряхлеющие силы...»	324

«Небо бледно-голубое...»	325
«Умом Россию не понять...»	326
На юбилей Н. М. Карамзина	327
«Ты долго ль будешь за туманом...»	328
«Хотя б она сошла с лица земного...»	329
В Риме	330
«Над Россией распростертой...»	331
А. Д. Блудовой	332
Дым	333
Славянам («Привет вам задушевный, братья...»)	334
Славянам («Они кричат, они грозятся...»)	336
«Напрасный труд – нет, их не вразумишь...»	337
На юбилей князя А. М. Горчакова	338
«Как ни тяжел последний час...»	339
«Свершается заслуженная кара...»	340
По прочтении депеш императорского кабинета, напечатанных в «Journal de St.-Petersbourg» [16]	341
«Опять стою я над Невой...»	342
Пожары	343
«В небе тают облака...»	344
Михаилу Петровичу Погодину	345
Памяти Е. П. Ковалевского	346
«Печати русской доброхоты...»	347
Мотив Гейне	348
«Вы не родились поляком...»	349
«Нет, не могу я видеть вас...»	350
«Великий день Кирилловой кончины...»	351
«Нам не дано предугадать...»	352
«Две силы есть – две роковые силы...»	353
11-е мая 1869	354
«Как насаждения Петрова...»	355
«Там, где дары судьбы освящены душой...»	356
В деревне	357
Чехам от московских славян	358
Андрею Николаевичу Муравьеву («Там, где на высоте обрыва...»)	360
«Природа – сфинкс. И тем она верней...»	361
«Как нас ни угнетай разлука...»	362
Современное	363
А. Ф. Гильфердингу	365
Ю. Ф. Абазе	366
«Так провидение судило...»	367
Н. С. Акинфьевой («Проходя свой путь по своду...»)	368
«Радость и горе в живом упоенье...»	369
Гус на костре	370
«Над русской Вильной стародавней...»	371
К. Б. («Я встретил вас – и всё былое...»)	372
Два единства	373
«Велению высшему покорны...»	374

А. В. Пл<етне>вой	375
«Да, вы сдержали ваше слово...»	376
«Брат, столько лет сопутствовавший мне...»	377
«Давно известная всем дура...»	378
«Впросонках слышу я – и не могу...»	379
Черное море	380
Ватиканская годовщина	381
«От жизни той, что бушевала здесь...»	382
«Враг отрицательности узкой...»	383
Памяти М. К. Политковской	384
«День православного Востока...»	386
«Как бестолковы числа эти...»	387
«Тут целый мир, живой, разнообразный...»	388
Э. Ф. Тютчевой («Всё отнял у меня казнящий бог...»)	389

Федор Иванович Тютчев

Полное собрание стихотворений

Стихотворения

На новый 1816 год

Уже великое небесное светило,
Лиюще с высоты обилие и свет,
Начертанным путем годичный круг свершило
И в ново поприще в величии грядет! —
И се! Одеанный блистательной зарею,
Пронзив эфирных стран белеющийся свод,
Слетает с урной роковою
Младый сын Солнца – Новый год!..
Предшественник его с лица земли сокрылся,
И по течению вращающихся времен,
Как капля в океан, он в вечность погрузился!
Сей год равно пройдет!.. Устав небес священ...
О Время! Вечности подвижное зеркало! —
Всё рушится, падет под дланию твоей!..
Сокрыт предел твой и начало
От слабых смертного очей!..
Века рождаются и исчезают снова,
Одно столетие стирается другим;
Что может избежать от гнева Крона злого?
Что может устоять пред грозным богом сим?
Пустынный ветер свистит в руинах Вавилона!
Стадятся звери там, где процветал Мемфис!
И вокруг развалин Илиона
Колючи терны обвилились!..
А ты, сын роскоши! о смертный сладострастный,
Беспечна жизнь твоя средь праздности и нег
Спокойно катится!.. Но ты забыл, несчастный:
Мы все должны узреть Коцита грозный брег!..
Возвышенный твой сан, льстецы твои и злато
От смерти не спасут! Ужель ты не видал,
Сколь часто гром огнекрылатый
Разит чело высоких скал?..
И ты еще дерзнул своей рукою жадной
Отгъять насущный хлеб у вдов и у сирот;
Изгнать из родины семейство безотраднo!..
Слепец! Стезя богатств к погибели ведет!..
Разверзлась пред тобой подземная обитель!
О жертва Тартара! о жертва евменид,

Блеск пышности твоей, грабитель!
Богинь сих грозных не пленит!..
Там вечно будешь зреть секиру изошренну,
На тонком волоске висящу над головой;
Покроет плоть твою, всю в язвах изможденну,
Не ткани пурпурны – червей кипящий рой!..
Возложишь не на одр растерзанные члены,
Где б неге льстил твоей приятный мягкий пух,
Но нет – на жупел раскаленный, —
И вечный вопль пронзит твой слух!
Но что? сей страшный сонм! сии кровавы тени
С улыбкой злобною, они к тебе спешат!..
Они прияли смерть от варварских гонений!
От них и ожидай за варварство наград!
Страдай, томись, злодей, ты жертва адской мести! —
Твой гроб забвенный здесь покрыла мурава! —
И навсегда со гласом лести
Умолкла о тебе молва!

Начало 1816

Двум друзьям

В сей день, блаженный день, одна из вас прияла
И добродетели и имя девы той,
Котора споборала
Религии святой;
Другой же бытие Природа даровала.

Она обеих вас на то произвела,
Чтоб ваши чувства и дела
Взаимно счастье составляли
И полу нежному пример бы подавали.
Разлука угнетает вас,
О верные друзья! Настанет вскоре час —
Приятный, сладостный, блаженный час свиданья:
И в излипании сердец
Вы узрите ее конец
И позабудете минувшие страданья!..

4 декабря 1816

«Пускай от зависти сердца зоилов ноют...»

Пускай от зависти сердца зоилов ноют.
Вольтер! Они тебе вреда не нанесут...
Питомца своего Пиериды покроют
И *Дивного* во храм бессмертья проведут!

8 мая 1818

Послание Горация к Меценату, в котором приглашает его к сельскому обеду

Приди, желанный гость, краса моя и радость!
Приди, – тебя здесь ждет и кубок круговой,
И розовый венок, и песней нежных сладость!
Возжженны не льстеца рукой,
Душистый анемон и крины
Лиют на брашны аромат,
И полные плодов корзины
Твой вкус и зренье усладят.
Приди, муж правоты, народа покровитель,
Отчизны верный сын и строгий друг царев,
Питомец счастливый кастальских чистых дев,
Приди в мою смиренную обитель!
Пусть велелепные столпы,
Громады храмин позлащенны
Прельщают алчный взор несмысленной толпы;

Оставь на время град, в заботах погруженный,
Склонись под тень дубрав; здесь ждет тебя покой.
Под кровом сельского Пената,
Где всё красуется, всё дышит простотой,
Где чужд холодный блеск и пурпура и злата, —
Там сладок кубок круговой!
Чело, наморщенное думой,
Теряет здесь свой вид угрюмый;
В обители отцов всё льет отраду нам!
Уже небесный лев тяжелою стопою
В пределах зноя стал – и пламенной стезею
Течет по светлым небесам!..
В священной рощице Сильвана,
Где мгла таинственна с прохладой слиянна,
Где брезжит сквозь листов дрожащий, тихий свет,
Игривый ручеек едва-едва течет
И шепчет в сумраке с прибрежной осокою;
Здесь в знойные часы, пред рощею густою,
Спит стадо и пастух под сению прохлад,
И в розовых кустах зефиры легки спят.
А ты, Фемиды жрец, защитник беззащитных,
Проводишь дни свои под бременем забот;
И счастье сограждан – благий, достойный плод
Твоих стараний неусыпных! —
Для них желал бы ты познать судьбы предел;
Но строгий властелин земли, небес и ада
Глубокой, вечной тьмой грядущее одел.
Благоговейте, персти чада! —

Как! Прах земной объять небесное посмеет?
Дерзнет ли разорвать таинственный покров?
Быстрейший самый ум, смутясь, оцепенеет,
И буйный сей мудрец – посмешище богов!
Мы можем, странствуя в тернистой сей пустыне,
Сорвать один цветок, ловить летящий миг;
Грядущее не нам – судьбине;
Так предадим его на произвол благих!
Что время? Быстрый ток, который в долах мирных,
В брегах, украшенных обильной муравой,
Катит кристалл валов сапфирных;
И по серебру зыбей свет солнца золотой
Играет и скользит; но час – и, бурный вскоре,
Забыв свои брега, забыв свой мирный ход,
Теряется в обширном море,
В безбрежной пустоте необозримых вод!

Но час – и вдруг нависших бурь громады
Извергли дождь из черных недр;
Поток возвысился, ревет, расторг преграды,
И роет волны ярый ветер!..
Блажен, стократ блажен, кто может в умиление,
Возревши на Вождя светил,
Текущего почить в Нептуновы владенья,
Кто может, радостный, сказать себе: «Я жил!»
Пусть завтра тучею свинцовой
Всесильный бог громов вкруг ризою багровой
Эфир сгущенный облечет
Иль снова в небесах рассыплет солнца свет —
Для смертных всё равно; и что крылаты годы
С печального лица земли
В хранилище времен с собою увлекли,
Не пременит того и сам Отец природы.
Сей мир – игралище Фортуны злой.
Она кичливый взор на шар земной бросает
И всей вселенной потрясает
По прихоти слепой!..
Неверная, меня сегодня осенила;
Богатства, почести обильно мне лиет,
Но завтра вдруг простерла крыла,
К другим склоняет свой полет!
Я презрен – не ропщу, – и, горестный свидетель
И жертва роковой игры,
Ей отдаю ее дары
И облакаюсь в добродетель!..
Пусть бурями увитый Нот
Пучины сланные крутит и воздымает
И черные холмы морских кипящих вод
С громовой тучею сливает,

И бранных кораблей
Рвет снасти, всё крушит в свирепости своей...
Отчизны мирная покрытый небесами,
Не буду я богов обременять мольбами;
Но дружба и любовь, среди житейских волн,
Безбедно приведут в пристанище мой челн.

⟨1819⟩

«Всесилен я и вместе слаб...»

Всесилен я и вместе слаб,
Властитель я и вместе раб,
Добро иль зло творю – о том не рассуждаю,
Я много отдаю, но мало получаю,
И в имя же свое собой повелеваю,
И если бить хочу кого,
То бью себя я самого.

Вторая половина 1810-х годов

Урания

Открылось! – Не мечта ль? Свет новый! Нова сила
Мой дух восторженный, как пламень, облекла!
Кто, отроку, мне дал парение орла! —
Се муз бесценный дар – се вдохновенья крыла!
Несусь – и дольный мир исчез передо мной, —
Сей мир, туманною и тесной
Волнений и сует обвитый пеленой, —
Исчез! – Как солнца луч златой,
Коснулся вежд эфир небесный...
И сваял прах земной...
Я зрю превыспренних селения чудесны...
Отсель – отверзшимся таинственным вратам —
Благоволением судьбины
Текут к нам дщери Мнемозины,
Честь, радость и краса народам и векам!..

Безбрежное море лежит под стопами,
И в светлой лазури спокойных валов
С горящими небо пылает звездами,
Как в чистом сердце – лик богов;
Как тихий трепет – ожиданье;
Окрест священное молчанье.
И се! Как луна из-за облак, встает
Урании остров из серебряной пены;
Разлился вокруг немерцающий свет,
Богинь улыбкою рожденный...
Несутся свыше звуки лир;
В очарованьях тонет мир!..

Эфирного тени сложив покрывала
И пояс волшебный всемогущих харит,
Здесь образ *Урании* свой восприяла,
И звездный венец на богине горит!
Что нас на земле *мечтою* пленяло,
Как *Истина* то нам и здесь предстоит!
Токмо здесь под ясным небосклоном
Прояснится жизни мрачный ток;
Токмо здесь, забытый Аквилонем,
Льется он, и светел и глубок!
Токмо здесь прекрасен жизни гений,
Здесь, где вечны розы чистых наслаждений,
Вечно юн Поэзии венки!..
Как Фарос для душ и умов освященных,
Высоко воздвигнут *Небесный* храм; —
И *Мудрость* приветствует горним плененных

Вкусить от трапезы питательной там.
Окрест благодатной в зарях златоцветных,
На тронах высоких, в сиянье богов,
Сидят велелепно спасители смертных,
Создатели блага, устройства, градов;
Се *Мир* вечно юный, златыми цепями
Связавший семейства, народы, царей;
Суд правый с недвижимыми вечно весами;
Страх божий, хранитель святых алтарей;
И ты, *Благосердие*, скорби отрада!
Ты, *Верность*, на якорь склоненна челом,
Любовь ко отчизне – отчизны ограда,
И хладная *Доблесть* с горящим мечом;
Ты, с светлыми вечно очами, *Терпенье*,
И *Труд*, неуклонный твой врач и клевет...
Так вышние силы свой держат совет!..
Средь них, вокруг них в святом благоговеньи
Свершает по холмам облаковидных гор
В кругах таинственных теченье
Наук и знаний светлый хор...
Уrania одна, как солнце меж звездами,
Хранит Гармонию и правит их путями:
По манию ее могущего жезла
Из края в край течет благое просвещение;
Где прежде мрачна ночь была,
Там светозарна дня явленье;
Как звезд река, по небосклону вокруг

Простершись, оно вселенну обнимает
И блага жизни изливает
На Запад, на Восток, на Север и на Юг...
Откройся предо мной, протекших лет вселенна!
Уrania, вещай, где первый был твой храм,
Твой трон и твой народ, учитель всем векам? —
Восток таинственный! – Чреда твоя свершенна!..
Твой ранний день протек! Из ближних Солнце врат
Рожденья своего обителью надменно
Исходит и течет, царь томный и сомненный...
Где Вавилоны здесь, где Фивы? – Где мой град?
Где славный Персеполь? – Где Мемнон, мой глашатай?
Их нет! – Лучи его теряются в степях,
Где скорбно встретит их ловец или оратай,
Бесплодно роющий во пламенных песках;
Или, стыдливые, скользят они печально
По мшистым ребрам пирамид...
Сокройся, брэнного величья мрачный вид!..
И Солнце в путь стремится дальный:
Эгея на берегах приветственной главой
К нему склонился лавр; и на холмах Эллады

Его алтарь обвил зеленый мирт Паллады;
Его во гимнах звал Певец к себе слепой,
Кони и всадники, вожди и колесницы,
Оставивших Олимп собрание богов;
Удары гибельны Ареевой десницы,
И сладки песни пастухов; —
Рим встал, – и Марсов гром и песни сладкогласны
Стократ на Тибровых раздалися холмах;
И лебедь Мантуи, взрыв Трои пепл злосчастный,
Вознесся и разлил свет вечный на морях!..

Но что сретает взор? – Куда, куда ты скрылась,
Небесная! – Бежит, как бледный в мгле призрак,
Денница света закатилась,
Везде хаос и мрак!
«Нет! вечен свет наук; его не обнимает
Бунтующая мгла; его нетленен плод
И не умрет!..» —
Рекла *Урания* и скиптром помавает,
И бледную, изъязвленну главу
Италия от склеп железных освобождает,
Рвет узы лютых змей, на выю ставши льву!..

Всего начало здесь!.. Земля благословенна,
Долины, недра гор, источники, леса
И ты, Везувий сам! ты, бездна раскаленна,
Природы грозныя ужасная краса!
Всё возвратили вы, что в ярости несытой
Неистовый Сатурн укрыть от нас хотел!
Эллады, Рима цвет из пепела исшел!
И Солнце потекло вновь в путь свой даровитый!..
Феррарскому Орлу ни грозных боев ряд,
Ни чарования, ни прелести томимы,
Ни полчищ тысячи, ни злобствующий ад
Превыспренних путей нигде не воспретят:
На пламенных крылах принес он в храм Солимы
Победу и венец; —
Там нимфы Тага, там валы Гвадалквивира
Во сретенье текут тебе, молодой Певец,
Принесший песни к нам с берегов другого мира; —
Но кто сии два гения стоят?
Как светоносны серафимы,
Хранители Эдемских врат
И тайн жрецы непостижимых? —
Един с Британских вод, другой с Альпийских гор,
Друг другу подают чудотворящи длани;
Земного чуждые, возносят к небу взор
В огне божественных мечтаний!..
Почто горит лицо морских пучин?

Куда восторженны бегут Тамизы воды?
Что в трепете святом вы, Альпы, Апеннин!..
Благоговей, земля! Склоните слух, народы!
Певцы бессмертные вещают бога вам:
Един, как громов сын, гремит средь вас паденье;
Другой, как благодать, благовестит спасенье
И путь, ведущий к небесам.
И се! среди снегов Полунощи глубокой,
Под блеском хладных зорь, под свистом льдистых выюг,
Восстал от Холмогор, – как сильный кедр, высокой,
Встает, возносится и всё объемлет вокруг
Своими крепкими ветвями;
Подъемлясь к облакам, глава его блеснит
Бессмертными плодами.
И тамо, где металл блистательный сокрыт,
Там роет землю он глубокими корнями, —
Так Русский Пиндар встал! – взнес руку к небесам,

Да воспретит пылающим громам;
Минервы копием бьет недра он земные —
И истекли сокровища златые;
Он повелительный простер на море взор —
И свет его горит, как Поллюкс и Кастор!..
Певец, на гроб *отца, царя-героя*,
Он лавры свежие склонил
И дни бесценные блаженства и покоя
Елизаветы озарил!

Тогда, разлившись, свет от северных сияний
Дал отблеск на крутых Аракса берегах;
И гении туда простерли взор и длани,
И Фивы новые зарделися в лучах...
Там, там, в стране денницы,
Возник *Певец Фелицы!*..

Таинственник судеб прорек
Царя-героя в колыбели...
Он с нами днесь! *Он* с неба к нам притек,
Соборы гениев с *ним* царственных слетели;
Престол *его* обстали вокруг;
Над *ним* почиет божий дух!
И музы радостно воспели
Тебя, о царь сердец, на троне Человек!

Твоей всеильною рукою
Закрылись Януса врата!
Ты оградил нас тишиною,
Ты слава наша, красота!
Смиренно к *твоему* склоняся престолу,

Перуны спят горе и долу.
И здесь, где всё – от благодати *твоей*,
Здесь паки гений просвещенья,
Блестая светом обновленья,
Блажит своих веселье дней! —
Здесь клятвы он дает священны,
Что, постоянный, неизменный,
В своей блестящей высоте,
Монарха следуя заветам и примеру,
Взнесется, опершись на Веру,
К своей божественной мете.

⟨1820⟩

С. Е. Раичу («Неверные преодолев пучины...»)

Неверные преодолев пучины,
Достиг пловец желанных берегов;
И в пристани, окончив бег пустынный,
С веселостью знакомится он вновь!..
Ужель тогда челнок свой многомогущный
Восторженный цветами не увьет?..
Под блеском их и зеленью роскошной
Следов не скроет мрачных бурь и вод?..
И ты рассек с отважностью и славой
Моря обширные своим рулем, —
И днесь, о друг, спокойно, величаво
Влетаешь в пристань с верным торжеством.
Скорей на брег — и дружеству на лоно
Склони, певец, склони главу свою —
Да ветвию от древа Аполлона
Его питомца я увью!..

14 сентября 1820

К оде Пушкина на Вольность

Огнем свободы пламенея
И заглушая звук цепей,
Проснулся в лире дух Алцея —
И рабства пыль слетела с ней.
От лиры искры побежали
И вседробящею струей,
Как пламень божий, ниспадали
На чела бледные царей.
Счастлив, кто гласом твердым, смелым,
Забыв их сан, забыв их трон,
Вещать тиранам закоснелым
Святые истины рожден?
И ты великим сим уделом,
О муз питомец, награжден!
Воспой и силой сладкогласья
Разнежь, растрогай, преврати
Друзей холодных самовластья
В друзей добра и красоты!

Но граждан не смущай покою
И блеска не мрачи венца,
Певец! Под царскою парчою
Своей волшебною струною
Смягчай, а не тревожь сердца!

1820?

Харон и Каченовский

Харон

Неужто, брат, из царства ты живых —
Но ты так сух и тощ. Ей-ей, готов божиться,
Что дух нечистый твой давно в аду томится!

Каченовский

Так, друг Харон. Я сух и тощ от книг...
Притом (что долее таиться?)
Я полон желчи был – отмстителен и зол,
Всю жизнь свою я пробыл спичкой...

1820?

Одиночество

(Из Ламартина)

Как часто, бросив взор с утесистой вершины,
Сажусь задумчивый в тени древес густой,
И развиваются передо мной
Разнообразные вечерние картины!
Здесь пенится река, долины красота,
И тщетно в мрачну даль за ней стремится око;
Там дремлющая зыбь лазурного пруда
Светлеет в тишине глубокой.
По темной зелени дерёв
Зари последний луч еще приметно бродит,
Луна медлительно с полуночи восходит
На колеснице облаков,
И с колокольни одинокой
Разнесся благовест протяжный и глухой;
Прохожий слушает, – и колокол далекий
С последним шумом дня сливает голос свой.

Прекрасен мир! Но восхищенью
В иссохшем сердце места нет!..
По чуждой мне земле скитаюсь сирой тенью,
И мертвого согреть бессилен солнца свет.
С холма на холм скользит мой взор унылый
И гаснет медленно в ужасной пустоте;
Но, ах, где стречу то, что б взор остановило?
И счастья нет, при всей природы красоте!..
И вы, мои поля, и рощи, и долины,
Вы мертвы! И от вас дух жизни улетел!
И что мне в вас теперь, бездушные картины!..
Нет в мире одного – и мир весь опустел.
Встает ли день, ночные ль сходят тени —
И мрак и свет противны мне...
Моя судьба не знает изменений —
И горечь вечная в душевной глубине!
Но долго ль страннику томиться в заточенье.
Когда на лучший мир покину дольный прах,
Тот мир, где нет сирот, где вере исполненье,
Где солнцы истины в нетленных небесах?..
Тогда, быть может, прояснится
Надежд таинственных спасительный предмет,
К чему душа и здесь еще стремится
И токмо там, в отчизне, обоймет...
Как светло сонмы звезд пылают надо мною,
Живые мысли божества!

Какая ночь сгустилась над землею,
И как земля, в виду небес, мертва!..
Встает гроза, и вихрь, и лист крутит пустынный!
И мне, и мне, как мертвому листу,
Пора из жизненной долины, —
Умчите ж, бурные, умчите сироту!..

Между 1820 и мартом 1822, <1823>

Весна (Посвящается друзьям)

Любовь земли и прелесть года,
Весна благоухает нам!..
Творенью пир дает природа,
Свиданья пир дает сынам!

Дух жизни, силы и свободы
Возносит, обвеваает нас!..
И радость в душу пролилась,
Как отзыв торжества природы,
Как бога животворный глас!
Где вы, Гармонии сыны?
Сюда!.. И смелыми перстами
Коснитесь дремлющей струны,
Нагретой яркими лучами
Любви, восторга и весны!..
Как в полном, пламенном расцвете,
При первом утра юном свете,
Блистают розы и горят;
Как зефир в радостном полете
Их разливает аромат, —
Так разливайся жизни сладость,
Певцы!.. За вами по следам!
Так порхай наша, други, младость
По светлым счастья цветам!..

Вам, вам сей бедный дар признательной любви,
Цветок простой, не благовонный,
Но вы, наставники мои,
Вы примете его с улыбкой благосклонной.
Так слабое дитя, любви своей в залог,
Приносит матери на лоно
В лугу им сорванный цветок!..

⟨1821⟩, ⟨1828⟩

А. Н. М<урьеву>

Нет веры к вымыслам чудесным,
Рассудок всё опустошил
И, покорив законам тесным
И воздух, и моря, и сушу,
Как пленников – их обнажил;
Ту жизнь до дна он иссушил,
Что в дерево вливала душу,
Давала тело бестелесным!..

Где вы, о древние народы!
Ваш мир был храмом всех богов,
Вы книгу Матери-природы
Читали ясно, без очков!..
Нет, мы не древние народы!
Наш век, о други, не таков.
О раб ученой суеты
И скованный своей наукой!
Напрасно, критик, гонишь ты
Их златокрылые мечты;
Поверь – сам опыт в том порукой, —
Чертог волшебный добрых фей
И в сновиденье – веселей,
Чем наяву – томиться скукой
В убогой хижине твоей!..

13 декабря 1821

Гектор и Андромаха

(Из Шиллера)

Андромаха

Снова ль, Гектор, мчишься в бурю брани
Где с булатом в неприступной длани
Мстительный свирепствует Пелид?..
Кто же призрит Гекторова сына,
Кто научит долгу властелина,
Страх к богам в младенце поселит?..

Гектор

Мне ль томиться в тягостном покое?..
Сердце жаждет прохлажденья в бое,
Мести жаждет за Пергам!..
Древняя отцов моих обитель!
Я паду!.. но, родины спаситель,
Сниду весел к Стиксовым брегам...

Андромаха

Суждено ль мне в сих чертогах славы
Видеть меч твой праздный и заржавый? —
Осужден ли весь Приамов род?..

Скоро там, где нет любви и света, —
Там, где льется сумрачная Лета,
Скоро в ней любовь твоя умрет!..

Гектор

Все души надежды, все порывы —
Всё поглотят воды молчаливы, —
Но не Гектора любовь!..
Слышишь?.. Мчатся... Пламя пышет боя!
Час ударил!.. Сын, супруга, Троя!..

Бесконечна Гектора любовь!..

⟨1822⟩

«Не дай нам духу празднословия!..»

«Не дай нам духу празднословия!»

Итак, от нынешнего дня

Ты в силу нашего условия

Молитв не требуй от меня.

Начало 1820-х годов

Противникам вина

(Яко и вино веселит сердце человека)

О, суд людей неправый,
Что пьянствовать грешно!
Велит рассудок здравый
Любить и пить вино.
Проклятие и горе
На спорщиков главу!
Я помощь в важном споре
Святую призову.
Наш прадед, обольщенный
Женою и змием,
Плод скушал запрещенный
И прогнан поделом.

Ну как не согласиться,
Что дед был виноват:
Чем яблоком прельститься,
Имея виноград?
Но честь и слава Ною, —
Он вел себя умно,
Рассорился с водою
И взялся за вино.
Ни ссоры, ни упрёку
Не нажил за бокал.
И часто гроздий соку
В него он подливал.
Благие покушенья
Сам бог благословил —
И в знак благоволенья
Завет с ним заключил.
Вдруг с кубком не слюбился
Один из сыновей.
О, изверг! Ной вступился,
И в ад попал злодей.
Так станемте ж запоем
Из набожности пить,
Чтоб в божье вместе с Ноем
Святилище вступить.

Начало 1820-х годов

Послание к А. В. Шереметеву

Насилу добрый гений твой,
Мой брат по крови и по лени,
Увел тебя под кров родной
От всех маневров и учений,
Казарм, тревог и заточений,
От жизни мирно-боевой.
В кругу своих, в халате, дома
И с службой согласив покой,
Ты праздный меч повесил свой
В саду героя-агронома

Но что ж? Ты мог ли на просторе
Мечте любимой изменить?
Ты знаешь, друг, что праздность – горе,
Коль не с кем нам ее делить.
Прими ж мой дружеский совет
(Оракул говорил стихами
И убеждал, бывало, свет):
Между московскими красами
Найти легко, сомненья нет,
Красавицу в пятнадцать лет
С умом, душою и душами.
Оставь на время плуг Толстого,
Забудь химеры и чины,
Женись и в полном смысле слова
Будь адъютант своей жены.
Тогда предамся вдохновенью,
Разбудит Музу Гименей,
Своей пожертвую я ленью,
Лишь ты свою преодолей!

Январь 1823

Песнь Радости

(Из Шиллера)

Радость, первенец творенья,
Дщерь великого Отца,
Мы, как жертву прославления,
Предаем тебе сердца!
Всё, что делит прихоть света,
Твой алтарь сближает вновь,
И душа, тобой согрета,
Пьет в лучах твоих любовь!

Хор

В круг единый, божьи чада!
Ваш Отец глядит на вас!
Свят его призывный глас,
И верна его награда!
Кто небес провидел сладость,
Кто любил на сей земли,
В милом взоре черпал Радость, —
Радость нашу раздели.

Все, чье сердце сердцу друга
В братской вторило груди;
Кто ж не мог любить, — из круга
Прочь с слезами отойди!..

Хор

Душ родство! О, луч небесный!
Всдерживающее звено!
К небесам ведет оно,
Где витает *Неизвестный!*
У грудей благой природы
Всё, что дышит, Радость пьет!
Все созданья, все народы
За собой она влечет;
Нам друзей дала в несчастье —
Гроздий сок, венки харит,
Насекомым — сладострастье,

Ангел – богу предстоит.

Хор

Что, сердца, благовестите?
Иль творец сказался вам?
Здесь лишь тени – солнце там, —
Выше звезд его ищите!..
Душу божьего творенья
Радость вечная поит,
Тайной силою броженья
Кубок жизни пламенит;
Травку выманила к свету,
В солнцы – хаос развила
И в пространствах – звездочету
Неподвластных – разлила!

Хор

Как миры катятся следом
За вседвижущим перстом,
К нашей цели потечем —
Бодро, как герой к победам!
В ярком истины зеркале
Образ *твой* очам блестит;
В горьком опыта фиале
Твой алмаз на дне горит.

Ты, как облак прохладенья,
Нам предходишь средь трудов,
Светишь утром возрожденья
Сквозь расселины гробов!

Хор

Верьте правящей деснице! —
Наши скорби, слезы, вздох
В ней хранятся как залог
И искупятся сторицей!
Кто постигнет провиденье?
Кто явит стези его?
В сердце сыщем откровенье,

Сердце скажет божество!
Прочь вражда с земного круга!
Породнись душа с душой!
Жертвой мести – купим друга,
Пурпур – вретница ценой.

Хор

Мы врагам своим простили,
В книге жизни нет долгов;
Там, в святилище миров,
Судит бог, как мы судили!..
Радость грозды наливает,
Радость кубки пламенит,
Сердце дикого смягчает,
Грудь отчаянья живет!
В искрах к небу брызжет пена,
Сердце чувствует полней;
Други, братья, – на колена!
Всеблагодару кубок сей!..

Хор

Ты, чья мысль духов родила,
Ты, чей взор миры зажег!
Пьем тебе, великий бог!
Жизнь миров и душ светило!
Слабым – братскую услугу,
Добрым – братскую любовь,
Верность клятв – врагу и другу,
Долгу в дань – всю сердца кровь!

Гражданина голос смелый
На совет к земным богам;
Торжествуй святое дело —
Вечный стыд его врагам.

Хор

Нашу длань к твоей, Отец,
Простираем в бесконечность!
Нашим клятвам даруй вечность,

Наши клятвы – гимн сердец!

Февраль 1823

Друзьям при посылке «Песни Радости» из Шиллера

Что пел божественный, друзья,
В порыве пламенном свободы
И в полном чувстве Бытия,
Когда на пиршество Природы
Певец, любимый сын ея,
Сзывал в единый круг народы;
И с восхищенною душой,
Во взорах – луч животворящий,
Из чаши Гения кипящей
Он пил за здравие людей.
И мне ли петь сей гимн веселый,
От близких сердцу вдалеке,
В неразделяемой тоске, —
Мне ль Радость петь на лире онемелой?
Веселье в ней не сыщется звука,
Его игривая струна
Слезами скорби смочена, —
И порвала ее Разлука!
Но вам, друзья, знакомо вдохновенье!
На краткий миг в сердечном упоенье
Я жребий свой невольно забывал
(Минутное, но сладкое забвенье!),
К протекшему душою улетаю
И Радость пел – пока о вас мечтал.

Между февралем 1823 и серединой 1826

Слезы

O lacrimarum fons... Gray¹

Люблю, друзья, ласкать очами
Иль пурпур искрометных вин,
Или плодов между листьями
Благоухающий рубин.
Люблю смотреть, когда созданья
Как бы погружены в весне
И мир заснул в благоуханье
И улыбается во сне!..
Люблю, когда лицо прекрасной
Зефир лобзаньем пламенит,
То шелк кудрей взвевает сладострастный,
То в ямочки впивается ланит!
Но что все прелести пафосския царицы,
И гроздий сок, и запах роз
Перед тобой, святой источник слез,
Роса божественной денницы!..
Небесный луч играет в них
И, преломясь о капли огневые,
Рисует радуги живые
На тучах жизни громовых.
И только смертного зениц
Ты, ангел слез, дотронешься крылами —
Туман рассеется слезами
И небо серафимских лиц
Вдруг разовьется пред очами.

21 июля 1823

¹ О источник слез... Грей (лат.). – Ред.

С чужой стороны

(Из Гейне)

На севере мрачном, на дикой скале
Кедр одинокий под снегом белеет,
И сладко заснул он в инистой мгле,
И сон его вьюга лелеет.
Про юную пальму всё снится ему,
Что в дальних пределах Востока,
Под пламенным небом, на знойном холму
Стоит и цветет, одинока...

1823 или 1824

«Друг, откройся предо мною...»

(Из Гейне)

Друг, откройся предо мною —
Ты не призрак ли какой,
Как выводит их порою
Мозг поэта огневой!..
Нет, не верю: этих щечек,
Этих глазок милый свет,
Этот ангельский роточек —
Не создаст сего поэт.
Василиски и вампиры,
Конь крылат и змий зубаст —
Вот мечты его кумиры, —
Их творить поэт горазд.
Но тебя, твой стан эфирный,
Сих ланит волшебный цвет,
Этот взор лукаво-смирный —
Не создаст сего поэт.

Между 1823 и 1829

«Как порою светлый месяц...»

(Из Гейне)

Как порою светлый месяц
Выплывает из-за туч —
Так, один, в ночи бывшего
Светит мне отрадный луч.
Все на палубе сидели,
Вдоль по Рейну неслись,
Зеленеющие бреги
Перед нами раздались.
И у ног прелестной дамы
Я в раздумий сидел,
И на милом, бледном лице
Тихий вечер пламенел.
Дети пели, в бубны били,
Шуму не было конца,
И лазурней стало небо,
И просторнее сердца.
Сновиденьем пролетали
Горы, замки на горах —
И светились, отражаясь,
В милых спутницы очах.

Между 1825 и 1829

К Н.

Твой милый взор, невинной страсти полный,
Златой рассвет небесных чувств твоих
Не мог, увы! умиловить их —
Он служит им укрою безмолвной.
Сии сердца, в которых правды нет,
Они, о друг, бегут, как приговора,
Твоей любви младенческого взора,
Он страшен им, как память детских лет.

Но для меня сей взор благодаянье;
Как жизни ключ, в душевной глубине
Твой взор живет и будет жить во мне:
Он нужен ей, как небо и дыханье.
Таков горе духов блаженных свет,
Лишь в небесах сияет он, небесный;
В ночи греха, на дне ужасной бездны,
Сей чистый огонь, как пламень адский, жжет.

23 ноября 1824

К Нисе

Ниса, Ниса, бог с тобою!
Ты презрела дружный глас,
Ты поклонников толпою
Оградилася от нас.
Равнодушно и беспечно,
Легковерное дитя,
Нашу дань любви сердечной
Ты отвергнула шутя.
Нашу верность променяла
На неверный блеск, пустой, —
Наших чувств тебе, знать, мало, —
Ниса, Ниса, бог с тобой!

⟨1825⟩

Песнь скандинавских воинов

(Из Гердера)

Хладен, светел,
День проснулся —
Ранний петел
Встрепенулся, —
Дружина, воспрянь!
Вставайте, о други!
Бодрей, бодрей
На пир мечей
На брань!..

Пред нами наш вождь!
Мужайтесь, о други,
И вслед за могучим
Ударим грозой!..
Вихрем помчимся
Сквозь тучи и гром
К солнцу победы
Вслед за орлом!..

Где битва мрачнее, воители чаще,
Где срослися щиты, где сплелися мечи,
Туда он ударит – перун вседробящий —
И след огнезвездный и кровью горящий
Пророет дружине в железной ночи.
За ним, за ним – в ряды врагов,
Смелей, друзья, за ним!..
Как груды скал, как море льдов —
Прорвем их и стесним!..

Хладен, светел,
День проснулся —
Ранний петел
Встрепенулся, —
Дружина, воспрянь!..

Не кубок кипящий душистого меда
Румяное утро героям вручит;
Не сладостных жен любовь и беседа
Вам душу согреет и жизнь оживит;
Но вас, обновленных прохладой сна, —
Кровавая битвы подымет волна!..

Дружина, воспрянь!..

Смерть иль победа!..
На брань!..

⟨1825⟩

Проблеск

Слышал ли в сумраке глубоком
Воздушной арфы легкий звон,
Когда полночь, ненароком,
Дремавших струн встревожит сон?..

То потрясающие звуки,
То замирающие вдруг...
Как бы последний ропот муки,
В них отозвавшись, потух!
Дыханье каждое Зефира
Взрывает скорбь в ее струнах...
Ты скажешь: ангельская лира
Грустит, в пыли, по небесах!
О, как тогда с земного круга
Душой к бессмертному летим!
Минувшее, как призрак друга,
Прижать к груди своей хотим.
Как верим верою живою,
Как сердцу радостно, светло!
Как бы эфирною струею
По жилам небо протекло!
Но, ах! не нам его судили;
Мы в небе скоро устаем, —
И не дано ничтожной пыли
Дышать божественным огнем.
Едва усилием минутным
Прервем на час волшебный сон
И взором трепетным и смутным,
Привстав, окинем небосклон, —
И отягченную главою,
Одним лучом ослеплены,
Вновь упадаем не к покою,
Но в утомительные сны.

⟨1825⟩

В альбом друзьям

(Из Байрона)

Как медлит путника вниманье
На хладных камнях гробовых,
Так привлечет друзей моих
Руки знакомой начертанье!..

Чрез много, много лет оно
Напомнит им о прежнем друге:
«Его нет боле в вашем круге,
Но сердце здесь погребено!..»

1826

Саконтала

(Из *Gëte*)

Что юный год дает цветам —
Их девственный румянец;
Что зрелый год дает плодам —
Их царственный багрянец;
Что нежит взор и веселит,
Как перл, в морях цветущий;
Что греет душу и живит,
Как нектар, всемогущий;
Весь цвет сокровищниц мечты,
Весь полный цвет творенья,
И, словом, небо красоты
В лучах воображенья, —
Всё, всё Поэзия слила
В тебе одной – *Саконтала*.

1826

14-е декабря 1825

Вас развратило Самовластье,
И меч его вас поразил, —
И в неподкупном беспристрастье
Сей приговор Закон скрепил.
Народ, чуждаясь вероломства,
Поносит ваши имена —
И ваша память от потомства,
Как труп в земле, схоронена.
О жертвы мысли безрассудной,
Вы уповали, может быть,
Что станет вашей крови скудной,
Чтоб вечный полюс растопить!

Едва, дымясь, она сверкнула,
На вековой громаде льдов,
Зима железная дохнула —
И не осталось и следов.

1826

Вечер

Как тихо веет над долиной
Далекий колокольный звон,
Как шум от стаи журавлиной, —
И в звучных листьях замер он.
Как море вешнее в разливе,
Светлея, не колыхнет день, —
И торопливей, молчаливей
Ложится по долине тень.

Около 1826; <1829>

С. Е. Раичу («На камень жизни роковой...»)

На камень жизни роковой
Природою заброшен,
Младенец пылкий и живой
Играл – неосторожен,
Но Муза сирого взяла
Под свой покров надежный,
Поэзии разостлала
Ковер под ним роскошный.
Как скоро Музы под крылом
Его созрели годы —
Поэт, избытком чувств влеком,
Предстал во храм Свободы, —
Но мрачных жертв не приносил,
Служа ее кумиру, —
Он горсть цветов ей посвятил
И пламенную лиру.
Еще другое божество
Он чтит в молодые лета —
Амур резвился вокруг него
И дани брал с поэта.

Ему на память стрелку дал,
И в сладкие досуги
Он ею повесть начертал
Орфеевой супруги.
И в мире сем, как в царстве снов,
Поэт живет, мечтая, —
Он так достиг земных венцов
И так достигнет рая...
Ум скор и сметлив, верен глаз,
Воображенье – быстро...
А спорил в жизни только раз —
На *диспуте магистра*.

1827?

«Закралась в сердце грусть, – и смутно...»

(Из Гейне)

Закралась в сердце грусть, – и смутно
Я вспомянул о старине:
Тогда всё было так уютно
И люди жили как во сне.
А нынче мир весь как распался:
Всё кверху дном, все сбились с ног, —
Господь-бог на небе скончался
И в аде сатана издох.
Живут как нехотя на свете,
Везде брюзга, везде раскол, —
Не будь крохи любви в предмете,
Давно б из мира вон ушел.

Между 1826 и 1829

Вопросы

(Из Гейне)

Над морем, диким полуночным морем
Муж-юноша стоит —
В груди тоска, в душе сомненье, —
И, сумрачный, он вопрошает волны:
«О, разрешите мне загадку жизни,

Мучительно-старинную загадку,
Над коей сотни, тысячи голов —
В египетских, халдейских шапках,
Гиероглифами ушитых,
В чалмах, и митрах, и скуфьях,
И с париками, и обритых, —
Тьмы бедных человеческих голов
Кружилися, и сохли, и потели, —
Скажите мне, что значит человек?
Откуда он, куда идет,
И кто живет над звездным сводом?»
По-прежнему шумят и ропщут волны,
И дует ветер, и гонит тучи,
И звезды светят хладно-ясно —
Глупец стоит – и ждет ответа!

Между 1827 и 1829

«За нашим веком мы идем...»

За нашим веком мы идем,
Как шла Креуза за Энеем:
Пройдем немного – ослабеем,
Убавим шаг – отстает.

Между 1827 и 1829

Кораблекрушение

(Из Гейне)

Надежда и любовь – всё, всё погибло!..
И сам я, бледный, обнаженный труп,
Изверженный сердитым морем,
Лежу на берегу,
На диком, голом берегу!..
Передо мной – пустыня водяная,
За мной лежат и горе и беда,
А надо мной бредут лениво тучи,
Уродливые дщери неба!
Они в туманные сосуды
Морскую черпают волну,
И с ношей вдаль, усталые, влекутся,

И снова выливают в море!..
Нерадостный и бесконечный труд!
И суетный, как жизнь моя!..
Волна шумит, морская птица стонет!
Минувшее повеяло мне в душу —
Былые сны, потухшие виденья
Мучительно-отрадные встают!
Живет на севере жена!
Прелестный образ, царственно-прекрасный!
Ее, как пальма, стройный стан
Обхвачен белой сладострастной тканью;
Кудрей роскошных темная волна,
Как ночь богов блаженных, льется
С увенчанной косами головы
И в легких кольцах тихо веет
Вкруг бледного, умильного лица,
И из умильно-бледного лица
Отверсто-пламенное око
Как черное сияет солнце!..
О черно-пламенное солнце,
О, сколько, сколько раз в лучах твоих
Я пил восторга дикий пламень,
И пил, и млел, и трепетал, —
И с кротостью небесно-голубиной
Твои уста улыбка обвевала,
И гордо-милые уста
Дышали тихими, как лунный свет, речами
И сладкими, как запах роз...
И дух во мне, оживши, воскресился
И к солнцу, как орел, парил!..

Молчите, птицы, не шумите, волны,
Всё, всё погибло – счастье и надежда,
Надежда и любовь!.. Я здесь один, —
На дикий берег заброшенный грозю,
Лежу простерт – и рдеющим лицом
Сырой песок морской пучины рою!..

Между 1827 и 1829

Весенняя гроза

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.
Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.
С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной, и шум нагорный —
Всё вторит весело громам.
Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

1828, начало 1850-х годов

Могила Наполеона

Душой весны природа ожила,
И блещет всё в торжественном покое:
Лазурь небес, и море голубое,
И дивная гробница, и скала!
Древа кругом покрылись новым цветом,
И тени их, средь общей тишины,
Чуть зыблются дыханием волны
На мраморе, весною разогретом...
Еще гремит твоих побед
Отзывный гул в колеблющемся мире...
...
...
И ум людей твоею тенью полн,
А тень твоя, скитаясь в крае диком,
Чужда всему, внимая шуму волн,
И тешится морских пернатых криком.

⟨1828⟩

Cache-cache²

Вот арфа ее в обычайном углу,
Гвоздики и розы стоят у окна,
Полуденный луч задремал на полу:
Условное время! Но где же она?
О, кто мне поможет шалунью сыскать,
Где, где приютилась сильфида моя?
Волшебную близость, как благодать,
Разлитую в воздухе, чувствую я.
Гвоздики недаром лукаво глядят,
Недаром, о розы, на ваших листах
Жарчее румянец, свежей аромат:
Я понял, кто скрылся, зарылся в цветах!
Не арфы ль твоей мне слышался звон?
В струнах ли мечтаешь укрыться златых?
Металл содрогнулся, тобой оживлен,
И сладостный трепет еще не затих.
Как пляшут пылинки в полдневных лучах,
Как искры живые в родимом огне!
Видал я сей пламень в знакомых очах,
Его упоенье известно и мне.
Влетел мотылек, и с цветка на другой,
Притворно-беспечный, он начал порхать.
О, полно кружиться, мой гость дорогой!
Могу ли, воздушный, тебя не узнать?

⟨1828⟩

² Игра в прятки (фр). – *Ред.*

Летний вечер

Уж солнца раскаленный шар
С главы своей земля скатила,
И мирный вечера пожар
Волна морская поглотила.

Уж звезды светлые взошли
И тяготеющий над нами
Небесный свод приподняли
Своими влажными главами.
Река воздушная полней
Течет меж небом и землею,
Грудь дышит легче и вольней,
Освобожденная от зною.
И сладкий трепет, как струя,
По жилам пробежал природы,
Как бы горячих ног ея
Коснулись ключевые воды.

⟨1828⟩

Видение

Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес.
Тогда густеет ночь, как хаос на водах,
Беспамятство, как Атлас, давит сушу...
Лишь музы девственную душу
В пророческих тревожат боги снах!

⟨1829⟩

Олегов щит

1

«Аллах! пролей на нас твой свет!
Краса и сила правоверных!
Гроза гяуров лицемерных!
Пророк твой – Магомет!..»

2

«О наша крепость и оплот!
Великий бог! веди нас ныне,
Как некогда ты вёл в пустыне
Свой избранный народ!..»

3

Глухая полночь! Всё молчит!
Вдруг... из-за туч луна блеснула —
И над воротами Стамбула
Олегов озарила щит.

1829, начало 1850-х годов

Бессонница («Часов однообразный бой...»)

Часов однообразный бой,
Томительная ночи повесть!
Язык для всех равно чужой
И внятнй каждому, как совесть!
Кто без тоски внимал из нас,
Среди всемирного молчанья,
Глухие времени стенанья,
Пророчески-прощальный глас?
Нам мнится: мир осиротелый
Неотразимый Рок настиг —
И мы, в борьбе, природой целой
Покинуты на нас самих.
И наша жизнь стоит пред нами,
Как призрак на краю земли,
И с нашим веком и друзьями
Бледнеет в сумрачной дали...
И новое, младое племя
Меж тем на солнце расцвело,
А нас, друзья, и наше время
Давно забвеньем занесло!

Лишь изредка, обряд печальный
Свершая в полуночный час,
Металла голос погребальный
Порой оплакивает нас!

⟨1829⟩

Утро в горах

Лазурь небесная смеется,
Ночной омытая грозой,
И между гор росисто вьется
Долина светлой полосой.
Лишь высших гор до половины
Туманы покрывают скат,
Как бы воздушные руины
Волшебством созданных палат.

⟨1829⟩

Снежные горы

Уже полдневная пора
Палит отвесными лучами, —
И задымилась гора
С своими черными лесами.
Внизу, как зеркало стальное,
Синеют озера струи
И с камней, блещущих на зное,
В родную глубь спешат ручьи...
И между тем как полусонный
Наш дольний мир, лишенный сил,
Проникнут негой благовонной,
Во мгле полуденной почил, —
Горе, как божества родные,
Над издыхающей землей,
Играют выси ледяные
С лазурью неба огневой.

⟨1829⟩

Полдень

Лениво дышит полдень мглистый,
Лениво катится река,
В лазури пламенной и чистой
Лениво тают облака.
И всю природу, как туман,
Дремота жаркая объемлет,
И сам теперь великий Пан
В пещере нимф покойно дремлет.

⟨1829⟩

СНЫ

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами...
Настанет ночь – и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой.
То глас ее: он нудит нас и просит...
Уж в пристани волшебный ожил челн;
Прилив растет и быстро нас уносит
В неизмеримость темных волн.
Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, —
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

⟨1829⟩

Двум сестрам

Обеих вас я видел вместе —
И всю тебя узнал я в ней...
Та ж взоров тихость, нежность гласа,
Та ж свежесть утреннего часа,
Что веяла с главы твоей!..

И всё, как в зеркале волшебном,
Всё обозначилося вновь:
Минувших дней печаль и радость,
Твоя утраченная младость,
Моя погибшая любовь!..

⟨1829⟩

Императору Николаю I

Из Людвиг Баварского

О Николай, *народов победитель*,
Ты имя оправдал свое! Ты победил!
Ты, господом воздвигнутый воитель,
Неистовство врагов его смирил...
Настал конец жестоких испытаний,
Настал конец неизреченных мук.
Ликуйте, христиане!
Ваш бог, бог милостей и браней,
Исторг кровавый скиптр из нечестивых рук.

Тебе, тебе, послу его велений —
Кому сам бог вручил свой страшный меч, —
Известь народ его из смертной тени
И вековую цепь навек рассечь.
Над избранной, о царь, твоей главою
Как солнце просияла благодать!
Бледнея пред тобою,
Луна покрылась тьмою —
Владычеству Корана не восстать...

Твой гневный глас послыша в отдаленье,
Содроглися Османовы врата:
Твоей руки одно лишь мановенье —
И в прах падут к подножию креста.
Сверши свой труд, сверши людей спасенье.
Реки: «Да будет свет» – и будет свет!
Довольно крови, слез пролитых,
Довольно жен, детей избитых,
Довольно над Христом ругался Магомет!..
Твоя душа мирской не жаждет славы,
Не на земное устремлен твой взор.

Но тот, о царь, кем держатся державы,
Врагам своим изрек их приговор...
Он сам от них лицо свое отводит,
Их злую власть давно подмыла кровь,
Над их главою ангел смерти бродит,
Стамбул исходит —
Константинополь воскресает вновь...

⟨1829⟩

К N. N.

Ты любишь! Ты притворствовать умеешь:
Когда в толпе, украдкой от людей,
Моя нога касается твоей,
Ты мне ответ даешь – и не краснеешь!
Всё тот же вид рассеянный, бездушный,
Движенья персей, взор, улыбка та ж...
Меж тем твой муж, сей ненавистный страж,
Любуется твоей красой послушной!..
Благодаря и людям и судьбе,
Ты тайным радостям узнала цену,
Узнала свет... Он ставит нам в измену
Все радости... Измена льстит тебе.
Стыдливости румянец невозвратный,
Он улетел с младых твоих ланит —
Так с юных роз Авроры луч бежит
С их чистою душою ароматной.
Но так и быть... В палящий летний зной
Лестней для чувств, приманчивей для взгляда
Смотреть, в тени как в кисти винограда
Сверкает кровь сквозь зелени густой.

1829

«Еще шумел веселый день...»

Еще шумел веселый день,
Толпами улица блистала,
И облаков вечерних тень
По светлым кровлям пролетала,
И доносились порой
Все звуки жизни благодатной, —
И всё в один сливалось строй,
Стозвучный, шумный – и невнятный.
Весенней негой утомлен,
Я впал в невольное забвенье...
Не знаю, долог ли был сон,
Но странно было пробужденье...
Затих повсюду шум и гам
И воцарилось молчанье —
Ходили тени по стенам
И полусонное мерцанье...
Украдкой в мое окно
Глядело бледное светило,
И мне казалось, что оно
Мою дремоту сторожило.
И мне казалось, что меня
Какой-то миротворный гений
Из пышно-золотого дня
Увлёк, незримый, в царство теней.

1829, 1851

Последний катаклизм

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Всё зримое опять покроют воды,
И божий лик изобразится в них!

⟨1829⟩

Безумие

Там, где с землею обгорелой
Слился, как дым, небесный свод, —
Там в беззаботности веселой
Безумье жалкое живет.
Под раскаленными лучами,
Зарывшись в пламенных песках,
Оно стеклянными очами
Чего-то ищет в облаках.
То вспрянет вдруг и, чутким ухом
Припав к растреснутой земле,
Чему-то внемлет жадным слухом
С довольством тайным на челе.
И мнит, что слышит струй кипенье,
Что слышит ток подземных вод,
И колыбельное их пенье,
И шумный из земли исход!.

⟨1829⟩

«Здесь, где так вяло свод небесный...»

Здесь, где так вяло свод небесный
На землю тощую глядит, —
Здесь, погрузившись в сон железный,
Усталая природа спит...
Лишь кой-где бледные березы,
Кустарник мелкий, мох седой,
Как лихорадочные грезы,
Смущают мертвенный покой.

⟨1829⟩

Странник

Угоден Зевсу бедный странник,
Над ним святой его покров!..
Домашних очагов изгнанник,
Он гостем стал благих богов!..
Сей дивный мир, их рук созданье,
С разнообразием своим,
Лежит, развитый перед ним
В утеху, пользу, назиданье...
Чрез веси, грады и поля,
Светлея, стелется дорога, —
Ему отверста вся земля,
Он видит всё и славит бога!..

⟨1829⟩

Успокоение

Гроза прошла – еще курясь, лежал
Высокий дуб, перунами сраженный,
И сизый дым с ветвей его бежал
По зелени, грозой освеженной.
А уж давно, звучнее и полней,
Пернатых песнь по роще раздалась
И радуга концом дуги своей
В зеленые вершины уперлась.

⟨1829⟩

Ночные мысли

(Из Гёте)

Вы мне жалки, звезды-горемыки!
Так прекрасны, так светло горите,
Мореходцу светите охотно,
Без возмездья от богов и смертных!
Вы не знаете любви – и ввек не знали!

Неудержно вас уводят Оры
Сквозь ночную беспредельность неба.
О! какой вы путь уже свершили
С той поры, как я в объятьях милой
Вас и полночь сладко забываю!

⟨1829⟩

Весеннее успокоение

(Из Уланда)

О, не кладите меня
В землю сырую —
Скройте, заройте меня
В траву густую!
Пускай дыханье ветерка
Шевелит травую,
Свирель поет издалека,
Светло и тихо облака
Плывут надо мною!..

⟨1829⟩

Приветствие духа

(Из Гёте)

На старой башне, одиноко,
Дух рыцаря стоит —
И, лишь завидит он челнок,
Приветом огласит:
«Играла жизнь и в сей груди,
Кулак был из свинца,
И богатырский мозг в кости,
И кубок до конца...
Пробушевал полжизни я —
Полжизни проволока...
А ты плыви, плыви, ладья,
Куда несет поток».

1829, начало 1830-х годов

Певец

(Из *Gëte*)

«Что там за звуки пред крыльцом,
За гласы пред вратами?..
В высоком тереме моем
Раздайся песнь пред нами!..
Король сказал, и паж бежит,
Вернулся паж, король гласит:
«Скорей впустите старца!..
«Хвала вам, витязи, и честь,
Вам, дамы, обожанья!..
Как звезды в небе перечеть!
Кто знает их названья!..
Хоть взор манит сей рай чудес,
Закройся взор – не время здесь
Вас праздно тешить, очи!»
Седой певец глаза смежил
И в струны грянул живо —
У смелых взор смелей горит,
У жен – поник стыдливо.
Пленился царь его игрой
И шлет за цепью золотой —
Почтить певца седого!..
«Златой мне цепи не давай,
Награды сей не стою,
Ее ты витязям отдай,
Бесстрашным среди бою;
Отдай ее своим дьякам,
Прибавь к их прочим тяготам
Сие златое бремя!..
На божьей воле я пою,
Как птичка в поднебесье,
Не чая мзды за песнь свою —
Мне песнь сама возмездье!..
Просил бы милости одной, —
Вели мне кубок золотой
Вином наполнить светлым!»

Он кубок взял и осушил
И слово молвил с жаром:
«Тот дом господь благословил,
Где это – скудным даром!..
Свою вам милость он пошли
И вас утешь на сей земли,
Как я утешен вами!..»

1829»

«Запад, Норд и Юг в крушенье...»

(Из Гётева «Западно-Восточного дивана»)

Запад, Норд и Юг в крушенье,
Троны, царства в разрушенье, —
На Восток укройся дальний
Воздух пить патриархальный!..
В играх, песнях, пированье
Обнови существованье!..
Там проникну, в сокровенных,
До истоков потаенных
Первородных поколений,
Гласу божиих велений
Непосредственно внимавших
И ума не надрывавших,
Память праотцев святивших,
Иноземию претивших,
Где во всем хранилась мера,
Мысль – тесна, пространна вера,
Слово – в силе и почтенье,
Как живое откровенье!..
То у пастырей под кущей,
То в оазиси цветущей
С караваном отдохну я,
Ароматами торгуя:
Из пустыни в поселенья
Исслежу все направленья.
Песни Гафица святыя
Усладят стези крутые:
Их вожатый голосистый,

Распевая в тверди чистой,
В позднем небе звезды будит
И шаги верблюдов нудит.
То упьюся в банях ленью,
Верен Гафица ученью:
Дева-друг фату бросает,
Амвру с кудрей отрясает, —
И поэта сладкопевность
В девах райских будит ревность!..
И сие высокомерье
Не вменяйте в суеверье;
Знайте: все слова поэта
Легким роем, жадным света,
У дверей стучатся рая,
Дар бессмертья вымоляя!..

1829»

Заветный кубок

(Из *Göthe*)

Был царь, как мало их ныне, —
По смерти он верен был:
От милой, при кончине,
Он кубок получил.
Ценил его высоко
И часто осушал, —
В нем сердце сильно билось,
Лишь кубок в руки брал.
Когда ж сей мир покинуть
Пришел его черед,
Он делит всё наследство, —
Но кубка не дает.
И в замок, что над морем,
Друзей своих созвал
И с ними на прощанье,
Там сидя, пировал.

В последний раз упился
Он влагой огневой,
Над бездной наклонился
И в море – кубок свой...
На дно пал кубок морское, —
Он пал, пропал из глаз,
Забилось ретивое,
Царь пил в последний раз!..

⟨1829⟩

Из «Вильгельма Мейстера» Гёте

«Кто с хлебом слез своих не ел...»

Кто с хлебом слез своих не ел,
Кто в жизни целыми ночами
На ложе, плача, не сидел,
Тот незнаком с небесными властями.

Они нас в бытие манят —
Заводят слабость в преступленья
И после муками казнят:
Нет на земли проступка без отмщенья!

«Кто хочет миру чуждым быть...»

Кто хочет миру чуждым быть,
Тот скоро будет чужд, —
Ах, людям есть кого любить,
Что им до наших нужд!

Так! что вам до меня?
Что вам беда моя?
Она лишь про меня, —
С ней не расстанусь я!

Как крадется к милой любовник тайком:
«Откликнись, друг милый, одна ль?»
Так бродит ночью и днем
Кругом меня тоска,
Кругом меня печаль!..

Ах, разве лишь в гробу
От них укрыться мне —
В гробу, в земле сырой —
Там бросят и оне!

⟨1829⟩

Из Шекспира

«Любовники, безумцы и поэты...»1

Любовники, безумцы и поэты
Из одного воображенья слиты!..
Тот зрит бесов, каких и в аде нет
(Безумец то есть); сей, равно безумный,
Любовник страстный видит, очарован,
Елены красоту в цыганке смуглой.
Поэта око, в светлом исступленьи,
Круговращаясь, блещет и скользит
На землю с неба, на небо с земли —
И, лишь создаст воображеньи виды
Существ неведомых, поэта жезл
Их претворяет в лица и дает
Теням воздушным местность и название!

Песня

Заревел голодный лев,
И на месяц волк завыл;
День с трудом преодолел,
Бедный пахарь опочил.
Угли гаснут на костре,
Дико филин прокричал
И больному на одре
Скорый саван провещал.
Все кладбища, сей порой,
Из зияющих гробов
В сумрак месяца сырой
Высылают мертвецов!..

⟨1829⟩

Байрон

Отрывок < Из Цедлица >

1

Войди со мной – пуста сия обитель,
Сего жилища одичали боги,
Давно остыл алтарь их – и без смены
На страже здесь молчанье. На пороге
Не встретит нас с приветствием служитель,
На голос наш откликнутся лишь стены.
Зачем, о сын Камены
Любимейший, – ты, наделенный даром
Неугасимо-пламенного слова,
Зачем бежал ты собственного крова,
Зачем ты изменил отцовским ларам?
Ах, и куда, безвременно почивший,
Умчал тебя сей вихрь, тебя носивший!

2

Так, некогда здесь был жилец могучий,
Здесь песнями дышал он – и дыханье
Не ветерка в черемухе душистой
Казалось игривое журчанье, —
Нет, песнь его грозней гремящей тучи,
Как божий гнев, то мрачный, то огнистый,
Неслась по тверди мгlistой, —
Вдруг над зеленой нивой или садом
Невыцветшим заклепы расторгала
И мрак, и лед, и пламень извергала,
Огнем палила, бороздила градом, —
Местами лишь, где туча разрывалась,
Лазурь небес прелестно улыбалась!

3

Духов, гласят, неистовое пенье
Внимающих безумьем поражало, —
Так и его, как неземная сила,

Все пропасти душевные взрывало,
На самом дне будило преступленье,
Дыханье замирало, сердце ныло,
И нечто грудь теснило.
Как бы кругом воздушный слой, редая,
Земную кровь сосал из нашей жилы,
И нам, в борьбе, недоставало силы
Стряхнуть с себя господство чародея,
Пока он сам, как бы для посмеянья,
Своим жезлом не рушил обаянья!

4

И мудрено ль, что память о высоком
Невольной грустью душу осенила!..
Не лебедем ты создан был судьбою,
Купающим в волне румяной крыла,
Когда закат пылает над потоком
И он плывет, любуясь сам собою,
Между двойной зарею, —
Ты был орел – и со скалы родимой,
Где свил гнездо – и в нем, как в колыбели,
Тебя качали бури и метели,
Во глубь небес нырял, неутомимый,
Над морем и землей парил высоко,
Но трупов лишь твое искало око!..

5

Злосчастный дух! Как в зареве пожара
Твое кроваво-тусклое зеркало,
Блестящее в роскошном, свежем цвете,
И мир и жизнь так дико отражало!..
С печатью на челе святого дара
И скиптром власти в неземном совете
Любил ты в мутном свете
Земную жизнь виденьями тревожить!..
В тебе самом, как бы в иносказанье,
Для нас воскресло грозное преданье, —
Но распознать наш взор тебя не может —
Титан ли ты, чье сердце снедью врана,
Иль сам ты вран, терзающий титана!..

6

Своих отцов покинул он обитель,
Где тени их скитаются безмолвны,
Где милые остались залого, —
И как весь день метет крылами волны
Морская птица, скал пустынных житель, —
Так и ему по жизненной дороге
Пройти судили боги,
Нигде не встретив мирной, светлой кущи! —
И тщетно он, в борьбе с людьми, с собою,
Рвался схватить земное счастье с бою.
Над ним был Рок, враждебный, всемогущий!
Всходил за ним на снежные вершины,
Спускался в дол, переплывал пучины!..

7

То мчится бард, беглец родного края,
На встречу солнца, по стихии бурной,
Где Лиссабон, на жарком небе рдея,
Златым венцом объял залив лазурный, —
Там, где земля горит, благоухая,
И где плоды, на пыльных ветвях зрея,
Душистей и свежее, —
Тебя потом он огласил приветом,
Страна любви, геройства, приключений,
Где и поднесь их сладкопевный гений
Как бы волшебным обвеваает светом
Узорчатой Альгамбры колоннады
Иль рощи благовонные Гренады!

8

То совершитель тризны благочестной,
Теней погибших окруженный роем,
Равнину ту обходит он с тоскою,
Где жребий мира выпал славным боем,
Где был судим сей страшный суд железный!..
Сия земля, клейменная судьбою,
Под чуткою стопою
Дрожит еще невольно и поныне,

Как тундра крови, – здесь, в мученьях страшных,
Притоптаны ряды сердец отважных,

И слою лег их пепел по равнине, —
Враждебные, они затихли вместе,
Те с жаждою, те в упоенье мести!..

9

Но дале бард – и видит пред собою
Грозноносящий вечно юный Рейн, —
И там и сям на выси виноградной
Мелькает замок, и поднесь обвеян
Волшебной былью, мглисто-золотою!..
И вот, вдали, сияющий и хладный,
Возник титан громадный —
Швейцария!.. Там мир как за оградой;
Звучит рожок, поют вольней потоки,
В горах, как в чаше, озера глубоки,
Свет на холмах, в долинах тень с прохладой
И надо всем вершины ледяные,
То бледные, то огненно-живые!..

10

Потом с высот, где, разлучаясь, воды
В широкие, полдневные равнины,
Как бы на пир, стремят свое течение,
Отколь не раз, как льдистые лавины,
Полночные срывались народы, —
В Италию, родимое владенье,
Он сводит вдохновенье —
Небесный дух сей край чудес обходит,
Высокий лавр и темный мирт колыхет,
Под сводами чертогов светлых дышит,
С цветущих персей запах роз уводит
И шевелит прозрачной пеленою
Над дремлющей в руинах стариною!..

11

Но на Восток цветущий и пустынный

Влекло певца всесильное пристрасть,
В любимый край его воображенья!..
Сей мир насильства, лени, сладострастья
Он зрел еще перед его кончиной —
Где обнялись в роскошном запусенье
И жизнь и разрушенье

И дружески цвели в вечернем свете
Вершины гор, где жил разбой веселый,
Там, за скалой, пирата парус белый,
Здесь рог луны, горящий на мечети,
И чистые остатки Парфенона
На девственном румянце небосклона.

12

Но ты расторг союз сего творенья,
Дух вольности, бессмертная стихия!
И бой вспылал Отчаяния с Силой!..
Кровь полилась, как воды ключевые,
В ночи земля пила их без зазренья,
Лишь зарево, как светоч над могилой,
Горе над ней светило, —
И скоро ли – то провиденье знает —
Взойдет заря и бурный мрак развеет!..
Но юный день с любовью да светлеет
На месте том, где дух певца витает,
Где в сумраке болезненной надежды
Сомкнула смерть его земные вежды!..

13

Певец угас пред жертвенником брани!..
Но песнь его нигде не умолкала, —
Хоть из груди, истерзанной страстями,
Она нередко кровью вытекала,
Волшебный жезл не выпадал из длани,
Но двигал он лишь адскими властями!..
В распре с небесами
Высокая божественность мученья
Была ему загадкой враждебной —
И, упиваясь чашею врачебной,
Отравы жаждал он, не исцеленья, —
Вперенные в подземный ужас очи
Он отвращал от звездной славы ночи!..

14

Таков он был, могучий, величавый,
Восторженный хулитель мироздания!..
Но зависти ль удел его достоин?..
Родительским добром существованья
Он приобрел даруемое славой!
Но был ли он, сим демоном присвоен,
Иль счастлив, иль спокоен?
Сиянье звезд, денницы луч веселый
Души его, где вихри бушевали,
Лишь изредка угрюмость провевали.
Он стихнул днесь, вулкан перегорелый.
И позднее бессмертия светило
С ночных небес глядит в него уныло...

1828 или 1829

«Едва мы вышли из Трезенских врат...»

Из «Федры» Расина

Едва мы вышли из Трезенских врат,
Он сел на колесницу, окруженный
Своею, как он сам, безмолвной стражей.
Микенскою дорогой ехал он,
Отдав коням в раздумий бразды.
Сии живые, пламенные кони,
Столь гордые в обычном их пылу,
Днесь, с головой поникшей, мрачны, тихи,
Казалось, согласовались с ним.
Вдруг из морских пучин исшедший крик
Смутил кругом воздушное молчанье,
И в ту ж минуту страшный некий голос
Из-под земли ответствует стенаньем.
В груди у всех оледенела кровь,
И дыбом стала чутких тварей грива.
Но вот, белея над равниной влажной,
Подъялся вал, как снежная гора, —
Возрос, приблизился, о брег расшибся
И выкинул чудовищного зверя.
Чело его ополчено рогами,
Хребет покрыт желтистой чешуей.
Ужасный вол, неистовый дракон,
В бесчисленных изгибах вышел он.

Брег, зыблясь, стонет от его рыканья;
День, негодуя, светит на него;
Земля подвиглась; вал, его извергший,
Как бы объятый страхом, хлынул вспять.
Всё скрылося, ища спасенья в бегстве, —
Лишь Ипполит, героя истый сын,
Лишь Ипполит, боязни недоступный,
Остановил коней, схватил копье
И, меткою направив сталь рукою,
Глубокой язвой зверя поразил.
Взревело чудо, боль копья почуя,
Беснуясь, пало под ноги коням
И, роя землю, из кровавой пасти
Их обдало и смрадом и огнем!
Страх обуял коней – они помчались,
Не слушаясь ни гласа, ни вожжей, —
Напрасно с ними борется возница,
Они летят, багря удила пеной:
Бог некий, говорят, своим трезубцем

Их подстрекал в дымящиеся бедра...
Летят по камням, дебрям... ось трещит
И лопнула... Бесстрашный Ипполит
С изломанной, разбитой колесницы
На землю пал, опутанный вожжами, —
Прости слезам моим!.. Сей вид плачевный
Бессмертных слез причиной будет мне!
Я зрел, увы! как сына твоего
Влекли, в крови, им вскормленные кони!
Он кличет их... но их пугает клик —
Бегут, летят с истерзанным возницей.
За ним вослед стремлюся я со стражей, —
Кровь свежая стезю нам указывает.
На камнях кровь... на терниях колючих
Клоки волос кровавые повисли...
Наш дикий вопль равнину оглашает!
Но наконец неистовых коней
Смирился пыл... они остановились
Вблизи тех мест, где прадедов твоих
Прах царственный в гробах почиет древних!..
Я прибежал, зову... с усиьем тяжким
Он, вежды приподняв, мне подал руку:
«Всевышних власть мой век во цвете губит.
Друг, не оставь Ариции моей!
Когда ж настанет день, что мой родитель,

Рассеяв мрак ужасной клеветы,
В невинности сыновней убедится,
О, в утешенье сетующей тени,
Да облегчит он узнице своей
Удел ее!.. Да возвратит он ей...»
При сих словах героя жизнь угасла,
И на руках моих, его державших,
Остался труп, свирепо искаженный,
Как знаменье богов ужасной кары,
Не распознаемый и для отцовских глаз!

Конец 1820-х годов

«Высокого предчувствия...»

Из «Пятого мая» Мандзонш

Высокого предчувствия
Порывы и томленье,
Души, господства жаждущей,
Кипящее стремленье
И замыслов событие
Несбыточных, как сон, —
Всё испытал он! – счастье,
Победу, заточенье,
И всё судьбы пристрастие,
И всё ожесточенье! —
Два раза брошен был во прах
И два раза на трон!..
Явился: два столетия,
В борении жестоком
Его узрев, смирились вдруг,
Как пред всеильным роком.
Он повелел умолкнуть им
И сел меж них судьей!
Исчез – и в ссылке довершил
Свой век невероятный —
Предмет безмерной зависти
И жалости безмерной,
Предмет вражды неистовой,
Преданности слепой!..

Как над главою тонущих
Растет громадой пенной
Сперва игравший ими вал —
И берег вожделенный
Вотще очам трепещущим
Казавший свысока, —
Так память над душой его,
Скопившись, тяготела!..
Как часто высказать себя
Душа сия хотела,
И, обомлев, на лист начатый
Вдруг падала рука!
Как часто пред кончиной дня —
Дня безотрадной муки, —
Потупив молнии очей,
Крестом сложивши руки,
Стоял он – и минувшее
Овладевало им!..

Он зрел в уме: подвижные
Шатры, равнины боев,
Рядов пехоты длинный блеск,
Потоки конных строев —
Железный мир и дышащий
Велением одним!..
О, под толиким бременем
В нем сердце истомилось
И дух упал... Но сильная
К нему рука спустилась —
И к небу, милосердая,
Его приподняла!..

Конец 1820-х годов

««Прекрасный будет день», – сказал товарищ...»

Из «Путевых картин» Гейне

«Прекрасный будет день», – сказал товарищ,
Взглянув на небо из окна повозки.
Так, день прекрасный будет, – повторило
За ним мое молящееся сердце
И вздрогнуло от грусти и блаженства!..

Прекрасный будет день! Свободы солнце
Живей и жарче будет греть, чем ныне
Аристокрация светил ночных!
И расцветет счастливейшее племя,
Зачатое в объятьях произвольных, —
Не на одре железном принужденья,
Под строгим, под таможенным надзором
Духовных приставов, – и в сих душах
Вольнорожденных вспыхнет смело
Чистейший огонь идей и чувствований, —
Для нас, рабов природных, непостижный!
Ах, и для них равно непостижи«ма»
Та будет ночь, в которой их отцы
Всю жизнь насквозь томились безотрадно
И бой вели отчаянный, жестокий,
Противу гнусных сов и ларв подземных,
Чудовищных Ерева порождений!..
Злосчастные бойцы, все силы духа,
Всю сердца кровь в бою мы истожили —
И, бледных, преждевременно одряхших,
Нас озарит победы поздний день!..
Младого солнца свежее бессмертье
Не оживит сердец изнеможенных,
Ланит потухших снова не зажжет!
Мы скроемся пред ним, как бледный месяц!
Так думал я и вышел из повозки
И с утренней усердной молитвой
Ступил на прах, бессмертьем освященный!..
Как под высоким триумфальным сводом
Громадных облаков всходило солнце,
Победоносно, смело и светло,
Прекрасный день природе возвещая!
Но мне при виде сем так грустно было,
Как месяцу, еще заметной тенью
Бледневшему на небе. Бедный месяц!
В глухую полночь одиноко, сиротливо
Он совершил свой горемычный путь,

Когда весь мир дремал – и пировали
Одни лишь совы, призраки, разбой;
И днесь пред юным днем, грядущим в славе,
С звучащими веселием лучами

И пурпурной разлитую зарей,
Он прочь бежит... еще одно воззренье
На пышное всемирное светило —
И легким паром с неба улетит.
Не знаю я и не ищу предвидеть,
Что мне готовит Муза! Лавр поэта
Почтит иль нет мой памятник надгробный?
Поэзия душе моей была
Младенчески-божественной игрушкой —
И суд чужой меня тревожил мало.
Но меч, друзья, на гроб мой положите!
Я воин был! Я ратник был свободы
И верою и правдой ей служил
Всю жизнь мою в ее священной брани!

1829 или 1830

«Как над горячею золой...»

Как над горячею золой
Дымится свиток и сгорает
И огонь сокрытый и глухой
Слова и строки пожирает —
Так грустно тлится жизнь моя
И с каждым днем уходит дымом,
Так постепенно гасну я
В однообразье нестерпимом!..
О Небо, если бы хоть раз
Сей пламень развился по воле —
И, не томясь, не мучась доле,
Я просиял бы – и погас!

«1829», начало 1830-х годов

Цицерон

Оратор римский говорил
Средь бурь гражданских и тревоги:
«Я поздно встал – и на дороге
Застигнут ночью Рима был!»
Так!.. Но, прощаясь с римской славой,

С Капитолийской высоты
Во всем величье видел ты
Закат звезды ее кровавый!..
Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был —
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!

1829; начало 1830-х годов

Весенние воды

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут, и блещут, и гласят...
Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет,
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперед!
Весна идет, весна идет,
И тихих, теплых майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней!..»

«1829», начало 1830-х годов

Silentium!³

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои —
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, —
Любуйся ими – и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, —
Питайся ими – и молчи.
Лишь жить в себе самом умей —
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи, —
Внимай их пенью – и молчи!..

«1829», начало 1830-х годов

³ Молчание! (лат.). – *Ред.*

Сон на море

И море, и буря качали наш челн;
Я, сонный, был предан всей прихоти волн.
Две беспредельности были во мне,
И мной своевольно играли оне.
Вкруг меня, как кимвалы, звучали скалы,
Окликались ветры и пели валы.
Я в хаосе звуков лежал оглушен,
Но над хаосом звуков носился мой сон.
Болезненно-яркий, волшебном-немой,
Он веял легко над гремящею тьмой.
В лучах огневицы развил он свой мир —
Земля зеленела, светился эфир,
Сады-лабиринфы, чертоги, столпы,
И сонмы кипели безмолвной толпы.
Я много узнал мне неведомых лиц,
Зрел тварей волшебных, таинственных птиц,
По высям творенья, как бог, я шагал,
И мир подо мною недвижим сиял.
Но все грезы насквозь, как волшебника вой,
Мне слышался грохот пучины морской,
И в тихую область видений и снов
Врывалась пена ревущих валов.

⟨1830⟩

Конь морской

О рьяный конь, о конь морской,
С бледно-зеленой гривой,
То смиренный-ласково-ручной,
То бешено-игривый!
Ты буйным вихрем вскормлен был
В широком божьем поле,
Тебя он прядать научил,
Играть, скакать по воле!
Люблю тебя, когда стремглав,
В своей надменной силе,
Густую гриву растрепав
И весь в пару и мыле,
К берегам направив бурный бег,
С веселым ржаньем мчишься,
Копыта кинешь в звонкий брег —
И в брызги разлетишься!..

⟨1830⟩

«**Душа хотела б быть звездой...**»

Душа хотела б быть звездой,
Но не тогда, как с неба полночи
Сии светила, как живые очи,
Глядят на сонный мир земной, —
Но днем, когда, сокрытые как дымом
Палящих солнечных лучей,
Они, как божества, горят светлей
В эфире чистом и незримом.

1830

Из «Эрнани» <Гюго>

Великий Карл, прости! – Великий, незабвенный,
Не сим бы голосом тревожить эти стены —
И твой бессмертный прах смущать, о исполин,
Жужжанием страстей, живущих миг один!

Сей европейский мир, руки твоей созданье,
Как он велик, сей мир! Какое овладанье!..
С двумя избранными вождями над собой —
И весь багрянородный сонм – под их стопой!..
Все прочие державы, власти и владенья —
Дары наследия, случайности рожденья, —
Но папу, кесаря сам бог земле дает,
И промысл через них нас случаем блюдет.
Так соглашает он устройство и свободу!
Вы все, позорищем служащие народу,
Вы, курфюрсты, вы, кардиналы, сейм, синклит, —
Вы все ничто! Господь решит, господь велит!..
Родись в народе мысль, зачатая веками,
Сперва растет в тени и шевелит сердцами —
Вдруг воплотилась и увлекла народ!..
Князья куют ей цепь и зажимают рот,
Но день ее настал – и смело, величаво
Она вступила в сейм, явилась средь конклава
И, с скипетром в руках иль митрой на челе,
Пригнула все главы венчаные к земле...
Так папа с кесарем всесильны – всё земное
Лишь ими и чрез них. Как таинство живое
Явило небо их земле – и целый мир —
Народы и цари – им отдан был на пир!..
Их воля строит мир и зданье замыкает,
Творит и рушит. – Сей решит, тот рассекает.
Сей Истина, тот Сила – в них самих
Верховный их закон, другого нет для них!..
Когда из алтаря они исходят оба —
Тот в пурпуре, а сей в одежде белой гроба —
Мир, цепенея, зрит в сиянье торжества
Сию чету, сии две полы божества!..
И быть одним из них, одним! О, посрамленье
Не быть им!.. и в груди питать сие стремленье!
О, как, как счастлив был почивший в сем гробу
Герой! Какую бог послал ему судьбу!
Какой удел! И что ж? Его сия могила.
Так вот куда идет – увы! – всё то, что было
Законодатель, вождь, правитель и герой,
Гигант, все времена превысивший главой!

Как тот, кто в жизни был Европы всей владыкой,
Чье титуло было кесарь, имя Карл Великий,
Из славимых имен славнейшее поднесь,
Велик – велик, как мир, – а всё вместилося здесь!

Ищи ж владычества и взвесь пригоршни пыли
Того, кто всё имел, чью власть как божью чтили.
Наполни грохотом всю землю, строй, возвысь
Свой столп до облаков, всё выше, высь на высь —
Хотя б бессмертных звезд твоя коснулась слава,
Но вот ее предел!.. О царство, о держава,
О, что вы? Всё равно – не власти ль жажду я?
Мне тайный глас сулит: твоя она – моя —
О, если бы моя! Свершится ль предвещанье? —
Стоять на высоте и замыкать созданье,
На высоте – один – меж небом и землей
И видеть целый мир в уступах под собой:
Сперва цари, потом – на степенях различных —
Старейшины домов удельных и владычных,
Там доги, герцоги, церковные князья,
Там рыцарских чинов священная семья,
Там духовенство, рать, – а там, в дали туманной,
На самом дне – народ, несчетный, неустанный,
Пучина, вал морской, терзающий свой берег,
Стозвучный гул, крик, вопль, порою горький смех,
Таинственная жизнь, бессмертное движенье,
Где, что ни брось во глубь, и все они в броженье —
Зерцало грозное для совести царей,
Жерло, где гибнет трон, всплывает мавзолей!
О, сколько тайн для нас в твоих пределах темных!
О, сколько царств на дне – как остовы огромных
Судов, свободную теснивших глубину,
Но тыдохнул на них – и груз пошел ко дну!
И мой весь этот мир, и я схвачу без страха
Мироуправленья жезл! Кто я? Исчадь праха!

1830

«Через ливонские я проезжал поля...»

Через ливонские я проезжал поля,
Вокруг меня всё было так уныло...
Бесцветный грунт небес, песчаная земля —
Всё на душу раздумье наводило.
Я вспомнил о былом печальной сей земли —
Кровавую и мрачную ту пору,
Когда сыны ее, простертые в пыли,
Лобзали рыцарскую шпору.

И, глядя на тебя, пустынная река,
И на тебя, прибрежная дуброва,
«Вы, – мыслил я, – пришли издалека,
Вы, сверстники сего былого!»
Так! вам одним лишь удалось
Дойти до нас с берегов другого света.
О, если б про него хоть на один вопрос
Мог допроситься я ответа!..
Но твой, природа, мир о днях былых молчит
С улыбкою двусмысленной и тайной, —
Так отрок, чар ночных свидетель быв случайный,
Про них и днем молчание хранит.

Начало октября 1830

«Песок сыпучий по колени...»

Песок сыпучий по колени...
Мы едем – поздно – меркнет день,
И сосен, по дороге, тени
Уже в одну слилися тень.
Черней и чаще бор глубокий —
Какие грустные места!
Ночь хмурая, как зверь стоокий,
Глядит из каждого куста!

Октябрь 1830

Осенний вечер

Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть!..
Зловещий блеск и пестрота дерёв,
Багряных листьев томный, легкий шелест,
Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей землею
И, как предчувствие сходящих бурь,
Порывистый, холодный ветер порою,
Ущерб, изнеможенье – и на всем
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Божественной стыдливостью страданья!

Октябрь 1830

Листья

Пусть сосны и ели
Всю зиму торчат,
В снега и метели
Закутавшись, спят, —
Их тощая зелень,
Как иглы ежа,
Хоть ввек не желтеет,
Но ввек не свежа.
Мы ж, легкое племя,
Цветем и блеским
И краткое время
На сучьях гостим.
Всё красное лето
Мы были в красе —
Играли с лучами,
Купались в росе!..
Но птички отпели,
Цветы отцвели,
Лучи побледнели,
Зефиры ушли.
Так что же нам даром
Висеть и желтеть?
Не лучше ль за ними
И нам улететь!
О буйные ветры,
Скорее, скорей!
Скорей нас сорвите
С докучных ветвей!
Сорвите, умчите,
Мы ждать не хотим,
Летите, летите!
Мы с вами летим!..

Октябрь 1830

Альпы

Сквозь лазурный сумрак ночи
Альпы снежные глядят;
Помертвелые их очи
Льдистым ужасом разят.
Властью некой обаянны,
До восшествия Зари
Дремлют, грозны и туманны,
Словно падшие цари!..
Но Восток лишь заалееет,
Чарам гибельным конец —
Первый в небе просветлеет
Брата старшего венец.
И с главы большого брата
На меньших бежит струя,
И блестит в венцах из золота
Вся воскресшая семья!..

Октябрь? 1830

Mala aria⁴

Люблю сей божий гнев! Люблю сие незримо
Во всем разлитое, таинственное Зло —
В цветах, в источнике прозрачном, как стекло,
И в радужных лучах, и в самом небе Рима!
Всё та ж высокая, безоблачная твердь,
Всё так же грудь твоя легко и сладко дышит,
Всё тот же теплый ветер верхи деревьев кольшет,
Всё тот же запах роз... и это всё есть Смерть!..
Как ведать, может быть, и есть в природе звуки,
Благоухания, цветы и голоса —
Предвестники для нас последнего часа
И усладители последней нашей муки, —
И ими-то Судеб посланник роковой,
Когда сынов Земли из жизни вызывает,
Как тканью легкою, свой образ прикрывает...
Да утаит от них приход ужасный свой!..

1830

⁴ Зараженный воздух (ит.). — *Ред.*

«Сей день, я помню, для меня...»

Сей день, я помню, для меня
Был утром жизненного дня:
Стояла молча предо мною,
Вздыхалась грудь ее волною,
Алели щеки, как заря,
Всё жарче рдея и горя!
И вдруг, как солнце молодое,
Любви признание золотое
Исторглось из груди ея...
И новый мир увидел я!..

1830

Из «Фауста» Гёте

1

Звучит, как древле, пред тобою
Светило дня в строю планет
И предначертанной стезею,
Гремя, свершает свой полет!
Ему дивятся серафимы,
Но кто досель его постиг?
Как в первый день, непостижимы
Дела, всевышний, рук твоих!
И быстро, с быстротой чудесной,
Кругом вратится шар земной,
Меня тихий свет небесный
С глубокой ночи темнотой.
Морская хлябь гремит валами
И роет каменный свой брег,
И бездну вод с ее скалами
Земли уносит быстрый бег!
И непрерывно бури воют,
И землю с края в край метут,
И зыбь гнетут, и воздух роют,
И цепь таинственную выют.
Вспылал предтеча-истребитель,
Сорвавшись с тучи, грянул гром,

Но мы во свете, вседержитель,
Твой хвалим день и мир поем.
Тебе дивятся серафимы!
Тебе гремит небес хвала!
Как в первый день, непостижимы,
Господь! руки твоей дела!

2

«Кто звал меня?»

- «О страшный вид!»
- «Ты сильным и упрямым чаром
Мой круг волшебный грыз недаром —
И днесь...»
- «Твой взор меня мертвит!»

– «Не ты ль молил, как исступленный,
Да узришь лик и глас услышишь мой?
Склонился я на клич упорный твой
И се предстал! Какой же страх презренный
Вдруг овладел, титан, твоей душой?..
Та ль эта грудь, чья творческая сила
Мир целый создала, взлелеяла, взрастила
И, в упоении отваги неземной,
С неумимым напряженьем
До нас, духов, возвыситься рвалась?
Ты ль это, Фауст? И твой ли был то глас,
Теснившийся ко мне с отчаянным моленьем?
Ты, Фауст? Сей бедный, беспомощный прах,
Проникнутый насквозь моим дхновеньем,
Во всех души своей дрожащий глубинах?..»
– «Не удручай сим пламенным презреньем
Главы моей! Не склонишь ты ея!
Так, Фауст я, дух, как ты! твой равный я!..»
– «Событий бурю и вал судеб
Вращаю я,
Воздвигаю я,
Вею здесь, вею там, и высок и глубок!
Смерть и Рождение, Воля и Рок,
Волны в боренье,
Стихии во пренье,
Жизнь в измененье —
Вечный, единый поток!..

Так шумит на стану моем ткань роковая,
И богу прядется риза живая!»
– «Каким сродством неодолимым,
Бессмертный дух! влечешь меня к себе!»
– «Лишь естеством, тобою постижимым,
Подобен ты – не мне!..»

3

Чего вы от меня хотите,
Чего в пыли вы ищете моей,
Святые гласы, там звучите,
Там, где сердца и чище и нежней.
Я слышу весть – но веры нет для ней!
О вера, вера, мать чудес родная,
Дерзну ли взор туда поднять,
Откуда весть летит благая!
Ах, но, к нему с младенчества привычный,
Сей звук родимый, звук владычный, —

Он к бытию манит меня опять!
Небес, бывало, лобызанье
Срывалось на меня в воскресной тишине,
Святых колоколов я слышал содроганье
В моей душевной глубине,
И сладостью живой была молитва мне!
Порыв души в союзе с небесами
Меня в леса и доли уводил —
И, обливаясь теплыми слезами,
Я новый мир себе творил.
Про игры юности веселой,
Про светлую весну благовестил сей глас —
Ах, и в торжественный сей час
Вспоминанье их мне душу одолело!
Звучите ж, гласы, вторься, гимн святой!
Слеза бежит! Земля, я снова твой!

4

Зачем губить в унынии пустом
Сего часа благое достоянье?
Смотри, как хижины с их зеленью кругом
Осыпало вечернее сиянье.

День пережит, – и к небесам иным
Светило дня несет животворенье.
О, где крыло, чтоб взвиться вслед за ним,
Прильнуть к его лучам, следить его теченье?
У ног моих лежит прекрасный мир
И, вечно вечеряющий, смеется...
Все выси в зареве, во всех долинах мир,
Сребристый ключ в золотые реки льется.
Над цепью диких гор, лесистых стран
Полет богоподобный веет,
И уж вдали открылся и светлеет
С заливами своими океан.
Но светлый бог главу в пучины клонит,
И вдруг крыла таинственная мощь
Вновь ожила и вслед за уходящим гонит,
И вновь душа в потоках света тонет.
Передо мною день, за мною ночь.
В ногах равнина вод, и небо над главою.
Прелестный сон!.. и суетный!.. прости!..
К крылам души, парящим над землею,
Не скоро нам телесные найти.
Но сей порыв, сие и ввысь и вдаль стремленье,
Оно природное внушенье,

У всех людей оно в груди...
И оживает в нас порою,
Когда весной, над нашей головою,
Из облаков песнь жавронка звенит,
Когда над крутизной лесистой
Орел, ширясь, парит,
Поверх озер иль степи чистой
Журавль на родину спешит.

5

Державный дух! Ты дал мне, дал мне всё,
О чем молил я! Не вотще ко мне
Склонил в лучах сияющий свой лик!
Дал всю природу во владенье мне
И вразумил ее любить. Ты дал мне
Не гостем праздно-изумленным быть
На пиршестве у ней, но допустил
Во глубину груди ее проникнуть,
Как в сердце друга! Земнородных строй

Провел передо мной и научил —
В дуброве ль, в воздухе иль в лоне вод —
В них братии познавать и их любить!
Когда ж в бору скрипит и свищет буря,
Ель-великан дерев соседних с треском
Крушит в паденье ветви, глухо гул
Встает окрест и, зыблясь, стонет холм,
Ты в мирную ведешь меня пещеру,
И самого меня являешь ты
Очам души моей – и мир ее,
Чудесный мир, разоблачаешь мне!
Подыметесь ль, всеулажда, месяц
В сиянье кротком, и ко мне летят
С утеса гор, с увлажненного бора
Сребристые веков минувших тени
И строгую утеху созерцанья
Таинственным влияньем умиляют!

Конец 1820-х – начало 1830-х годов

«Ты зрел его в кругу большого света...»; «В толпе людей, в нескромном шуме дня...»

«Ты зрел его в кругу большого света...»

Ты зрел его в кругу большого Света:
То своенравно-весел, то угрюм,
Рассеян, дик иль полон тайных дум —
Таков поэт, – и ты презрел поэта!..
На месяц взглянь: весь день, как облак тощий,
Он в небесах едва не изнемог; —
Настала ночь – и, светозарный бог,
Сияет он над усыпленной рощей!

«В толпе людей, в нескромном шуме дня...»

В толпе людей, в нескромном шуме дня
Порой мой взор, движенья, чувства, речи
Твоей не смеют радоваться встрече —
Душа моя! О, не вини меня!..
Смотри, как днем туманисто-бело
Чуть брезжит в небе месяц светозарный...
Наступит ночь – и в чистое стекло
Вольет елей душистый и янтарный!

Начало 1830-х годов

«Над виноградными холмами...»

Над виноградными холмами
Плывут златые облака.
Внизу зелеными волнами
Шумит померкшая река.
Взор постепенно из долины,
Подъемлясь, всходит к высотам
И видит на краю вершины
Круглообразный светлый храм.
Там, в горнем, неземном жилище,
Где смертной жизни места нет,
И легче, и пустынно-чище
Струя воздушная течет,
Туда взлетая, звук немеет...
Лишь жизнь природы там слышна,
И нечто праздничное веет,
Как дней воскресных тишина.

Начало 1830-х годов

«Поток сгустился и тускнеет...»

Поток сгустился и тускнеет,
И прячется под твердым льдом,
И гаснет цвет и звук немеет
В оцепененье ледяном, —
Лишь жизнь бессмертную ключа
Сковать всеильный хлад не может:
Она всё льется – и, журча,
Молчанье мертвое тревожит.
Так и в груди осиротелой,
Убитой хладом бытия,
Не льется юности веселой,
Не блещет резвая струя, —
Но подо льдистою корой
Еще есть жизнь, еще есть ропот —
И внятно слышится порой
Ключа таинственного шепот!

Начало 1830-х годов

«О чем ты воешь, ветер ночной?..»

О чем ты воешь, ветер ночной?
О чем так сетуешь безумно?..
Что значит странный голос твой,
То глухо жалобный, то шумно?
Понятным сердцу языком
Твердишь о непонятной муке —
И роешь и взрываешь в нем
Порой неистовые звуки!..
О! страшных песен сих не пой!
Про древний хаос, про родимый
Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!
Из смертной рвется он груди,
Он с беспредельным жаждет слиться!..
О! бурь заснувших не буди —
Под ними хаос шевелится!..

Начало 1830-х годов

«Душа моя, Элизиум теней...»

Душа моя, Элизиум теней,
Теней безмолвных, светлых и прекрасных,
Ни помыслам години буйной сей,
Ни радостям, ни горю не причастных, —
Душа моя, Элизиум теней,
Что общего меж жизнью и тобою!
Меж вами, призраки минувших, лучших дней,
И сей бесчувственной толпою?..

Начало 1830-х годов

«Как дочь родную на закланье...»

Как дочь родную на закланье
Агамемнон богам принес,
Прося попутных бурь дыханья
У негодующих небес, —

Так мы над горестной Варшавой
Удар свершили роковой,
Да купим сей ценой кровавой
России целость и покой!
Но прочь от нас венец беславья,
Сплетенный рабскою рукой!
Не за коран самодержавья
Кровь русская лилась рекой!
Нет! нас одушевляло в бое
Не чревобесие меча,
Не зверство янычар ручное
И не покорность палача!
Другая мысль, другая вера
У русских билася в груди!
Грозой спасительной примера
Державы целость соблюсти,
Славян родные поколенья
Под знамя русское собрать
И весть на подвиг просвещенья
Единомысленных, как рать.
Сие-то высшее сознание
Вело наш доблестный народ —
Путей небесных оправданье
Он смело на себя берет.
Он чует над своей главою
Звезду в незримой высоте
И неуклонно за звездою
Спешит к таинственной мете!
Ты ж, братскою стрелой пронзенный,
Судеб свершая приговор,
Ты пал, орел одноплеменный,
На очистительный костер!
Верь слову русского народа:
Твой пепл мы свято сбережем,
И наша общая свобода,
Как феникс, зародится в нем.

1831

«На древе человечества высоком...»

На древе человечества высоком
Ты лучшим был его листом,
Воспитанный его чистейшим соком,
Развит чистейшим солнечным лучом!
С его великою душою
Созвучней всех, на нем ты трепетал!
Пророчески беседовал с грозюю
Иль весело с зефирами играл!
Не поздний вихрь, не бурный ливень летний
Тебя сорвал с родимого сучка:
Был многих краше, многих долголетней
И сам собою пал – как из венка!

1832

Problème⁵

С горы скатившись, камень лег в долине.
Как он упал? Никто не знает ныне —
Сорвался ль он с вершины *сам* собой,
Иль был *низринут волею чужой?*

—

Столетье за столетьем пронеслося:
Никто еще не разрешил вопроса.

15 января 1833; 2 апреля 1857

⁵ Проблема (фр.). – *Ред.*

Арфа скальда

О арфа скальда! Долго ты спала
В тени, в пыли забытого угла;
Но лишь луны, очаровавшей мглу,
Лазурный свет блеснул в твоём углу,
Вдруг чудный звон затрепетал в струне,
Как бред души, встревоженной во сне.

Какой он жизнью на тебя дохнул?
Иль старину тебе он вспомянул —
Как по ночам здесь сладострастных дев
Давно минувший вторился напев,
Иль в сих цветущих и поднесь садах
Их легких ног скользил незримый шаг?

21 апреля 1834

«Я лютеран люблю богослуженье...»

Я лютеран люблю богослуженье,
Обряд их строгий, важный и простой, —
Сих голых стен, сей храмины пустой
Понятно мне высокое ученье.
Не видите ль? Собравшись в дорогу,
В последний раз вам Вера предстоит:
Еще она не перешла порогу,
Но дом ее уж пуст и гол стоит, —
Еще она не перешла порогу,
Еще за ней не затворилась дверь...
Но час настал, пробил... Молитесь богу,
В последний раз вы молитесь теперь.

16 сентября 1834

«Восток белел. Ладья катилась...»

Восток белел. Ладья катилась,
Ветрило весело звучало, —
Как опрокинутое небо,
Под нами море трепетало...
Восток алел. Она молилась,
С чела откинув покрывало, —
Дышала на устах молитва,
Во взорах небо ликовало...
Восток вспылал. Она склонилась,
Блестящая поникла выя, —
И по младенческим ланитам
Струились капли огневые...

⟨1835⟩

«Что ты клонишь над водами...»

Что ты клонишь над водами,
Ива, макушку свою
И дрожащими листьями,
Словно жадными устами,
Ловишь беглую струю?..
Хоть томится, хоть трепещет
Каждый лист твой над струей...
Но струя бежит и плещет,
И, на солнце нежась, блещет,
И смеется над тобой...

⟨1835⟩

«И гроб опущен уж в могилу...»

И гроб опущен уж в могилу,
И всё столпилось вокруг...
Толкутся, дышат через силу,
Спирает грудь тлетворный дух...
И над могилою раскрытой,
В возглавии, где гроб стоит,
Ученый пастор сановитый
Речь погребальную гласит.
Вещает бренность человечью,
Грехопаденье, кровь Христа...
И умною, пристойной речью
Толпа различно занята...
А небо так нетленно-чисто,
Так беспредельно над землей...
И птицы реют голосисто
В воздушной бездне голубой...

⟨1835⟩

«В душном воздухе молчанье...»

В душном воздуха молчанье,
Как предчувствие грозы,
Жарче роз благоуханье,
Резче голос стрекозы...
Чу! за белой, дымной тучей
Глухо прокатился гром;
Небо молнией летучей
Опоясалось кругом...
Некий жизни переизбыток
В знойном воздухе разлит!
Как божественный напиток
В жилах млеет и горит!
Дева, дева, что волнует
Дымку персей молодых?
Что мутится, что тоскует
Влажный блеск очей твоих?
Что, бледнея, замирает
Пламя девственных ланит?
Что так грудь твою спирает
И уста твои палит?..
Сквозь ресницы шелковые
Проступили две слезы...
Иль то капли дождевые
Зачинающей грозы?..

⟨1835⟩

«Как сладко дремлет сад темно-зеленый...»

Как сладко дремлет сад темно-зеленый,
Объятый негой ночи голубой!
Сквозь яблони, цветами убеленной,
Как сладко светит месяц золотой!
Таинственно, как в первый день созданья,
В бездонном небе звездный сонм горит,
Музыки дальней слышны восклицанья,
Соседний ключ слышнее говорит...

На мир дневной спустилася завеса,
Изнемогло движенье, труд уснул...
Над спящим градом, как в вершинах леса,
Проснулся чудный еженощный гул...
Откуда он, сей гул непостижимый?..
Иль смертных дум, освобожденных сном,
Мир бестелесный, слышный, но незримый,
Теперь роится в хаосе ночном?..

⟨1835⟩

«Как птичка, с раннею зарей...»

Как птичка, с раннею зарей
Мир, пробудившись, встрепенулся...
Ах, лишь одной главы моей
Сон благодатный не коснулся!
Хоть свежесть утренняя веет
В моих всклокоченных власах,
На мне, я чую, тяготеет
Вчерашний зной, вчерашний прах!..
О, как пронзительны и дики,
Как ненавистны для меня
Сей шум, движенье, говор, крики
Младого, пламенного дня!..
О, как лучи его багровы,
Как жгут они мои глаза!..
О ночь, ночь, где твои покровы,
Твой тихий сумрак и роса!..
Обломки старых поколений,
Вы, пережившие свой век!
Как ваших жалоб, ваших пеней
Неправый праведен упрек!..
Как грустно полусонной тенью,
С изнеможением в кости,
Навстречу солнцу и движенью
За новым племенем брести!..

⟨1835⟩

«Вечер мгlistый и ненастный...»

Вечер мгlistый и ненастный...
Чу, не жаворонка ль глас?..
Ты ли, утра гость прекрасный,
В этот поздний, мертвый час?..
Гибкий, резвый, звучно-ясный,
В этот мертвый, поздний час...
Как безумья смех ужасный,
Он всю душу мне потряс!..

⟨1835⟩

«Там, где горы, убегая...»

Там, где горы, убегая,
В светлой тянутся дали,
Пресловутого Дуная
Льются вечные струи.
Там-то, бают, в стары годы,
По лазуревым ночам,
Фей вились хороводы
Под водой и по водам;
Месяц слушал, волны пели...
И, навесясь с гор крутых,
Замки рыцарей глядели
С сладким ужасом на них.
И лучами неземными,
Заключен и одинок,
Перемигивался с ними
С древней башни огонек.
Звезды в небе им внимали,
Проходя за строем строй,
И беседу продолжали
Тихомолком меж собой.
В панцирь дедовский закован,
Воин-сторож на стене
Слышал, тайно очарован,
Дальний гул, как бы во сне.

И, лишь дремой забывался,
Гул ясел и грохотал...
Он с молитвой просыпался
И дозор свой продолжал.
Всё прошло, всё взяли годы —
Поддался и ты судьбе,
О Дунай, и пароходы
Ныне рыщут по тебе...

⟨1835⟩

«Тени сизые смешались...»

Тени сизые смешались,
Цвет поблекнул, звук уснул —
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальный гул...
Мотылька полет незримый
Слышен в воздухе ночном...
Час тоски невыразимой!..
Всё во мне, и я во всем!..
Сумрак тихий, сумрак сонный,
Лейся в глубь моей души,
Тихий, темный, благовонный,
Всё залей и утиши.
Чувства мглой самозабвенья
Переполни через край!..
Дай вкусить уничтоженья,
С миром дремлющим смешай!

⟨1835⟩

«Нет, моего к тебе пристрастья...»

Нет, моего к тебе пристрастья
Я скрыть не в силах, мать-Земля...
Духов бесплотных сладострастья,
Твой верный сын, не жажду я...
Что пред тобой утеха рая,
Пора любви, пора весны,
Цветущее блаженство мая,
Румяный свет, златые сны?..
Весь день в бездействии глубоком
Весенний, теплый воздух пить,
На небе чистом и высоком
Порою облака следить,
Бродить без дела и без цели
И ненароком, на лету,
Набрести на свежий дух синели
Или на светлую мечту?..

⟨1835⟩

«Сижу задумчив и один...»

Сижу задумчив и один,
На потухающий камин
Сквозь слез гляжу...
С тоскою мыслю о былом
И слов, в унынии моем,
Не нахожу.
Былое – было ли когда?
Что ныне – будет ли всегда?..
Оно пройдет —
Пройдет оно, как всё прошло,
И канет в темное жерло —
За годом год.
За годом год, за веком век...
Что ж негодует человек,
Сей злак земной!..
Он быстро, быстро вянет – так,
Но с новым летом – новый злак
И лист иной.
И снова будет всё, что есть,
И снова розы будут цвести,
И терны тож...
Но ты, мой бедный, бледный цвет,
Тебе уж возрожденья нет,
Не расцветешь...
Ты сорван был моей рукой,
С каким блаженством и тоской —
То знает бог?
Останься ж на груди моей,
Пока любви не замер в ней
Последний вздох...

⟨1835⟩

«С поляны коршун поднялся...»

С поляны коршун поднялся,
Высоко к небу он взвился;
Всё выше, дале вьется он —
И вот ушел за небосклон!
Природа-мать ему дала
Два мощных, два живых крыла —
А я здесь в поте и в пыли.
Я, царь земли, прирос к земле!..

⟨1835⟩

«Какое дикое ущелье!...»

Какое дикое ущелье!
Ко мне навстречу ключ бежит —
Он в дол спешит на новоселье, —
Я лезу вверх, где ель стоит.
Вот взобрался я на вершину,
Сижу здесь радостен и тих —
Ты к людям, ключ, спешишь в долину, —
Попробуй, каково у них!

⟨1835⟩

«Всё бешеной буря, всё злее и злей...»

«Всё бешеной буря, всё злее и злей,
Ты крепче прижмися к груди моей».
– «О милый, милый, небес не гневи,
Ах, время ли думать о грешной любви!»
– «Мне сладок сей бури порывистый глас,
На ложе любви он баюкает нас».
– «О, вспомни про море, про бедных пловцов,
Господь милосердый, будь бедным покров!»
– «Пусть там, на раздолье, гуляет волна,
В сей мирный приют не ворвется она».
– «О милый, умолкни, о милый, молчи,
Ты знаешь, кто на море в этой ночи?»
И голос стнящий дрожал на устах,
И оба, недвижны, молчали впотьмах.
Гроза приутихла, ветер затих,
Лишь маятник слышен часов стенных, —

Но оба, недвижны, молчали впотьмах,
Над ними лежал таинственный страх...
Вдруг с треском ужасным рассыпался гром
И дрогнул в основах потрясшийся дом.
Вопль детский раздался, отчаян и дик,
И кинулась мать на младенческий крик.
Но в детский покой лишь вбежала она,
Вдруг грянулась об пол, всех чувств лишена.
Под молнийным блеском, раздвинувшим мглу,
Тень мужа над люлькой сидела в углу.

Между 1831 и апрелем 1836

«Пришлось кончить жизнь в овраге...»

Из Беранже

Пришлось кончить жизнь в овраге:
Я слаб и стар – нет сил терпеть!
«Пьет, верно», – скажут о бродяге, —
Лишь бы не вздумали жалеть!
Те, уходя, пожмут плечами,
Те бросят гривну бедняку!
Счастливым путь, друзья! Бог с вами!
Я и без вас мой кончить век могу!
Насилу годы одолели,
Знать, люди с голода не мрут.
Авось, – я думал, – на постели
Они хоть умереть дадут.
Но их больницы и остроги —
Всё полно! Силой не войдешь!
Ты вскормлен на большой дороге —
Где жил и рос <?>, старик, там и умрешь.
Я к мастерам ходил сначала,
Хотел кормиться ремеслом.
«С нас и самих работы мало!
Бери суму да бей челом».
К вам, богачи, я потащился,
Грыз кости с вашего стола,
Со псами вашими делился, —
Но я, бедняк, вам не желаю зла.
Я мог бы красть, я – Ир убогой,
Но стыд мне руки оковал;

Лишь иногда большой дорогой
Я дикий плод с дерев сбивал...
За то, что нищ был, между вами
Век осужден на сиротство...
Не раз сидел я за замками,
Но солнца свет – кто продал вам его?
Что мне до вас и вашей славы,
Торговли, вольностей, побед?
Вы все передо мной не правы —
Для нищего отчизны нет!
Когда пришлец вооруженный
Наш пышный город полонил,
Глупец, я плакал, раздраженный,
Я клял врага, а враг меня кормил!
Зачем меня не раздавили,
Как ядовитый гад какой?

Или зачем не научили —
Увы! – полезной быть пчелой!
Из ваших, смертные, объятий
Я был извержен с первых «лет»,
Я в вас благословил бы братии, —
Днесь при смерти бродяга вас клянет!

Между 1833 и апрелем 1836

«Из края в край, из града в град...»

Из края в край, из града в град
Судьба, как вихрь, людей метет,
И рад ли ты или не рад,
Что нужды ей?.. Вперед, вперед!
Знакомый звук нам ветер принес:
Любви последнее прости...
За нами много, много слез,
Туман, безвестность впереди!..
«О, оглянися, о, постой,
Куда бежать, зачем бежать?..
Любовь осталась за тобой,
Где ж в мире лучшего сыскать?

Любовь осталась за тобой,
В слезах, с отчаяньем в груди...
О, сжался над своей тоской,
Свое блаженство пощади!
Блаженство стольких, стольких дней
Себе на память приведи...
Всё милое душе твоей
Ты покидаешь на пути!..»
Не время выкликать теней:
И так уж этот мрачен час.
Усопших образ тем страшней,
Чем в жизни был милей для нас.
Из края в край, из града в град
Могучий вихрь людей метет,
И рад ли ты или не рад,
Не спросит он... Вперед, вперед!

Между 1834 и апрелем 1836

«В которую из двух влюбиться...»

(Из Гейне)

В которую из двух влюбиться
Моей судьбой мне суждено?
Прекрасна дочь, и мать прекрасна,
Различно милы, но равно.
Неопытно-младые члены
Как сладко ум тревожат мой!
Но гениальных взоров прелесть
Всесильна над моей душой.
В раздумье хлопая ушами,
Стою, как Буриданов друг
Меж двух стогов стоял, глаза:
Который лакомей из двух?..

Между 1834 и апрелем 1836

«Зима недаром злится...»

Зима недаром злится,
Прошла её пора —
Весна в окно стучится
И гонит со двора.
И всё засуетилось,
Всё нудит Зиму вон —
И жаворонки в небе
Уж подняли трезвон.
Зима еще хлопочет
И на Весну ворчит.
Та ей в глаза хохочет
И пуще лишь шумит...
Взбесилась ведьма злая
И, снегу захватя,
Пустила, убегая,
В прекрасное дитя...
Весне и горя мало:
Умылася в снегу
И лишь румяней стала
Наперекор врагу.

⟨1836⟩

Фонтан

Смотри, как облаком живым
Фонтан сияющий клубится;
Как пламенеет, как дробится
Его на солнце влажный дым.
Лучом поднявшись к небу, он
Коснулся высоты заветной —
И снова пылью огнецветной
Ниспасть на землю осужден.
О смертной мысли водомет,
О водомет неистошимый!

Какой закон непостижимый
Тебя стремится, тебя мятет?
Как жадно к небу рвешься ты!..
Но длань незримо-роковая
Твой луч упорный, преломляя,
Свергает в брызгах с высоты.

⟨1836⟩

«Яркий снег сиял в долине...»

Яркий снег сиял в долине, —
Снег растаял и ушел;
Вешний злак блестит в долине, —
Злак увянет и уйдет.
Но который век белеет
Там, на высях снеговых?
А заря и ныне сеет
Розы свежие на них!..

⟨1836⟩

«Не то, что мните вы, природа...»

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...
...
...
...
...

Вы зрите лист и цвет на древе:
Иль их садовник приклеил?
Иль зреет плод в родимом чреве
Игрою внешних, чуждых сил?..
...
...
...
...

Они не видят и не слышат,
Живут в сем мире, как впотьмах,
Для них и солнцы, зная, не дышат,
И жизни нет в морских волнах.
Лучи к ним в душу не сходили,
Весна в груди их не цвела,
При них леса не говорили,
И ночь в звездах нема была!
И языками неземными,
Волнуя реки и леса,
В ночи не совещалась с ними
В беседе дружеской гроза!
Не их вина: пойми, коль может,
Органа жизнь глухонемой!
Души его, ах! не встревожит
И голос матери самой!..

1836

«Я помню время золотое...»

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край.
День вечерел; мы были двое;
Внизу, в тени, шумел Дунай.
И на холму, там, где, белея,
Руина замка в дол глядит,
Стояла ты, младая фея,
На мшистый опершись гранит,
Ногой младенческой касаясь
Обломков груды вековой;
И солнце медлило, прощаясь
С холмом, и замком, и тобой.
И ветер тихий мимолетом
Твоей одеждою играл
И с диких яблонь цвет за цветом
На плечи юные свевал.

Ты беззаботно вдаль глядела...
Край неба дымно гас в лучах;
День догорал; звучнее пела
Река в померкших берегах.
И ты с веселостью беспечной
Счастливый провожала день:
И сладко жизни быстройтечной
Над нами пролетала тень.

⟨1836⟩

«Еще земли печален вид...»

Еще земли печален вид,
А воздух уж весною дышит,
И мертвый в поле стебель колышет,
И елей ветви шевелит.
Еще природа не проснулась,
Но сквозь редящего сна
Весну послышала она
И ей невольно улыбнулась...
Душа, душа, спала и ты...
Но что же вдруг тебя волнует,
Твой сон ласкает, и целует,
И золотит твои мечты?..
Блестят и тают глыбы снега,
Блестит лазурь, играет кровь...
Или весенняя то нега?..
Или то женская любовь?..

⟨1836⟩

«Люблю глаза твои, мой друг...»

Люблю глаза твои, мой друг,
С игрой их пламенно-чудесной,
Когда их приподынешь вдруг
И, словно молнией небесной,
Окинешь бегло целый круг...

Но есть сильнее очарованья:
Глаза, потупленные ниц
В минуты страстного лобзанья,
И сквозь опущенных ресниц
Угрюмый, тусклый огонь желанья.

⟨1836⟩

«И чувства нет в твоих очах...»

И чувства нет в твоих очах,
И правды нет в твоих речах,
И нет души в тебе.
Мужайся, сердце, до конца:
И нет в творении творца!
И смысла нет в мольбе!

⟨1836⟩

«Вчера, в мечтах обвороженных...»

Вчера, в мечтах обвороженных,
С последним месяца лучом
На веждах темно-озаренных,
Ты поздним позабылась сном.
Утихло вокруг тебя молчанье
И тень нахмурилась темней,
И груди ровное дыханье
Струилось в воздухе слышней.
Но сквозь воздушный завес окон
Недолго лился мрак ночной,
И твой, взвеваясь, сонный локон
Играл с незримою мечтой.
Вот тихоструйно, тиховойно,
Как ветерком занесено,
Дымно-легко, мглисто-лилейно
Вдруг что-то порхнуло в окно.
Вот невидимкой пробежало
По темно-брезжущим коврам,
Вот, ухватясь за одеяло,
Взбираться стало по краям, —
Вот, словно змейка, извиваясь,
Оно на ложе взобралось,
Вот, словно лента, развеваясь,
Меж пологам развилось...
Вдруг животрепетным сияньем
Коснувшись персей молодых,
Румяным громким восклицаньем
Раскрыло шелк ресниц твоих!

1836

29-е января 1837

Из чьей руки свинец смертельный
Поэту сердце растерзал?
Кто сей божественный фиал
Разрушил, как сосуд скудельный?
Будь прав или виновен он
Пред нашей правдою земною,
Навек он вышею рукою
В «цареубийцы» заклеямен.
Но ты, в безвременную тьму
Вдруг поглощенная со света,
Мир, мир тебе, о тень поэта,
Мир светлый праху твоему!..
Назло людскому суесловью
Велик и свят был жребий твой!..
Ты был богов орган живой,
Но с кровью в жилах... знойной кровью.
И сею кровью благородной
Ты жажду чести утолил —
И осененный опочил
Хоругвью горести народной.
Вражду твою пусть Тот рассудит,
Кто слышит пролитую кровь...
Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!..

Июнь или июль 1837

1-е декабря 1837

Так здесь-то суждено нам было
Сказать последнее прости...
Прости всему, чем сердце жило,
Что, жизнь твою убив, ее истлило
В твоей измученной груди!..
Прости... Чрез много, много лет
Ты будешь помнить с содроганьем
Сей край, сей брег с его полуденным сияньем,
Где вечный блеск и долгий цвет,
Где поздних, бледных роз дыханьем
Декабрьский воздух разогрет.

Декабрь 1837

Итальянская villa⁶

И распротаясь с тревогою житейской
И кипарисной рощей заслонясь —
Блаженной тенью, тенью элисейской
Она заснула в добрый час.
И вот уж века два тому иль боле,
Волшебною мечтой ограждена,
В своей цветущей опочив юдоле,
На волю неба предалась она.
Но небо здесь к земле так благосклонно!..
И много лет и теплых южных зим
Провеяло над нею полусонно,
Не тронувши ее крылом своим.
По-прежнему в углу фонтан лепечет,
Под потолком гуляет ветерок,
И ласточка влетает и щебечет...
И спит она... и сон ее глубок!..
И мы вошли... Всё было так спокойно!
Так всё от века мирно и темно!..

Фонтан журчал... Недвижимо и стройно
Соседний кипарис глядел в окно.
...

Вдруг всё смутилось: судорожный трепет
По ветвям кипарисным пробежал, —
Фонтан замолк – и некий чудный лепет,
Как бы сквозь сон, невнятно прошептал:
«Что это, друг? Иль злая жизнь недаром,
Та жизнь, увы! что в нас тогда текла,
Та злая жизнь, с ее мятежным жаром,
Через порог заветный перешла?»

Декабрь 1837

⁶ Вилла (ит.) – Ред.

«Давно ль, давно ль, о Юг блаженный...»

Давно ль, давно ль, о Юг блаженный,
Я зрел тебя лицом к лицу —
И ты, как бог разоблаченный,
Доступен был мне, пришлецу?..
Давно ль – хотя без восхищенья,
Но новых чувств недаром полн —
И я заслушивался пенья
Великих Средиземных волн!
И песнь их, как *во время оно*,
Полна гармонии была,
Когда из их родного лона
Киприда светлая всплыла...
Они всё те же и поныне —
Всё так же блещут и звучат,
По их лазоревой равнине
Святые призраки скользят.
Но я, я с вами распростился —
Я вновь на Север увлечен...
Вновь надо мною опустился
Его свинцовый небосклон...
Здесь воздух колет. Снег обильный
На высотах и в глубине —

И холод, чародей всеильный,
Один здесь царствует вполне.
Но там, за этим царством вьюги,
Там, там, на рубеже земли,
На золотом, на светлом Юге
Еще я вижу вас вдали:
Вы блещете еще прекрасней,
Еще лазурней и свежей —
И говор ваш еще согласней
Доходит до души моей!

Декабрь 1837

«Смотри, как запад разгорелся...»

Смотри, как запад разгорелся
Вечерним заревом лучей,
Восток померкнувший оделся
Холодной, сизой чешуей!
В вражде ль они между собою?
Иль солнце не одно для них
И, неподвижною средою
Деля, не соединяет их?

1838»

Весна («Как ни гнетет рука судьбины...»)

Как ни гнетет рука судьбины,
Как ни томит людей обман,
Как ни браздят чело морщины
И сердце как ни полно ран,
Каким бы строгим испытаньям
Вы ни были подчинены, —
Что устоит перед дыханьем
И первой встречей весны!
Весна... Она о вас не знает,
О вас, о горе и о зле;
Бессмертьем взор ее сияет,
И ни морщины на челе.

Своим законам лишь послушна,
В условный час слетает к вам,
Светла, блаженно-равнодушна,
Как подобает божествам.
Цветами сыплет над землею,
Свежа, как первая весна;
Была ль другая перед нею —
О том не ведает она;
По небу много облак бродит,
Но эти облака ея,
Она ни следу не находит
Отцветших весен бытия.
Не о былом вздыхают розы
И соловей в ночи поет,
Благоухающие слезы
Не о былом Аврора льет, —
И страх кончины неизбежной
Не светит с древа ни листа:
Их жизнь, как океан безбрежный,
Вся в настоящем разлита.
Игра и жертва жизни частной!
Приди ж, отвергни чувств обман
И ринься, бодрый, самовластный,
В сей животворный океан!
Приди, струей его эфирной
Омой страдальческую грудь —
И жизни божеско-всемирной
Хотя на миг причастен будь!

⟨1838⟩

Лебедь

Пускай орел за облаками
Встречает молнии полет
И неподвижными очами
В себя впивает солнца свет.
Но нет завиднее удела,
О лебедь чистый, твоего —
И чистой, как ты сам, одею
Тебя стихией божество.

Она, между двойною бездной,
Лелеет твой всезрящий сон —
И полной славой тверди звездной
Ты отовсюду окружен.

Между 1838 и серединой 1839

«С какую негою, с какой тоской влюбленный...»

С какую негою, с какой тоской влюбленный
Твой взор, твой страстный взор изнемогал на нем!
Бессмысленно-нема... нема, как опаленный
Небесной молнии огнем, —

Вдруг от избытка чувств, от полноты сердечной,
Вся трепет, вся в слезах, ты повергалась ниц...
Но скоро добрый сон, младенческо-беспечный,
Сходил на шелк твоих ресниц —

И на руки к нему глава твоя склонялась,
И, матери нежней, тебя лелеял он...
Стон замирал в устах... дыханье уравнилось —
И тих и сладок был твой сон.

А днесь... О, если бы тогда тебе приснилось,
Что будущность для нас обоих берегла...
Как уязвленная, ты б с воплем пробудилась —
Иль в сон иной бы перешла.

Между концом 1838 и серединой 1839

День и ночь

На мир таинственный духов,
Над этой бездной безымянной,
Покров наброшен златотканый
Высокой волею богов.
День – сей блистательный покров
День, земнородных оживленье,
Души болящей исцеленье,
Друг человеков и богов!

Но меркнет день – настала ночь;
Пришла – и, с мира рокового
Ткань благодатную покрыва
Сорвав, отбрасывает прочь...
И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами —
Вот отчего нам ночь страшна!

⟨1839⟩

«Не верь, не верь поэту, дева...»

Не верь, не верь поэту, дева;
Его своим ты не зови —
И пуще пламенного гнева
Страшись поэтовой любви!
Его ты сердца не усвоишь
Своей младенческой душой;
Огня палящего не скроешь
Под легкой девственной фатой.
Поэт всемогущ, как стихия,
Не властен лишь в себе самом;
Невольно кудри молодые
Он обожжет своим венцом.
Вотще поносит или хвалит
Его бессмысленный народ...
Он не змиею сердце жалит,
Но, как пчела, его сосет.
Твоей святыни не нарушит
Поэта чистая рука,
Но ненароком жизнь задушит
Иль унесет за облака.

1839

«ЖИВЫМ СОЧУВСТВИЕМ ПРИВЕТА...»

Живым сочувствием привета
С недостижимой высоты,
О, не смущай, молю, поэта!
Не искушай его мечты!
Всю жизнь в толпе людей затерян,
Порой доступен их страстям,
Поэт, я знаю, суеверен,
Но редко служит он властям.
Перед кумирами земными
Проходит он, главу склонив,
Или стоит он перед ними
Смущен и гордо-боязлив...
Но если вдруг живое слово
С их уст, сорвавшись, упадет,
И сквозь величия земного
Вся прелесть женщины блеснет,
И человеческим сознанием
Их всемогущей красоты
Вдруг озарятся, как сияньем,
Изящно-дивные черты, —
О, как в нем сердце пламенеет!
Как он восторжен, умилен!
Пускай любить он не умеет —
Боготворить умеет он!

Октябрь? 1840

К Ганке

Вековать ли нам в разлуке?
Не пора ль очнуться нам
И подать друг другу руки,
Нашим кровным и друзьям?
Веки мы слепцами были,
И, как жалкие слепцы,
Мы блуждали, мы бродили,
Разбрелись во все концы.

А случилось ли порою
Нам столкнуться как-нибудь —
Кровь не раз лилась рекою,
Меч терзал родную грудь.
И вражды безумной семя
Плод сторичный принесло:
Не одно погибло племя
Иль в чужбину отошло.
Иноверец, иноземец
Нас раздвинул, разломил:
Тех – обезьязычил немец,
Этих – турок осрамил.
Вот среди сей ночи темной,
Здесь, на пражских высотах,
Доблий муж рукою скромной
Засветил маяк впотьмах.
О, какими вдруг лучами
Озарилась все края!
Обличилась перед нами
Вся Славянская земля!
Горы, степи и поморья
День чудесный осиял,
От Невы до Черногорья,
От Карпатов за Урал.
Рассветает над Варшавой,
Киев очи отворил,
И с Москвой золотоглавой
Вышеград заговорил!
И наречий братских звуки
Вновь понятны стали нам, —
Наяву увидят внуки
То, что снилося отцам!

26 августа 1841

Знамя и Слово

В кровавую бурю, сквозь бранное пламя,
Предтеча спасенья – русское Знамя
К бессмертной победе тебя провело.
Так диво ль, что в память союза святого
За Знаменем русским и русское Слово
К тебе, как родное к родному, пришло?

25 июня 1842

Épître a l'Apôtre⁷

От русского, по прочтении отрывков из лекций 2-на Мискиевича

Небесный царь благослови
Твои благие начинанья —
Муж несомненного призванья,
Муж примиряющей любви.
Недаром ветхие одежды
Ты бодро с плеч своих совлек.
Бог победил – прозрели вежды.
Ты был поэт – ты стал пророк.
Мы чужем приближенье света —
И вдохновенный твой глагол,
Как вестник Нового завета,
Весь мир Славянский обошел.
Мы чужем свет – уж близко время —
Последний сокрушен оплот, —
Воспрянь, разрозненное племя,
Совокупись в один народ, —
Воспрянь – не Польша, не Россия —
Воспрянь, Славянская семья! —
И, отряхнувши сон, впервые —
Промолви слово: «Это я!»
Ты ж, сверхъестественно умевший
В себе вражду уврачевать, —
Да над душою просветлевшей
Почует божья благодать!..

16 сентября 1842

⁷ Послание к апостолу (фр.). – *Ред.*

«Глядел я, стоя над Невой...»

Глядел я, стоя над Невой,
Как Исаака-великана
Во мгле морозного тумана
Светился купол золотой.
Всходили робко облака
На небо зимнее, ночное,
Белела в мертвенном покое
Оледенелая река.
Я вспомнил, грустно-молчалив,
Как в тех странах, где солнце греет,
Теперь на солнце пламенеет
Роскошный Генуи залив...
О Север, Север-чародей,
Иль я тобою околдован?
Иль в самом деле я прикован
К гранитной полосе твоей?
О, если б мимолетный дух,
Во мгле вечерней тихо вея,
Меня унес скорей, скорее
Туда, туда, на теплый Юг...

21 ноября 1844

Колумб

Тебе, Колумб, тебе венец!
Чертеж земной ты выполнивший смело
И довершивший наконец
Судеб неконченное дело,
Ты завесу расторг божественной рукой —
И новый мир, неведомый, неожиданный,
Из беспредельности туманной
На божий свет ты вынес за собой.

Так связан, съединен от века
Союзом кровного родства
Разумный гений человека
С творящей силой естества...

Скажи заветное он слово —
И миром новым естество
Всегда откликнуться готово
На голос родственный его.

1844

Море и утес

И бунтует, и клокочет,
Хлещет, свищет, и ревет,
И до звезд допрыгнуть хочет,
До незыблемых высот...
Ад ли, адская ли сила
Под клокочущим котлом
Огнь геенский разложила —
И пучину взворотила
И поставила вверх дном?
Волн неистовых прибоем
Беспрерывно вал морской
С ревом, свистом, визгом, воем
Бьет в утес береговой, —
Но, спокойный и надменный,
Дурью волн не обуюн,
Неподвижный, неизменный,
Мирозданию современный,
Ты стоишь, наш великан!
И, озлобленные боем,
Как на приступ роковой,
Снова волны лезут с воем
На гранит громадный твой.
Но, о камень неизменный
Бурный натиск преломив,
Вал отбрызнул сокрушенный,
И клубится мутной пеной
Обессиленный порыв...
Стой же ты, утес могучий!
Обожди лишь час-другой —
Надоест волне гремячей
Воевать с твоей пятой...

Утомясь потехой злою,
Присмирееет вновь она —
И без вою, и без бою
Под гигантскою пятою
Вновь уляжется волна...

1848

«Еще томлюсь тоской желаний...»

Еще томлюсь тоской желаний,
Еще стремлюсь к тебе душой —
И в сумраке воспоминаний
Еще ловлю я образ твой...
Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной, везде, всегда,
Недостижимый, неизменный, —
Как ночью на небе звезда...

1848

«Не знаешь, что лестней для мудрости людской...»

Не знаешь, что лестней для мудрости людской:
Иль вавилонский столп немецкого единства,
Или французского бесчинства
Республиканский хитрый строй.

1848

Русская география

Москва, и град Петров, и Константинов град —
Вот царства русского заветные столицы...
Но где предел ему? и где его границы —
На север, на восток, на юг и на закат?
Грядущим временам судьбы их обличат...
Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная...
Вот царство русское... и не прейдет вовек,
Как то провидел Дух и Даниил предрек.

1848 или 1849

Русской женщине

Вдали от солнца и природы,
Вдали от света и искусства,
Вдали от жизни и любви
Мелькнут твои молодые годы,
Живые помертвеют чувства,
Мечты развеются твои...
И жизнь твоя пройдет незрима
В краю безлюдном, безымянном,
На незамеченной земле, —
Как исчезает облак дыма
На небе тусклом и туманном,
В осенней беспредельной мгле...

1848 или 1849

«Как дымный столп светлеет в вышине!...»

Как дымный столп светлеет в вышине! —
Как тень внизу скользит, неуловима!..
«Вот наша жизнь, – промолвила ты мне,
Не светлый дым, блестящий при луне,
А эта тень, бегущая от дыма...»

1848 или 1849

«Неохотно и несмело...»

Неохотно и несмело
Солнце смотрит на поля.
Чу, за тучей прогремело,
Принахмурилась земля.
Ветра теплого порывы,
Дальний гром и дождь порой...
Зеленеющие нивы
Зеленее под грозой.
Вот пробилась из-за тучи
Синей молнии струя —

Пламень белый и летучий
Окаймил ее края.
Чаще капли дождевые,
Вихрем пыль летит с полей,
И раскаты громовые
Всё сердитей и смелей.
Солнце раз еще взглянуло
Исподлобья на поля —
И в сиянье потонула
Вся смятенная земля.

6 июня 1849

«Итак, опять увиделся я с вами...»

Итак, опять увиделся я с вами,
Места немилые, хоть и родные,
Где мыслил я и чувствовал впервые —
И где теперь, туманными очами,
При свете вечеряющего дня,
Мой детский возраст смотрит на меня.
О бедный призрак, немощный и смутный,
Забытого, загадочного счастья!
О, как теперь без веры и участия
Смотрю я на тебя, мой гость минутный,
Куда как чужд ты стал в моих глазах —
Как брат меньшей, умерший в пеленах...
Ах нет, не здесь, не этот край безлюдный
Был для души моей родимым краем —
Не здесь расцвел, не здесь был величаем
Великий праздник молодости чудной.
Ах, и не в эту землю я сложил
Всё, чем я жил и чем я дорожил!

13 июня 1849

«Тихой ночью, поздним летом...»

Тихой ночью, поздним летом,
Как на небе звезды рдеют,
Как под сумрачным их светом
Нивы дремлющие зреют...
Усыпительно-безмолвны,
Как блещут в тиши ночной
Золотистые их волны,
Убеленные луной...

23 июля 1849

«Когда в кругу убийственных забот...»

Когда в кругу убийственных забот
Нам всё мерзит – и жизнь, как камней гряда,
Лежит на нас, – вдруг знает бог откуда
Нам на душу отрадное дохнет,
Минувшим нас обвеет и обнимет
И страшный груз минутно приподнимет.
Так иногда осеннею порой,
Когда поля уж пусты, рощи голы,
Бледнее небо, пасмурнее доли,
Вдруг ветер подует, теплый и сырой,
Опавший лист погонит пред собою
И душу нам обдаст как бы весною...

22 октября 1849

«Слезы людские, о слезы людские...»

Слезы людские, о слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой...
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистошимые, неисчислимые, —
Льетесь, как льются струи дождевые
В осень глухую порою ночной.

Осень 1849

**Почтеннейшему имениннику
Филиппу Филипповичу Вигелю**

Прими как дар любви мое изображение,
Конечно, ты его оценишь и поймешь.
Припомни лишь при сем простое изреченье:
«Не по хорошу мил, а по милу хорош».

14 ноября 1849

«По равнине вод лазурной...»

По равнине вод лазурной
Шли мы верною стезей, —
Огнедышащий и бурный
Уносил нас змей морской.
С неба звезды нам светили,
Снизу искрилась волна,
И метелью влажной пыли
Обдавала нас она.
Мы на палубе сидели,
Многих сон одолевал...
Всё звучней колеса пели,
Разгребая шумный вал...
Приутих наш круг веселый,
Женский говор, женский шум...
Подпирает локоть белый
Много милых, сонных дум.
Сны играют на просторе
Под магической луной —
И баюкает их море
Тихоструйною волной.

29 ноября 1849

Рассвет

Не в первый раз кричит петух;
Кричит он живо, бодро, смело;
Уж месяц на небе потух,
Струя в Босфоре заалела.
Еще молчат колокола,
А уж восток заря румянит;
Ночь бесконечная прошла,
И скоро светлый день настанет.
Вставай же, Русь! Уж близок час!
Вставай Христовой службы ради!
Уж не пора ль, перекрестясь,
Ударить в колокол в Царьграде?
Раздайся, благовестный звон,
И весь Восток им огласится!
Тебя зовет и будит он, —
Вставай, мужайся, ополчися!
В доспехи веры грудь одень,
И с богом, исполин державный!..
О Русь, велик грядущий день,
Вселенский день и православный!

Ноябрь 1849

«ВНОВЬ ТВОИ Я ВИЖУ ОЧИ...»

Вновь твои я вижу очи —
И один твой южный взгляд
Киммерийской грустной ночи
Вдруг рассеял сонный хлад...
Воскресает предо мною
Край иной – родимый край —
Словно прадедов виною
Для сынов погибший рай...
Сновиденьем безобразным
Скрылся север роковой,
Сводом легким и прекрасным
Светит небо надо мной.

Снова жадными очами
Свет живительный я пью
И под чистыми лучами
Край волшебный узнаю.
Лавров стройных колыханье
Зыблет воздух голубой,
Моря тихое дыханье
Провеваает летний зной,
Целый день на солнце зреет
Золотистый виноград,
Баснословной былью веет
Из-под мраморных аркад...

1849

«Как он любил родные ели...»

Как он любил родные ели
Своей Савойи дорогой!
Как мелодически шумели
Их ветви над его главой!..
Их мрак торжественно-угрюмый
И дикий, заунывный шум
Какою сладостною думой
Его обворожали ум!..

1849

Поэзия

Среди громов, среди огней,
Среди клокочущих страстей,
В стихийном, пламенном раздоре,
Она с небес слетает к нам —
Небесная к земным сынам,
С лазурной ясностью во взоре —
И на бунтующее море
Льет примирительный елей.

⟨1850⟩

«Кончен пир, умолкли хоры...»

Кончен пир, умолкли хоры,
Опорожнены амфоры,
Опрокинуты корзины,
Не допиты в кубках вины,
На главах венки измяты, —
Лишь курятся ароматы
В опустевшей светлой зале...
Кончив пир, мы поздно встали —
Звезды на небе сияли,
Ночь достигла половины...
Как над беспокойным градом,
Над дворцами, над домами,
Шумным уличным движеньем
С тускло-рдяным освещеньем
И бессонными толпами, —
Как над этим дольным чадом
В горнем, выпрленном пределе
Звезды чистые горели,
Отвечая смертным взглядам
Непорочными лучами...

⟨1850⟩

Рим, ночью

В ночи лазурной почивает Рим.
Взошла луна и – овладела им,
И спящий град, безлюдно-величавый,
Наполнила своей безмолвной славой...
Как сладко дремлет Рим в ее лучах!
Как с ней сроднился Рима вечный прах!..
Как будто лунный мир и град почивший —
Всё тот же мир, волшебный, но отживший!..

⟨1850⟩

Наполеон

1

Сын Революции, ты с матерью ужасной
Отважно в бой вступил – и изнемог в борьбе...
Не одолел ее твой гений самовластный!..
Бой невозможный, труд напрасный!..
Ты всю ее носил в самом себе...

2

Два демона ему служили,
Две силы чудно в нем слились:
В его главе – орлы парили,
В его груди – змии вились...
Ширококрылых вдохновений
Орлиный, дерзостный полет,
И в самом буйстве дерзновений
Змииной мудрости расчет.
Но освящающая сила,
Непостижимая уму,
Души его не озарила
И не приблизилась к нему...
Он был земной, не божий пламень,
Он гордо плыл – презритель волн, —
Но о подводный веры камень
В щепы разбился утлый челн.

3

И ты стоял, – перед тобой Россия!
И, вещий волхв, в предчувствии борьбы,
Ты сам слова промолвил роковые:
«Да сбудутся ее судьбы!..»
И не напрасно было заклинанье:
Судьбы откликнулись на голос твой!..
Но новою загадкою в изгнанье
Ты возразил на отзыв роковой...
Года прошли – и вот из ссылки тесной
На родину вернувшийся мертвец,

На берегах реки, тебе любезной,
Тревожный дух, почил ты наконец...

Но чуток сон – и по ночам, тоскуя,
Порою встав, он смотрит на восток
И вдруг, смутясь, бежит, как бы почуя
Передрассветный ветерок.

⟨1850⟩

Венеция

Дождь Венеции свободной
Средь лазоревых зыбей,
Как жених порфирородный,
Достославно, всенародно
Обручался ежегодно
С Адриатикой своей.
И недаром в эти воды
Он кольцо свое бросал:
Веки целые, не годы
(Дивовалися народы)
Чудный перстень воеводы
Их вязал и чаровал...
И чета в любви и мире
Много славы нажила —
Века три или четыре,
Всё могучее и шире,
Разрасталась в целом мире
Тень от *львиного крыла*.
А теперь?
В волнах забвенья
Сколько брошенных колец!..
Миновались поколенья, —
Эти кольца обрученья,
Эти кольца стали звенья
Тяжкой цепи наконец!..

⟨1850⟩

«Святая ночь на небосклон взошла...»

Святая ночь на небосклон взошла,
И день отрадней, день любезней,
Как золотой покров, она свила,
Покров, накинутый над бездной.
И, как виденье, внешний мир ушел...
И человек, как сирота бездомный,
Стоит теперь и немощен и гол,
Лицом к лицу пред пропастию темной.
На самого себя покинут он —
Упразднен ум, и мысль осиротела —
В душе своей, как в бездне, погружен,
И нет извне опоры, ни предела...
И чудится давно минувшим сном
Ему теперь всё светлое, живое...
И в чуждом, неразгаданном ночном
Он узнает наследье родовое.

Между 1848 и мартом 1850

Пророчество

Не гул молвы прошел в народе,
Весть родилась не в нашем роде —
То древний глас, то свыше глас:
«Четвертый век уж на исходе, —
Свершится он – и грянет час!
И своды древние Софии,
В возобновленной Византии,
Вновь осенят Христов алтарь».
Пади пред ним, о царь России, —
И встань как всеславянский царь!

1 марта 1850

«Уж третий год беснуются языки...»

Уж третий год беснуются языки,
Вот и весна – и с каждою весной,
Как в стае диких птиц перед грозой,
Тревожней шум, разноголосней крики.

В раздумье тяжком князи и владыки
И держат вожжи трепетной рукой,
Подавлен ум зловещею тоской —
Мечты людей, как сны больного, дики.
Но *с нами бог!* Сорвавшись со дна,
Вдруг, одурев, полна грозы и мрака,
Стремглав на нас рванулась глубина, —
Но твоего не помутила зрака!..
Ветр свирепел. Но... «Да не будет тако!» —
Ты рек, – и вспять отхлынула волна.

Между 1 и 6 марта 1850

К. В. Нессельроде

Нет, карлик мой! трус беспримерный!
Ты, как ни жмися, как ни трусь,
Своей душою маловой
Не соблазнишь Святую Русь...
Иль, все святые упования,
Все убежденья потребя,
Она от своего призванья
Вдруг отречется для тебя?..
Иль так ты дорог провиденью,
Так дружен с ним, так заодно,
Что, дорожа твоею ленью,
Вдруг остановится оно?..
Не верь в Святую Русь кто хочет,
Лишь верь она себе самой, —
И бог победы не отсрочит
В угоду трусости людской.
То, что обещано судьбами
Уж в колыбели было ей,
Что ей завещано веками
И верой всех ее царей, —

То, что Олеговы дружины
Ходили добывать мечом,
То, что орел Екатерины
Уж прикрывал своим крылом, —
Венца и скиптра Византии
Вам не удастся нас лишить!
Всемирную судьбу России —
Нет, вам ее не запрудить!..

Май 1850

«Тогда лишь в полном торжестве...»

Тогда лишь в полном торжестве
В славянской мировой громаде
Строй вожделенный водворится,
Как с Русью Польша помирится, —
А помирятся ж эти две
Не в Петербурге, не в Москве,
А в Киеве и в Цареграде...

Первая половина 1850

«Пошли, господь, свою отраду...»

Пошли, господь, свою отраду
Тому, кто в летний жар и зной
Как бедный нищий мимо саду
Бредет по жесткой мостовой —
Кто смотрит вскользь через ограду
На тень деревьев, злак долин,
На недоступную прохладу
Роскошных, светлых луговин.
Не для него гостеприимной
Деревья сенью разрослись,
Не для него, как облак дымный,
Фонтан на воздухе повис.

Лазурный грот, как из тумана,
Напрасно взор его манит,
И пыль росистая фонтана
Главы его не осенит.
Пошли, господь, свою отраду
Тому, кто жизненной тропой
Как бедный нищий мимо саду
Бредет по знойной мостовой.

Июль 1850

На Неве

И опять звезда играет
В легкой зыби невских волн
И опять любовь вверяет
Ей таинственный свой челн.
И меж зыбью и звездюю
Он скользит как бы во сне
И два призрака с собою
Вдаль уносит по волне.
Дети ль это праздной лени
Тратят здесь досуг ночной?
Иль блаженные две тени
Покидают мир земной?
Ты, разлитая как море,
Дивно-пышная волна,
Приюти в своем просторе
Тайну скромного челна!

Июль 1850

«Не рассуждай, не хлопочи!..»

Не рассуждай, не хлопочи!..
Безумство ищет, глупость судит;
Дневные раны сном лечи,
А завтра быть чему, то будет.

Живя, умей *всё* пережить:
Печаль, и радость, и тревогу.
Чего желать? О чем тужить?
День пережит – и слава богу!

Июль 1850

«Как ни дышит полдень знойный...»

Как ни дышит полдень знойный
В растворенное окно,
В этой храмине спокойной,
Где всё тихо и темно,
Где живые благовонья
Бродят в сумрачной тени,
В сладкий сумрак полусонья
Погрузись и отдохни.
Здесь фонтан неутомимый
День и ночь поет в углу
И кропит росой незримой
Очарованную мглу.
И в мерцанье полусвета,
Тайной страстью занята,
Здесь влюбленного поэта
Веет легкая мечта.

Июль 1850

«Под дыханьем непогоды...»

Под дыханьем непогоды,
Вздувшись, потемнели воды
И подернулись свинцом —
И сквозь глянец их суровый
Вечер пасмурно-багровый
Светит радужным лучом,

Сыплет искры золотые,
Сеет розы огневые,
И – уносит их поток...
Над волной темно-лазурной
Вечер пламенный и бурный
Обрывает свой веноч...

12 августа 1850

«Обвеян вещею дремотой...»

Обвеян вещею дремотой,
Полураздетый лес грустит...
Из летних листьев разве сотый,
Блестя осенней позолотой,
Еще на ветви шелестит.
Гляжу с участием умиленным,
Когда, пробившись из-за туч,
Вдруг по деревьям испещренным,
С их ветхим листьем изнуренным,
Молниевидный брызнет луч!
Как увядающее мило!
Какая прелесть в нем для нас,
Когда, что так цвело и жило,
Теперь, так немощно и хило,
В последний улыбнется раз!..

15 сентября 1850

Два голоса

1

Мужайтесь, о други, боритесь прилежно,
Хоть бой и неравен, борьба безнадежна!
Над вами светила молчат в вышине,
Под вами могилы – молчат и оне.
Пусть в горнем Олимпе блаженствуют боги:
Бессмертье их чуждо труда и тревоги;
Тревога и труд лишь для смертных сердец...
Для них нет победы, для них есть конец.

2

Мужайтесь, боритесь, о храбрые други,
Как бой ни жесток, ни упорна борьба!
Над вами безмолвные звездные круги,
Под вами немые, глухие гроба.
Пускай олимпийцы завистливым оком
Глядят на борьбу непреклонных сердец.
Кто ратуя пал, побежденный лишь Роком,
Тот вырвал из рук их победный венец.

1850

Графине Е. П. Ростопчиной

(в ответ на ее письмо)

Как под сугробом снежным лени,
Как околдованный зимой,
Каким-то сном усопшей тени
Я спал, зарытый, но живой!
И вот, я чую, надо мною,
Не наяву и не во сне,
Как бы повеяло весною,
Как бы запело о весне...
Знакомый голос... голос чудный...
То лирный звук, то женский вздох...
Но я, ленивец беспробудный,
Я вдруг откликнуться не мог...
Я спал в оковах тяжкой лени,
Под осьмимесячной зимой,
Как дремлют праведные тени
Во мгле стигийской роковой.
Но этот сон полумогильный
Как надо мной ни тяготел,
Он сам же, чародей всеильный,
Ко мне на помощь подоспел.
Приязни давней выраженья
Их для меня он уловил —

И в музыкальные виденья
Знакомый голос воплотил...
Вот вижу я, как бы сквозь дымки,
Волшебный сад, волшебный дом —
И в замке феи-*Нелюдимки*
Вдруг очутились мы вдвоем!..
Вдвоем! – И песнь ее звучала,
И от заветного крыльца
Гнала и буйного нахала,
Гнала и пошлого льстеца.

1850

Поминки

(Из Шиллера)

Пала царственная Троя,
Сокрушен Приамов град,
И ахеяне, устроя
Свой на родину возврат,
На судах своих сидели,
Вдоль эгейских берегов,
И пэан хвалебный пели,
Громко слава всех богов...
«Раздавайся, глас победный!
Вы к брегам родной земли
Окрыляйтесь, корабли,
В путь возвратный, в путь безбедный!»
И сидели в длинном строе —
Грустно-бледная семья —
Жены, девы падшей Трои,
Голося и слезы лья,
В горе общем и великом
Плача о себе самих,
И с победным, буйным кликом
Дико вопль сливался их...
«Ждет нас горькая неволя
Там, вдали, в стране чужой.
Ты прости, наш край родной!
Как завидна мертвых доля!»

И воздвигся, жертвы ради,
Приноситель жертв, Калхас,
Градозиждущей Палладе,
Градорушащей молясь,
Посейдона силе грозной,
Опоясавшего мир,
И тебе, эгидоносный
Зевс, сгущающий эфир!
«Опрокинут, уничтожен
Град великий Илион!
Долгий, долгий спор решен, —
Суд бессмертных непреложен».
Грозных полчищ воевода,
Царь царей, Атреев сын,
Обозрел толпы народа,
Уцелевший строй дружин.
И внезапною тоскою
Омрачился царский взгляд:

Много их пришло под Трою,
Мало их пойдет назад.
«Так возвысьте ж глас хвалебный!
Пой и радуйся стократ,
У кого златой возврат
Не похитил рок враждебный!»
«Но не всем сужден от бога
Мирный, радостный возврат:
У домашнего порога
Многих Керы сторожат...
Жив и цел вернулся с бою —
Гибнет в храмине своей!..» —
Рек Афиной всеблагою
Вдохновенный Одиссей...
«Тот лишь дом и тверд и прочен,
Где семейный свят устав:
Легковерен женский нрав,
И изменчив, и порочен».
И супругой, взятой с бою,
Снова счастливый Атрид,
Пышный стан обвив рукою,
Страстный взор свой веселит.
«Злое злой конец приемлет!
За нечестьем казнь следит —
В небе суд богов не дремлет!
Право царствует Кронид...
Злой конец началу злomu!
Правоправящий Кронид
Вероломцу страшно мстит —
И семье его и дому».

«Хорошо любимцам счастья, —
Рек Аякса брат меньшей, —
Олимпийцев самовласть
Величать своей хвалой!..
Неподвластно высшей силе
Счастье в прихотях своих:
Друг Патрокл давно в могиле,
А Терсит еще в живых!..
Счастье жеребии сеет
Своевольною рукой.
Веселись и песни пой
Тот, кого светило греет!
Будь утешен, брат любимый!
Память вечная тебе!..
Ты – оплот несокрушимый
Чад ахейских в их борьбе!..
В день ужасный, в день кровавый
Ты один за всех стоял!

Но не сильный, а лукавый
Мзду великую стяжал...
Не врага рукой победной —
От руки ты пал своей...
Ах, и лучших из людей
Часто губит гнев зловерный!
И твоей теперь державной
Тени, доблестный Пелид,
Сын твой, Пирр, воитель славный,
Возлияние творит...»
— «Как тебя, о мой родитель,
Никого, — он возгласил, —
Зевс, великий промыслитель!
На земле не возносил!
На земле, где всё изменно,
Выше славы блага нет.
Нашу персть — земля возьмет,
Имя славное — нетленно».

«Хоть о падших, побежденных
И молчит победный клик,
Но и в родах отдаленных,
Гектор, будешь ты велик!..
Вечной памяти достоин. —
Сын Тидеев провещал, —
Кто как честный, храбрый воин,
Край отцов спасая, пал...
Честь тому, кто, не робея,
Жизнь за братьев положил!
Победитель — победил,
Слава падшего святее!»
Старец Нестор днесь, маститый
Брашник, кубок взяв, встает
И сосуд, плющом обвитый,
Он Гекубе подает:
«Выпей, мать, струи целебной
И забудь весь свой урон!
Силен Вакха сок волшебный,
Дивно нас врачует он...
Мать, вкуси струи целебной
И забудь судеб закон.
Дивно нас врачует он,
Бога Вакха дар волшебный».
И Ниобы древней сила
Горем злым удручена,
Соку дивного вкусила —
И утешилась она.
«Лишь сверкнет в застольной чаше
Благодатное вино,

В Лету рухнет горе наше
И пойдет, как ключ, на дно.
Да, пока играет в чаше
Всемогущее вино,
Горе в Лету снесено,
В Лете тонет горе наше!»
И воздвиглась на прощанье
Провозвестница-жена,
И исполнилась вещанья
Вдохновенного она;

И пожарище родное
Обзрев в последний раз:
«Дым и пар – здесь всё земное,
Вечность, боги, лишь у вас!
Как уходят клубы дыма,
Так уходят наши дни!
Боги, вечны вы одни, —
Всё земное идет мимо!»

Конец 1850 – начало 1851

«Смотри, как на речном просторе...»

Смотри, как на речном просторе,
По склону вновь оживших вод,
Во всеобъемлющее море
Льдина за льдиною плывет.
На солнце ль радужно блистая
Иль ночью, в поздней темноте,
Но все, неизбежимо тая,
Они плывут к одной мете.
Все вместе – малые, большие,
Утратив прежний образ свой,
Все – безразличны, как стихия, —
Сольются с бездной роковой!..
О, нашей мысли обольщенье,
Ты, человеческое Я,
Не таково ль твое значенье,
Не такова ль судьба твоя?

⟨1851⟩

Предопределение

Любовь, любовь – гласит преданье —
Союз души с душой родной —
Их съединенье, сочетанье,
И роковое их слиянье,
И... поединок роковой...

И чем одно из них нежнее
В борьбе неравной двух сердец,
Тем неизбежней и вернее,
Любя, страдая, грустно млея,
Оно изнает наконец...

Между июлем 1850 и серединой 1851

Близнецы

Есть близнецы – для земнородных
Два божества – то Смерть и Сон,
Как брат с сестрою дивно сходных —
Она угрюмей, кротче он...
Но есть других два близнеца —
И в мире нет четы прекрасней,
И обаянья нет ужасней,
Ей предающего сердца...
Союз их кровный, не случайный,
И только в роковые дни
Своей неразрешимой тайной
Обворожают нас они.
И кто в избытке ощущений,
Когда кипит и стынет кровь,
Не ведал ваших искушений —
Самоубийство и Любовь!

Между июлем 1850 и серединой 1851

«Я очи знал, – о, эти очи!...»

Я очи знал, – о, эти очи!
Как я любил их – знает бог!
От их волшебной, страстной ночи
Я душу оторвать не мог.
В непостижимом этом взоре,
Жизнь обнажающем до дна,
Такое слышалось горе,
Такая страсти глубина!

Дышал он грустный, углубленный
В тени ресниц ее густой,
Как наслажденья, утомленный
И, как страданья, роковой.
В эти чудные мгновенья
Ни разу мне не довелось
С ним повстречаться без волненья
И любоваться им без слез.

Между июлем 1850 и серединой 1851

«Не говори меня он, как и прежде, любит...»

Не говори: меня он, как и прежде, любит,
Мной, как и прежде, дорожит...
О нет! Он жизнь мою бесчеловечно губит,
Хоть, вижу, нож в руке его дрожит.
То в гневе, то в слезах, тоскуя, негодуя,
Увлечена, в душе уязвлена,
Я стражду, не живу... им, им одним живу я —
Но эта жизнь!.. О, как горька она!
Он мерит воздух мне так бережно и скудно...
Не мерят так и лютому врагу...
Ох, я дышу еще болезненно и трудно,
Могу дышать, но жить уж не могу.

Между июлем 1850 и серединой 1851

«О, не тревожь меня укорой справедливой!...»

О, не тревожь меня укорой справедливой!
Поверь, из нас из двух завидней часть твоя:
Ты любишь искренно и пламенно, а я —
Я на тебя гляжу с досадою ревнивой.
И, жалкий чародей, перед волшебным миром,
Мной созданным самим, без веры я стою —
И самого себя, краснея, узнаю
Живой души твоей безжизненным кумиром.

Между июлем 1850 и серединой 1851

«Чему молилась ты с любовью...»

Чему молилась ты с любовью,
Что, как святыню, берегла,
Судьба людскому суесловью
На поруганье предала.
Толпа вошла, толпа вломилась
В святилище души твоей,
И ты невольно устыдилась
И тайн и жертв, доступных ей.
Ах, когда б живые крылья
Души, парящей над толпой,
Ее спасали от насилия
Безмерной пошлости людской!

Между июлем 1850 и серединой 1851

«О, как убийственно мы любим...»

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепости страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!
Давно ль, гордясь своей победой,
Ты говорил: она моя...
Год не прошел – спроси и сведай,
Что уцелело от нея?
Куда ланит девались розы,
Улыбка уст и блеск очей?
Всё опалили, выжгли слезы
Горячей влагою своей.
Ты помнишь ли, при вашей встрече,
При первой встрече роковой,
Ее волшебны взоры, речи
И смех младенческо-живой?
И что ж теперь? И где ж всё это?
И долговечен ли был сон?
Увы, как северное лето,
Был мимолетным гостем он!

Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженным позором
На жизнь ее она легла!
Жизнь отреченья, жизнь страданья!
В ее душевной глубине
Ей оставались воспоминанья...
Но изменили и оне.
И на земле ей дико стало,
Очарование ушло...
Толпа, нахлынув, в грязь втоптала
То, что в душе ее цвело.
И что ж от долгого мученья,
Как пепл, сберечь ей удалось?
Боль злую, боль ожесточенья,
Боль без отрады и без слез!
О, как убийственно мы любим!
Как в буйной слепости страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!..

Первая половина 1851

Э. Ф. Тютчевой («Не знаю я, коснется ль благодать...»)

Не знаю я, коснется ль благодать
Моей души болезненно-греховной,
Удастся ль ей воскреснуть и восстать,
Пройдет ли обморок духовный?
Но если бы душа могла
Здесь, на земле, найти успокоенье,
Мне благодатью ты б была —
Ты, ты, мое земное провиденье!..

Апрель 1851

Первый лист

Лист зеленеет молодой.
Смотри, как листьям молодым
Стоят обвеяны березы,
Воздушной зеленью сквозной,
Полупрозрачную, как дым...
Давно им грезилось весной,
Весной и летом золотым, —
И вот живые эти грезы
Под первым небом голубым
Пробились вдруг на свет дневной...
О, первых листьев красота,
Омытых в солнечных лучах,
С новорожденною их тенью!
И слышно нам по их движенью,
Что в этих тысячах и тьмах
Не встретишь мертвого листа.

Май 1851

«Не раз ты слышала признание...»

Не раз ты слышала признание:
«Не стою я любви твоей».
Пускай мое она создание —
Но как я беден перед ней...
Перед любовью твоею
Мне больно вспомнить о себе —
Стою, молчу, благоговею
И поклоняюсь тебе...
Когда порой так умиленно,
С такою верой и мольбой
Невольно клонишь ты колени
Пред колыбелью дорогой,
Где спит *она* — твоё рождение —
Твой безымянный херувим, —
Пойми ж и ты мое смирение
Пред сердцем любящим твоим.

1851

Наш век

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.
Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознает свою погибель он,
И жаждет веры... но о ней не просит.
Не скажет век, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой дверью:
«Впусти меня! – Я верю, боже мой!
Приди на помощь моему неверью!..»

10 июня 1851

«Дума за думой, волна за волной...»

Дума за думой, волна за волной —
Два проявленья стихии одной:
В сердце ли тесном, в безбрежном ли море,
Здесь – в заключении, там – на просторе, —
Тот же всё вечный прибой и отбой,
Тот же всё призрак тревожно-пустой.

14 июля 1851

«Не остывшая от зною...»

Не остывшая от зною,
Ночь июльская блистала...
И над тусклою землею
Небо, полное грозою,
Всё в зарницах трепетало...
Словно тяжкие ресницы
Подымались над землею,
И сквозь беглые зарницы
Чьи-то грозные зеницы
Загорались порою...

14 июля 1851

«В разлуке есть высокое значенье...»

В разлуке есть высокое значенье:
Как ни люби, хоть день один, хоть век,
Любовь есть сон, а сон – одно мгновенье,
И рано ль, поздно ль пробужденье,
А должен наконец проснуться человек...

6 августа 1851

**«Ты знаешь край, где мирт и лавр растет...»
(Из *Geme*)**

*Kennst du das Land?..*⁸

Ты знаешь край, где мирт и лавр растет,
Глубок и чист лазурный неба свод,
Цветет лимон и апельсин золотой
Как жар горит под зеленью густой?..
Ты был ли там? Туда, туда с тобой
Хотела б я укрыться, милый мой.
Ты знаешь высь с стезей по крутизнам?
Лошак бредет в тумане по снегам,
В ущельях гор отродье змей живет,
Гремит обвал и водопад ревет...
Ты был ли там? Туда, туда с тобой
Лежит наш путь – уйдем, властитель мой.
Ты знаешь дом на мраморных столпах?
Сияет зал, и купол весь в лучах;
Глядят кумиры, молча и грустя:
«Что, что с тобою, бедное дитя?..»
Ты был ли там? Туда, туда с тобой
Уйдем скорей, уйдем, родитель мой.

Между январем и 27 октября 1851

⁸ Ты знаешь край?.. (нем.). – *Ред.*

«День вечереет, ночь близка...»

День вечереет, ночь близка,
Длинней с горы ложится тень,
На небе гаснут облака...
Уж поздно. Вечереет день.

Но мне не страшен мрак ночной,
Не жаль скудеющего дня, —
Лишь ты, волшебный призрак мой
Лишь ты не покидай меня!..
Крылом своим меня одень,
Волненья сердца утиши,
И благодатна будет тень
Для очарованной души.
Кто ты? Откуда? Как решить,
Небесный ты или земной?
Воздушный житель, может быть, —
Но с страстной женскою душой.

1 ноября 1851

«Как весел грохот летних бурь...»

Как весел грохот летних бурь,
Когда, взметая прах летучий,
Гроза, нахлынувшая тучей,
Смутит небесную лазурь
И опрометчиво-безумно
Вдруг на дубраву набежит,
И вся дубрава задрожит
Широколиственно и шумно!..
Как под незримою пятой,
Лесные гнутся исполины;
Тревожно ропщут их вершины,
Как совещаюсь меж собой, —
И сквозь внезапную тревогу
Немолчно слышен птичий свист,
И кой-где первый желтый лист,
Крутясь, слетает на дорогу...

1851

«Недаром милосердым богом...»

Недаром милосердым богом
Пугливой птичка создана —
Спасенья верного залогом
Ей робость чуткая дана.
И нет для бедной пташки проку
В свойстве с людьми, с семьей людской...
Чем ближе к ним, тем ближе к Року —
Несдобровать под их рукой...
Вот птичку девушка вскормила
От первых перышек, с гнезда,
Взлелеяла ее, взрастила
И не жалела, не щадила
Для ней ни ласки, ни труда.
Но как, с любовью тревожной,
Ты, дева, ни пеклась о ней,
Наступит день, день непреложный —
Питомец твой неосторожный
Погибнет от руки твоей...

1851

«С озера веет прохлада и нега...»
(Из Шиллера)

Es lächelt der See...⁹

С озера веет прохлада и нега, —
Отрок заснул, убаюкан у берега.
Блаженные звуки
Он слышит во сне;
То ангелов лики
Поют в вышине.
И вот он очнулся от райского сна, —
Его, обнимая, ласкает волна,
И слышит он голос,
Как ропот струи:
«Приди, мой красавец,
В объятия мои!»

1851

⁹ Смеется озеро... (нем.). – *Ред.*

«Ты волна моя морская...»

*Mobile comme l'onde*¹⁰

Ты волна моя морская,
Своенравная волна,
Как, покоясь иль играя,
Чудной жизни ты полна!
Ты на солнце ли смеешься,
Отражая неба свод,
Иль мятешься ты и бьешься
В одичалой бездне вод, —
Сладок мне твой тихий шепот,
Полный ласки и любви;
Внятен мне и буйный ропот,
Стоны вещие твои.
Будь же ты в стихии бурной
То угрюма, то светла,
Но в ночи твоей лазурной
Сбереги, что ты взяла.
Не кольцо, как дар заветный,
В зыбь твою я опустил,
И не камень самоцветный
Я в тебе похоронил.
Нет – в минуту роковую,
Тайной прелестью влеком,
Душу, душу я живую
Схоронил на дне твоём.

Апрель 1852

¹⁰ Непостоянна, как волна (фр.). – *Ред.*

Памяти В. А. Жуковского

1

Я видел вечер твой. Он был прекрасен!
В последний раз прощаясь с тобой,
Я любовался им: и тих, и ясен,
И весь насквозь проникнут теплотой...

О, как они и грели и сияли —
Твои, поэт, прощальные лучи...
А между тем заметно выступали
Уж звезды первые в его ночи...

2

В нем не было ни лжи, ни раздвоенья —
Он всё в себе мирил и совмещал.
С каким радушием благоволенья
Он были мне Омировы читал...
Цветущие и радужные были
Младенческих, первоначальных лет...
А звезды между тем на них сводили
Таинственный и сумрачный свой свет...

3

Поистине, как голубь, чист и цел
Он духом был; хоть мудрости змииной
Не презирал, понять ее умел,
Но веял в нем дух чисто голубиный.
И этою духовной чистотою
Он возмужал, окреп и просветлел.
Душа его возвысилась до строю:
Он стройно жил, он стройно пел...

4

И этот-то души высокий строй,

Создавший жизнь его, проникший лиру,
Как лучший плод, как лучший подвиг свой,
Он завещал взволнованному миру...
Поймет ли мир, оценит ли его?
Достойны ль мы священного залога?
Иль не про нас сказало божество:
«Лишь сердцем чистые, те узрят бога!»

Конец июня 1852

«Сияет солнце, воды блещут...»

Сияет солнце, воды блещут,
На всем улыбка, жизнь во всем,
Деревья радостно трепещут,
Купаясь в небе голубом.
Поют деревья, блещут воды,
Любовью воздух растворен,
И мир, цветущий мир природы,
Избытком жизни упоен.
Но и в избытке упоенья
Нет упоения сильней
Одной улыбки умиленья
Измученной души твоей...

28 июля 1852

«Чародейкою Зимою...»

Чародейкою Зимою
Околдован, лес стоит —
И под снежной бахромою,
Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блестит.
И стоит он, околдован, —
Не мертвец и не живой —
Сном волшебным очарован,
Весь опутан, весь окован
Легкой цепью пуховой...
Солнце зимнее ли мещет
На него свой луч косой —
В нем ничто не затрепещет,
Он весь вспыхнет и заблещет
Ослепительной красой.

31 декабря 1852

Последняя любовь

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!
Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе, бродит сиянье, —
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье.
Пусть скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство, и безнадежность.

Между серединой 1851 и началом 1854

Неман

Ты ль это, Неман величавый?
Твоя ль струя передо мной?
Ты, столько лет, с такою славой,
России верный часовой?..
Один лишь раз, по воле бога,
Ты супостата к ней впустил —
И целость русского порога
Ты тем навеки утвердил...
Ты помнишь ли бывшее, Неман?
Тот день години роковой,
Когда стоял он над тобой,
Он сам – могучий южный демон,
И ты, как ныне, протекал,
Шумя под вражьими мостами,
И он струю твою ласкал
Своими чудными очами?
Победно шли его полки,
Знамена весело шумели,
На солнце искрились штыки,
Мосты под пушками гремели —

И с высоты, как некий бог,
Казалось, он парил над ними,
И двигал всем, и всё стерег
Очами чудными своими...
Лишь одного он не видал...
Не видел он, воитель дивный,
Что там, на стороне противной,
Стоял *Другой* – стоял и ждал...
И мимо проходила рать —
Всё грозно-боевые лица,
И неизбежная Десница
Клала на них свою печать...
И так победно шли полки,
Знамена гордо развевались,
Струились молнией штыки,
И барабаны заливались...
Несметно было их число —
И в этом бесконечном строе
Едва ль десятое чело
Клеймо минуло роковое...

Между 5 и 7 сентября 1853

Спиритистическое предсказание

Дни настают борьбы и торжества,
Достигнет Русь завещанных границ,
И будет старая Москва
Новейшею из трех ее столиц.

Между осенью 1853 и весной 1854?

Лето 1854

Какое лето, что за лето!
Да это просто колдовство —
И как, <с>прошу, далось нам это
Так ни с того и ни с сего?..

Гляжу тревожными глазами
На этот блеск, на этот свет...
Не издеваются ль над нами?
Откуда нам такой привет?..
Увы, не так ли молодая
Улыбка женских уст и глаз,
Не восхищая, не прельщая,
Под старость лишь смущает нас...

Август 1854

«Увы, что нашего незнания...»

Увы, что нашего незнания
И беспомощней и грустней?
Кто смеет молвить: *до свиданья*
Через бездну двух или трех дней?

11 сентября 1854

«Теперь тебе не до стихов...»

Теперь тебе не до стихов,
О слово русское, родное!
Созрела жатва, жнец готов,
Настало время неземное...
Ложь воплотилась в булаг;
Каким-то божьим попущеньем
Не целый мир, но целый ад
Тебе грозит ниспроверженьем
Все богохульные умы,
Все богомерзкие народы
Со дна воздвиглись царства тьмы
Во имя света и свободы!
Тебе они готовят плен,
Тебе пророчат посрамленье, —
Ты – лучших, будущих времен
Глагол, и жизнь, и просвещение!

О, в этом испытанье строгом,
В последней, в роковой борьбе,
Не измени же ты себе
И оправдайся перед богом...

24 октября 1854

На новый 1855 год

Стоим мы слепо пред Судьбою,
Не нам сорвать с нее покров...
Я не *свое* тебе открою,
Но бред пророческий духов...
Еще нам далеко до цели,
Гроза ревет, гроза растет, —
И вот – в железной колыбели,
В громах родится Новый год...
Черты его ужасно-строги,
Кровь на руках и на челе...
Но не одни войны тревоги
Несет он миру на земле!
Не просто будет он воитель,
Но исполнитель божьих кар, —
Он совершит, как поздний мститель,
Давно обдуманый удар...
Для битв он послан и расправы,
С собой несет он два меча:
Один – сражений меч кровавый,
Другой – секиру палача.
Но для кого?.. Одна ли выя,
Народ ли целый обречен?..
Слова неясны роковые,
И смутен замогильный сон...

Конец 1854 или начало 1855

По случаю приезда австрийского эрцгерцога на похороны императора Николая

Нет, мера есть долготерпению,
Бесстыдству также мера есть!..
Клянусь его венчанной тенью,
Не всё же можно перенести!
И как не грянет отовсюду
Один всеобщий клич тоски:
Прочь, прочь австрийского Иуду
От гробовой его доски!
Прочь с их предательским лобзаньем,
И весь апостольский их род
Будь заклеямен одним прозваньем:
Искарот, Искариот!

1 марта 1855

«Пламя рдеет, пламя пышет...»

Пламя рдеет, пламя пышет,
Искры брызжут и летят,
А на них прохладой дышит
Из-за речки темный сад.
Сумрак тут, там жар и крики,
Я брожу как бы во сне, —
Лишь одно я живо чую:
Ты со мной и вся во мне.
Треск за треском, дым за дымом,
Трубы голые торчат,
А в покое нерушимом
Листья веют и шуршат.
Я, дыханьем их обвеян,
Страстный говор твой люблю...
Слава богу, я с тобою,
А с тобой мне – как в раю.

10 июля 1855

«Эти бедные селенья...»

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!
Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.
Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь небесный
Исходил, благословляя.

13 августа 1855

«Вот от моря и до моря...»

Вот от моря и до моря
Нить железная скользит,
Много славы, много горя
Эта нить порой гласит.
И, за ней следя глазами,
Путник видит, как порой
Птицы вещие садятся
Вдоль по нити вестовой.
Вот с поляны ворон черный
Прилетел и сел на ней,
Сел и каркнул и крылами
Замахал он веселей.
И кричит он, и ликует,
И кружится всё над ней:
Уж не кровь ли ворон чует
Севастопольских вестей?

13 августа 1855

Графине Ростопчиной

О, в эти дни – дни роковые,
Дни испытаний и утрат —
Отраден будь для ней возврат
В места, душе ее родные!
Пусть добрый, благосклонный гений
Скорей ведет навстречу к ней
И горсть живых еще друзей,
И столько милых, милых теней!

16 октября 1855

«О вещая душа моя...»

О вещая душа моя,
О сердце, полное тревоги, —
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..
Так ты – жилища двух миров,
Твой день – болезненный и страстный,
Твой сон – пророчески-неясный,
Как откровение духов...
Пускай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые —
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть.

1855

**Из Микеланджело («Молчи,
прошу, не смей меня будить...»)**

Молчи, прошу, не смей меня будить.
О, в этот век преступный и постыдный
Не жить, не чувствовать – удел завидный...
Отрадно спать, отрадней камнем быть.

1855

Н<иколаю> П<авловичу>

Не богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые, —
Всё было ложь в тебе, всё призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей.

1855

«Так, в жизни есть мгновения...»

Так, в жизни есть мгновения —
Их трудно передать,
Они самозабвения
Земного благодать.
Шумят верхи древесные
Высоко надо мной,
И птицы лишь небесные
Беседуют со мной.
Всё пошлое и ложное
Ушло так далеко,
Всё мило-невозможное
Так близко и легко.
И любо мне, и сладко мне,
И мир в моей груди,
Дремотою обвеян я —
О время, погоди!

1855?

А. С. Норову

Тому, кто с верой и любовью
Служил земле своей родной —
Служил ей мыслию и кровью,
Служил ей словом и душой,
И кто – не даром – провиденьем,
На многотрудном их пути,
Поставлен новым поколениям
В благонадежные вожди...

4 января 1856

«Все, что сберечь мне удалось...»

Все, что сберечь мне удалось,
Надежды веры и любви,
В одну молитву всё слилось:
Переживи, переживи!

8 апреля 1856

Н. Ф. Щербине

Вполне понятно мне значенье
Твоей болезненной мечты,
Твоя борьба, твоё стремленье,
Твое тревожное служенье
Пред идеалом красоты...
Так узник эллинский, порою
Забывшись сном среди степей,
Под скифской вьюгой снеговою
Свободой бредил золотою
И небом Греции своей.

4 февраля 1857

«С временщиком Фортуна в споре...»

Из Шиллера

С временщиком Фортуна в споре
К убогой Мудрости летит:
«Сестра, дай руку мне – и горе
Твоя мне дружба облегчит.
Дарами лучшими моими
Его осыпала, как мать, —
И что ж? Ничем не насытимый,
Меня скупой он смел назвать!..
София, верь мне, будем дружны!
Смотри: вот горы серебра —
Кинь заступ твой, теперь ненужный, —
С нас будет, милая сестра».

«Лети! – ей Мудрость отвечала. —
Не слышишь? Друг твой жизнь клянет —
Спаси безумца от кинжала,
А мне в Фортуне нужды нет...»

Между январем и апрелем 1857

«Прекрасный день его на Западе исчез...»

Прекрасный день его на Западе исчез,
Полнеба обхватив бессмертною зарею,
А он из глубины полуночных небес —
Он сам глядит на нас пророческой звездою.

11 апреля 1857

«Над этой темною толпой...»

Над этой темною толпой
Непробужденного народа
Взойдешь ли ты когда, Свобода,
Блеснет ли луч твой золотой?..
Блеснет твой луч и оживит
И сон разгонит и туманы...
Но старые, гнилые раны,
Рубцы насилий и обид,
Растрепанье душ и пустота,
Что гложет ум и в сердце ноет, —
Кто их излечит, кто прикроет?..
Ты, риза чистая Христа...

15 августа 1857

«Есть в осени первоначальной...»

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто всё – простор везде, —
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.
Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко еще до первых зимних бурь —
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле...

22 августа 1857

«Смотри, как роща зеленеет...»

Смотри, как роща зеленеет,
Палящим солнцем облита,
А в ней – какую негой веет
От каждой ветки и листа!
Войдем и сядем над корнями
Дерев, пойманных родником, —
Там, где, обвеянный их мглами,
Он шепчет в сумраке немом.
Над нами бредят их вершины,
В полдневный зной погружены,
И лишь порою крик орлиный
До нас доходит с вышины...

Конец августа 1857

М. Ф. Тютчевой

Когда *осьмнадцать лет* твои
И для тебя уж будут сновиденьем, —
С любовью, с тихим умиленьем
И их и *нас* ты помяни...

23 февраля 1858

«В часы, когда бывает...»

В часы, когда бывает
Так тяжело на груди,
И сердце изнывает,
И тьма лишь впереди;
Без сил и без движенья,
Мы так удручены,
Что даже утешенья
Друзей нам не смешны, —
Вдруг солнца луч приветный
Войдет украдкой к нам
И брызнет огнецветной
Струю по стенам:
И с тверди благосклонной,
С лазуревых высот
Вдруг воздух благовонный
В окно на нас пахнет...
Уроков и советов
Они нам не несут,
И от судьбы наветов
Они нас не спасут.
Но силу их мы чуем,
Их слышим благодать,
И меньше мы тоскуем,
И легче нам дышать...
Так мило-благодатна,
Воздушна и светла
Душе моей стократно
Любовь твоя была.

1858

«Она сидела на полу...»

Она сидела на полу
И грудю писем разбирала —
И, как остывшую золу,
Брала их в руки и бросала —

Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела —
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело...
О, сколько жизни было тут,
Невозвратно-пережитой!
О, сколько горестных минут,
Любви и радости убитой!..
Стоял я молча в стороне
И пасть готов был на колени, —
И страшно-грустно стало мне,
Как от присущей милой тени

1858

Успокоение («Когда, что звали мы своим...»)

Когда, что звали мы своим,
Навек от нас ушло
И, как под камнем гробовым,
Нам станет тяжело, —
Пойдем и бросим беглый взгляд
Туда, по склону вод,
Куда стремглав струи спешат,
Куда поток несет.
Одна другой наперерыв
Спешат-бегут струи
На чей-то роковой призыв,
Им слышимый вдали...
За ними тщетно мы следим —
Им не вернуться вспять...
Но чем мы долее глядим,
Тем легче нам дышать...
И слезы брызнули из глаз —
И видим мы сквозь слёз,
Как всё, волнуясь и клубясь,
Быстрее понеслось...

Душа впадает в забытье,
И чувствует она,
Что вот уносит и ее
Всесильная волна.

15 августа 1858

«Осенней позднею порою...»

Осенней позднею порою
Люблю я царскосельский сад,
Когда он тихой полумглою,
Как бы дремотою, объят
И белокрылые виденья
На тусклом озера стекле
В какой-то неге онеменья
Коснеют в этой полумгле...
И на порфирные ступени
Екатерининских дворцов
Ложатся сумрачные тени
Октябрьских ранних вечеров —
И сад темнеет, как дуброва,
И при звездах из тьмы ночной,
Как отблеск славного былого,
Выходит купол золотой...

22 октября 1858

На возвратном пути

1

Грустный вид и грустный час —
Дальний путь торопит нас...
Вот, как призрак гробовой,
Месяц встал – и из тумана
Осветил безлюдный край...
Путь далек – не унывай...

Ах, и в этот самый час,
Там, где нет теперь уж нас,
Тот же месяц, но живой,
Дышит в зеркале Лемана...
Чудный вид и чудный край —
Путь далек – не вспоминай...

2

Родной ландшафт... Под дымчатым навесом
Огромной тучи снеговой
Синеет даль – с ее угрюмым лесом,
Окутанным осенней мглой...
Всё голо так – и пусто-необъятно
В однообразии немом...
Местами лишь просвечивают пятна
Стоячих вод, покрытых первым льдом.
Ни звуков здесь, ни красок, ни движенья —
Жизнь отошла – и, покорясь судьбе,
В каком-то забытии изнеможенья,
Здесь человек лишь снится сам себе.
Как свет дневной, его тускнеют взоры,
Не верит он, хоть видел их вчера,
Что есть края, где радужные горы
В лазурные глядятся озера...

Конец октября 1859

«Есть много мелких, безымянных...»

Есть много мелких, безымянных
Созвездий в горней вышине,
Для наших слабых глаз, туманных,
Недосягаемы оне...
И как они бы ни светили,
Не нам о блеске их судить,
Лишь телескопа дивной силе
Они доступны, может быть.

Но есть созвездия иные,
От них иные и лучи:
Как солнца пламенно-живые,
Они сияют нам в ночи.
Их бодрый, радующий души
Свет путеводный, свет благой
Везде, и в море и на суше,
Везде мы видим пред собой.
Для мира дальнего отрада,
Они – краса небес родных,
Для *этих* звезд очков не надо,
И близорукий видит их...

20 декабря 1859

Декабрьское утро

На небе месяц – и ночная
Еще не тронулася тень,
Царит себе, не сознавая,
Что вот уж встрепенулся день, —
Что хоть лениво и несмело
Луч возникает за лучом,
А небо так еще всецело
Ночным сияет торжеством.
Но не пройдет двух-трех мгновений,
Ночь испарится над землей,
И в полном блеске проявлений
Вдруг нас охватит мир дневной...

Декабрь 1859

Е. Н. Анненковой («И в нашей жизни повседневной...»)

И в нашей жизни повседневной
Бывают радужные сны,
В край незнакомый, в мир волшебный,
И чуждый нам и задушевный,
Мы ими вдруг увлечены.

Мы видим: с голубого свода
Нездешним светом веет нам,
Другую видим мы природу,
И без заката, без восходу
Другое солнце светит там...
Всё лучше там, светлее, шире,
Так от земного далеко...
Так розно с тем, что в нашем мире, —
И в чистом пламенном эфире
Душе так родственно-легко.
Проснулись мы – конец виденью,
Его ничем не удержать,
И тусклой, неподвижной тенью,
Вновь обреченных заключенью,
Жизнь обхватила нас опять.
Но долго звук неуловимый
Звучит над нами в вышине,
И пред душой, тоской томимой,
Всё тот же взор неотразимый,
Всё та ж улыбка, что во сне.

1859

«Куда сомнителен мне твой...»

Куда сомнителен мне твой,
Святая Русь, прогресс житейский!
Была крестьянской ты избой —
Теперь ты сделалась лакейской.

1850-е годы

Memento¹¹²

Vevey 1859 – Genève 1860

Ее последние я помню взоры
На этот край – на озеро и горы,
В роскошной славе западных лучей, —
Как сквозь туман болезни многотрудной,
Она порой ловила призрак чудный,
Весь этот мир был так сочувствен ей...

Как эти горы, волны и светила
И в смутных очерках она любила
Своею чуткой, любящей душой —
И под грозой, уж близкой, разрушенья
Какие в ней бывали умиленья
Пред этой жизнью вечно молодой...
Светились Альпы, озеро дышало —
И тут же нам, сквозь слез, понятно стало,
Что чья душа так царственно светла,
Кто до конца сберег ее живую —
И в страшную минуту роковую
Всё той же будет, чем была...

Конец октября 1860

¹¹ Помни (лат.). – *Ред.*

¹² Веве 1859 – Женева 1860 (фр.). – *Ред.*

«Хоть я и свил гнездо в долине...»

Хоть я и свил гнездо в долине,
Но чувствую порой и я,
Как животворно на вершине
Бежит воздушная струя, —
Как рвется из густого слоя,
Как жаждет горних наша грудь,
Как всё удушливо-земное
Она хотела б оттолкнуть!
На недоступные громады
Смотрю по целым я часам, —
Какие росы и прохлады
Оттуда с шумом льются к нам!
Вдруг просветлеют огнецветно
Их непорочные снега:
По ним проходит незаметно
Небесных ангелов нога...

Октябрь 1860

На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского

У Музы есть различные пристрастья,
Дары ее даются не равно;
Стократ она божественнее счастья,
Но своенравна, как оно.
Иных она лишь на заре лелеет,
Целует шелк их кудрей молодых,
Но ветерок чуть жарче лишь повеет —
И с первым сном она бежит от них.
Тем у ручья, на луговине тайной,
Нежданная, является порой,
Порадует улыбкою случайной,
Но после первой встречи нет второй!
Не то от ней присуждено вам было:
Вас, юношей, настигнув в добрый час,
Она в душе вас крепко полюбила
И долго всматривалась в вас.
Досужая, она не мимоходом
Пеклась о вас, ласкала, берегла,
Растила ваш талант, и с каждым годом
Любовь ее нежнее всё была.
И как с годами крепнет, пламенея,
Сок благородный виноградных лоз —
И в кубок ваш всё жарче и светлее
Так вдохновение лилось.
И никогда таким вином, как ныне,
Ваш славный кубок венчан не бывал.
Давайте ж, князь, подыдем в честь богине
Ваш полный пенистый фиал!
Богине в честь, хранящей благородно
Залог всего, что свято для души,
Родную речь... расти она свободно
И подвиг свой великий доверши!

Потом мы все, в молитвенном молчанье,
Священные поминки сотворим,
Мы сотворим тройное возлиянье
Трем незабвенно-дорогим.
Нет отклика на голос, их зовущий,
Но в светлый праздник ваших именин
Кому ж они не близки, не присущи —
Жуковский, Пушкин, Карамзин!..
Так верим мы, незримыми гостями
Теперь они, покинув горний мир,
Сочувственно витают между нами
И освящают этот пир.

За ними, князь, во имя Музы вашей,
Подносим вам заздравное вино,
И долго-долго в этой светлой чаше
Пускай кипит и искрится оно!..

Около 25 февраля 1861

Александрю Второму

Ты взял свой день... Замеченный от века
Великою господней благодатью —
Он рабский образ сдвинул с человека
И возвратил семье меньшую братью...

25 марта 1861

«Я знал ее еще тогда...»

Я знал ее еще тогда,
В те баснословные года,
Как перед утренним лучом
Первоначальных дней звезда
Уж тонет в небе голубом...
И всё еще была она
Той свежей прелести полна,
Той дорассветной темноты,

Когда, незрима, неслышна,
Роса ложится на цветы...
Вся жизнь ее тогда была
Так совершенна, так цела
И так среде земной чужда,
Что, мнится, и она ушла
И скрылась в небе, как звезда.

27 марта 1861

«Недаром русские ты с детства помнил звуки...»

«В. Вольфсопу»

Недаром русские ты с детства помнил звуки
И их сберег в себе сочувствием живым —
Теперь для двух миров, на высоте науки,
Посредником стоишь ты мировым...

Март? 1861

Князю П. А. Вяземскому («Теперь не то, что за полгода...»)

Теперь не то, что за полгода,
Теперь не тесный круг друзей —
Сама великая природа
Ваш торжествует юбилей...
Смотрите, на каком просторе
Она устроила свой пир —
Весь этот берег, это море,
Весь этот чудный летний мир...
Смотрите, как, облитый светом,
Ступив на крайнюю ступень,
С своим прощается поэтом
Великолепный этот день...
Фонтаны плещут тиховейно,
Прохладой сонной дышит сад —
И так над вами юбилейно
Петровы липы здесь шумят...

12 июля 1861

«Играй, покуда над тобою...»

Играй, покуда над тобою
Еще безоблачна лазурь;
Играй с людьми, играй с судьбою,
Ты – жизнь, назначенная к бою,
Ты – сердце, жаждущее бурь...
Как часто, грустными мечтами
Томимый, на тебя гляжу
И взор туманится слезами...
Зачем? Что общего меж нами?
Ты жить идешь – я ухожу.
Я слышал утренние грезы
Лишь пробудившегося дня...
Но поздние, живые грозы,
Но взрыв страстей, но страсти слезы —
Нет, это всё не для меня!
Но, может быть, под зноем лета
Ты вспомнишь о своей весне...
О, вспомни и про время это,
Как о забытом до рассвета,
Нам смутно грезившемся сне.

25 июля 1861

При посылке Нового завета

Не легкий жребий, не отрадный,
Был вынут для тебя судьбой,
И рано с жизнью беспощадной
Вступила ты в неравный бой.
Ты билась с мужеством немногих
И в этом роковом бою
Из испытаний самых строгих
Всю душу вынесла свою.
Нет, жизнь тебя не победила,
И ты в отчаянной борьбе
Ни разу, друг, не изменила
Ни правде сердца, ни себе.

Но скудны все земные силы:
Рассвирепеет жизни зло —
И нам, как на краю могилы,
Вдруг станет страшно-тяжело.
Вот в эти-то часы с любовью
О книге сей ты вспомяни —
И всей душой, как к изголовью,
К ней припади и отдохни.

1861

«Он прежде мирный был казак...»

Он прежде мирный был казак;
Теперь он попечитель дикий;
Филиппов сын – положим, так,
А всё не Александр Великий.

1861

А. А. Фету

⟨1⟩

Тебе сердечный мой поклон
И мой, каков ни есть, портрет,
И пусть, сочувственный поэт,
Тебе хоть молча скажет он,
Как дорог был мне твой привет,
Как им в душе я умилен.

⟨2⟩

Иным достался от природы
Инстинкт пророчески-слепой, —
Они им чуют-слышат воды
И в темной глубине земной...
Великой Матерью любимый,
Стократ завидней твой удел —
Не раз под оболочкой зримой
Ты самое ее узрел...

14 апреля 1862

«Затею этого рассказа...»

Затею этого рассказа
Определить мы можем так:
То грязный русский наш кабак
Придвинут к высотам Кавказа.

Февраль 1863

«Ужасный сон отяготел над нами...»

Ужасный сон отяготел над нами,
Ужасный, безобразный сон:
В крови до пят, мы бьемся с мертвецами,
Воскресшими для новых похорон.
Осьмой уж месяц длятся эти битвы,
Геройский пыл, предательство и ложь,
Притон разбойничий в доме молитвы,
В одной руке распятие и нож.
И целый мир, как опьяненный ложью,
Все виды зла, все ухищренья зла!..
Нет, никогда так дерзко правду божью
Людская кривда к бою не звала!..
И этот клич сочувствия слепого,
Всемирный клич к неистовой борьбе,
Разврат умов и искаженье слова —
Всё поднялось и всё грозит тебе,
О край родной! такого ополченья
Мир не видал с первоначальных дней...
Велико, знать, о Русь, твое значенье!
Мужайся, стой, крепись и одолей!

Начало августа 1863

Его светлости князю А. А. Суворову

Гуманный внук воинственного деда,
Простите нам, наш симпатичный князь,
Что русского честим мы людоеда,
Мы, русские, Европы не спросясь!..
Как извинить пред вами эту смелость?
Как оправдать сочувствие к тому,
Кто отстоял и спас России целость,
Всем жертвуя призванью своему, —
Кто всю ответственность, весь труд и бремя
Взял на себя в отчаянной борьбе
И бедное, замученное племя,
Воздвигнув к жизни, вынес на себе, —
Кто, избранный для всех крамол мишенью,
Стал и стоит, спокоен, невредим,
Назло врагам, их лжи и озлобленью,
Назло, увы, и пошlostям родным.
Так будь и нам позорною уликой
Письмо к нему от нас, его друзей!
Но нам сдается, князь, ваш дед великий
Его скрепил бы подписью своей.

12 ноября 1863

«Как летней иногда порою...»

Как летней иногда порою
Вдруг птичка в комнату влетит
И жизнь и свет внесет с собою,
Всё огласит и озарит;
Весь мир, цветущий мир природы,
В наш угол вносит за собой —
Зеленый лес, живые воды
И отблеск неба голубой, —

Так мимолетной и воздушной
Явилась гостьей к нам она,
В наш мир, и чопорный и душный,
И пробудила всех от сна.
Ее присутствием согрета,
Жизнь встрепенулася живею,
И даже питерское лето
Чуть не оттаяло при ней.
При ней и старость молодеда,
И опыт стал учеником,
Она вертела, как хотела,
Дипломатическим клубком.
И самый дом наш будто ожил,
Ее жилищею избрав,
И нас уж менее тревожил
Неугомонный телеграф.
Но кратки все очарованья,
Им не дано у нас гостить,
И вот сошлись мы для прощанья, —
Но долго, долго не забыть
Нежданно-милых впечатлений,
Те ямки розовых ланит,
Ту негу стройную движений
И стан, оправленный в магнит,
Радужный смех и звучный голос,
Полулукавый свет очей
И этот длинный, тонкий волос,
Едва доступный пальцам фей.

1863

Н. И. Кролю

Сентябрь холодный бушевал,
С деревьев ржавый лист валился,
День потухающий дымился,
Сходила ночь, туман вставал.

И всё для сердца и для глаз
Так было холодно-бесцветно,
Так было грустно-безответно, —
Но чья-то песнь вдруг раздалась...
И вот, каким-то обаяньем,
Туман, свернувшись, улетел,
Небесный свод поглубел
И вновь подернулся сияньем...
И всё опять зазеленело,
Всё обратилось к весне...
И эта греза снилась мне,
Пока мне птичка ваша пела.

1863?

19-е февраля 1864

И тихими последними шагами
Он подошел к окну. День вечерел,
И чистыми, как благодать, лучами
На западе светился и горел.
И вспомнил он годину обновленья —
Великий день, новозаветный день, —
И на лице его от умиленья
Предсмертная вдруг озарилась тень.
Два образа, заветные, родные,
Что как святыню в сердце он носил,
Предстали перед ним – царь и Россия,
И от души он их благословил.
Потом главой припал он к изголовью,
Последняя свершалась борьба, —
И сам спаситель отпустил с любовью
Послушного и верного раба.

Между 19 и 21 февраля 1864

«Утихла биза... Легче дышит...»

Утихла биза... Легче дышит
Лазурный сонм женевских вод —
И лодка вновь по ним плывет,
И снова лебедь их колышет.
Весь день, как летом, солнце греет,
Деревья блещут пестротой,
И воздух ласковой волной
Их пышность ветхую лелеет.
А там, в торжественном покое,
Разоблаченная с утра,
Сияет Белая гора,
Как откровенье неземное.
Здесь сердце так бы всё забыло,
Забыло б муку всю свою,
Когда бы там – в родном краю —
Одной могилой меньше было...

11 октября 1864

«Весь день она лежала в забытьи...»

Весь день она лежала в забытьи,
И всю ее уж тени покрывали.
Лил теплый летний дождь – его струи
По листьям весело звучали.
И медленно опомнилась она,
И начала прислушиваться к шуму,
И долго слушала – увлечена,
Погружена в сознательную думу...
И вот, как бы беседуя с собой,
Сознательно проговорила
(Я был при ней, убитый, но живой):
«О, как всё это я любила!»
...

Любила ты, и так, как ты, любить —
Нет, никому еще не удавалось!
О господи!.. и это *пережить*...
И сердце на клочки не разорвалось...

Октябрь или первая половина декабря 1864

Императрице Марии Александровне

«Как неразгаданная тайна...»

Как неразгаданная тайна,
Живая прелесть дышит в ней —
Мы смотрим с трепетом тревожным
На тихий свет ее очей.
Земное ль в ней очарованье
Иль неземная благодать?
Душа хотела б ей молиться,
А сердце рвется обожать...

3 ноября 1864

«Кто б ни был ты, но, встреться с ней...»

Кто б ни был ты, но, встреться с ней,
Душою чистой иль греховной
Ты вдруг почувствуешь живей,
Что есть мир лучший, мир духовный.

Ноябрь 1864

«О, этот Юг, о, эта Ницца!...»

О, этот Юг, о, эта Ницца!..
О, как их блеск меня тревожит!
Жизнь, как подстреленная птица,
Подняться хочет – и не может...
Нет ни полета, ни размаху —
Висят поломанные крылья,
И вся она, прижавшись к праху,
Дрожит от боли и бессилья...

21 ноября 1864

Encyclica¹³

Был день, когда господней правды молот
Громил, дробил ветхозаветный храм
И, собственным мечом своим заколот,
В нем издыхал первосвященник сам.
Еще страшней, еще неумолимей
И в наши дни – дни божьего суда —
Свершится казнь в отступническом Риме
Над лженаместником Христа.
Столетия шли, ему прощалось много,
Кривые толки, темные дела,
Но не простится правдой бога
Его последняя хула...
Не от меча погибнет он земного,
Мечом земным владевший столько лет, —
Его погубит роковое слово:
«Свобода совести есть бред!»

21 декабря 1864

¹³ Энциклика (лат.). – Ред.

Князю Горчакову

Вам выпало призванье роковое,
Но тот, кто призвал вас, и соблюдет.
Всё лучшее в России, всё живое
Глядит на вас, и верит вам, и ждет.
Обманутой, обиженной России
Вы честь спасли, – и выше нет заслуг;
Днесь подвиги вам предстоят иные:
Отстойте мысль ее, спасите дух...

1864

«Когда на то нет божьего согласия...»

Когда на то нет божьего согласия,
Как ни страдай она, любя, —
Душа, увы, не выстрадает счастья,
Но может выстрадать себя...
Душа, душа, которая всецело
Одной заветной отдалась любви
И ей одной дышала и болела,
Господь тебя благослови!
Он, милосердный, всемогущий,
Он, греющий своим лучом
И пышный цвет, на воздухе цветущий,
И чистый перл на дне морском.

11 января 1865

«Как хорошо ты, о море ночное...»

Как хорошо ты, о море ночное, —
Здесь лучезарно, там сизо-темно...
В лунном сиянии, словно живое,
Ходит, и дышит, и блещет оно...
На бесконечном, на вольном просторе
Блеск и движенье, грохот и гром...
Тусклым сияньем облитое море,
Как хорошо ты в безлюдье ночном!
Зыбь ты великая, зыбь ты морская,
Чей это праздник так празднуешь ты?
Волны несутся, гремя и сверкая,
Чуткие звезды глядят с высоты.
В этом волнении, в этом сиянье,
Весь, как во сне, я потерян стою —
О, как охотно бы в их обаянье
Всю потопил бы я душу свою...

Январь 1865

Ответ на адрес

Себя, друзья, морочите вы грубо —
Велик с Россией ваш разлад.
Куда вам в члены Английских палат:
Вы просто члены *Английского клуба*...

Вторая половина января 1865

«Есть и в моем страдальческом застое...»

Есть и в моем страдальческом застое
Часы и дни ужаснее других...
Их тяжкий гнет, их бремя роковое
Не выскажет, не выдержит мой стих.
Вдруг всё замрет. Слезам и умиленью
Нет доступа, всё пусто и темно,
Минувшее не веет легкой тенью,
А под землей, как труп, лежит оно.
Ах, и над ним в действительности ясной,
Но без любви, без солнечных лучей,
Такой же мир бездушный и бесстрастный,
Не знающий, не помнящий о ней.
И я один, с моей тупой тоскою,
Хочу сознать себя и не могу —
Разбитый челн, заброшенный волною,
На безымянном диком берегу.
О господи, дай жгучего страданья
И мертвенность души моей рассей:
Ты взял *ее*, но муку вспоминанья,
Живую муку мне оставь по ней, —
По ней, по ней, свой подвиг совершившей
Весь до конца в отчаянной борьбе,
Так пламенно, так горячо любившей
Наперекор и людям и судьбе, —

По ней, по ней, судьбы не одолевшей,
Но и себя не давшей победить,
По ней, по ней, так до конца умевшей
Страдать, молиться, верить и любить.

Конец марта 1865

«Он, умирая, сомневался...»

Он, умирая, сомневался,
Зловещей думою томим...
Но бог недаром в нем сказался —
Бог верен избранным своим...
Сто лет прошло в труде и горе —
И вот, мужая с каждым днем,
Родная Речь уж на просторе
Поминки празднует по нем...
Уж не опутанная боле,
От прежних уз отрешена,
На всей своей разумной воле
Его приветствует она...
И мы, признательные внуки,
Его всем подвигам благим
Во имя Правды и Науки
Здесь *память вечную* гласим.
Да, велико его значенье —
Он, верный Русскому уму,
Завоевал нам Просвещение,
Не нас поработил ему, —
Как тот борец ветхозаветный,
Который с Силой неземной
Боролся до звезды рассветной
И устоял в борьбе ночной.

Начало апреля 1865

«Сын царский умирает в Ницце...»

Сын царский умирает в Ницце —
И из него нам строят ков...
«То божья месть за поляков», —
Вот что мы слышим здесь, в столице...
Из чьих понятий, диких, узких,
То слово вырваться могло б?..
Кто говорит так: польский поп
Или министр какой из русских?
О, эти толки роковые,
Преступный лепет и шальной
Всех выродков земли родной,
Да не услышит их Россия, —
И отповедью – да не грянет
Тот страшный клич, что в старину:
«Везде измена – царь в плену!» —
И Русь спасать его не встанет

8-11 апреля 1865

«Всё решено, и он спокоен...»

Всё решено, и он спокоен,
Он, претерпевший до конца, —
Знать, он пред богом был достоин
Другого, лучшего венца —
Другого, лучшего наследства,
Наследства бога своего, —
Он, наша радость с малолетства,
Он был не наш, он был его...
Но между ним и между нами
Есть связи естества сильней:
Со всеми русскими сердцами
Теперь он молится о ней, —

О ней, чью горечь испытанья
Поймет, измерит только та,
Кто, освятив собой страданья,
Стояла, плача, у креста...

12 апреля 1865

«Как верно здравый смысл народа...»

Как верно здравый смысл народа
Значенье слов определил:
Недаром, видно, от «ухода»
Он вывел слово «уходил».

30 апреля 1865

«Певучесть есть в морских волнах...»

Est in arundineis modulatio musica ripis.¹⁴

Певучесть есть в морских волнах,
Гармония в стихийных спорах,
И стройный мусикийский шорох
Струится в зыбких камышах.
Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе, —
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем.
Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что, море,
И ропщет мыслящий тростник?
И от земли до крайних звезд
Всё безответен и поныне
Глас вопиющего в пустыне,
Души отчаянной протест?

11 мая 1865

¹⁴ Есть музыкальный строй в прибрежных тростниках (лат.). – *Ред.*

Другу моему Я. П. Полонскому

Нет боле искр живых на голос твой приветный —
Во мне глухая ночь, и нет для ней утра...
И скоро улетит – во мраке незаметный —
Последний, скудный дым с потухшего костра.

30 мая 1865

**Н. С. Акинфьевой («Велели вы –
хоть, может быть, и в шутку...»)**

Велели вы – хоть, может быть, и в шутку
Я исполняю ваш приказ.
Тут места нет раздумью, ни рассудку,
И даже мудрость без ума от вас, —
И даже он – ваш дядя достославный, —
Хоть всю Европу переспорить мог,
Но уступил и он в борьбе неравной
И присмирел у ваших ног...

5 июня 1865

«Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло...»

Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло
С того блаженно-рокового дня,
Как душу всю свою она вдохнула,
Как всю себя перелила в меня.
И вот уж год, без жалоб, без упрёку,
Утратив всё, приветствую судьбу...
Быть до конца так страшно одиноку,
Как буду одинок в своем гробу.

15 июля 1865

«Молчит сомнительно Восток...»

Молчит сомнительно Восток,
Повсюду чуткое молчанье...
Что это? Сон иль ожиданье,
И близок день или далек?

Чуть-чуть белеет темя гор,
Еще в тумане лес и доли,
Спят города и дремлют селы,
Но к небу подымите взор...
Смотрите: полоса видна,
И, словно скрытной страстью рдея,
Она всё ярче, всё живее —
Вся разгорается она —
Еще минута, и во всей
Неизмеримости эфирной
Раздастся благовест всемирный
Победных солнечных лучей...

29 июля 1865

Накануне годовщины 4 августа 1864 г.

Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня...
Тяжело мне, замирают ноги...
Друг мой милый, видишь ли меня?
Всё темней, темнее над землею —
Улетел последний отблеск дня...
Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?
Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

3 августа 1865

«Как неожиданно и ярко...»

Как неожиданно и ярко,
На влажной неба синеве,
Воздушная воздвиглась арка
В своем минутном торжестве!

Один конец в леса вонзила,
Другим за облака ушла —
Она полнеба обхватила
И в высоте изнемогла.
О, в этом радужном виденье
Какая нега для очей!
Оно дано нам на мгновенье,
Лови его – лови скорей!
Смотри – оно уж побледнело,
Еще минута, две – и что ж?
Ушло, как то уйдет всецело,
Чем ты и дышишь и живешь.

5 августа 1865

«Ночное небо так угрюмо...»

Ночное небо так угрюмо,
Заволокло со всех сторон.
То не угроза и не дума,
То вялый, безотрадный сон.
Одни зарницы огневые,
Воспламеняясь чередой,
Как демоны глухонемые,
Ведут беседу меж собой.
Как по условленному знаку,
Вдруг неба вспыхнет полоса,
И быстро выступят из мраку
Поля и дальние леса.
И вот опять всё потемнело,
Всё стихло в чуткой темноте —
Как бы таинственное дело
Решалось там – на высоте.

18 августа 1865

«Нет дня, чтобы душа не ныла...»

Нет дня, чтобы душа не ныла,
Не изнывала б о былом,
Искала слов, не находила,
И сохла, сохла с каждым днем, —
Как тот, кто жгучею тоскою
Томился по краю родном
И вдруг узнал бы, что волною
Он схоронен на дне морском.

23 ноября 1865

«Как ни бесилося злоречье...»

Как ни бесилося злоречье,
Как ни трудилось над ней,
Но этих глаз чистосердечье —
Оно всех демонов сильней.
Всё в ней так искренно и мило,
Так все движенья хороши;
Ничто лазури не смутило
Ее безоблачной души.
К ней и пылинка не пристала
От глупых сплетней, злых речей;
И даже клевета не смяла
Воздушный шелк ее кудрей.

21 декабря 1865

Графине А. Д. Блудовой

Как жизнь ни сделалась скуднее,
Как ни пришлось нам уяснить
То, что нам с каждым днем яснее,
Что *пережить* – не значит *жить*, —

Во имя милого былого,
Во имя вашего отца
Дадим же мы друг другу слово:
Не изменяться до конца.

1 марта 1866

«Так! Он спасен! Иначе быть не может!..»

Так! Он спасен! Иначе быть не может!
И чувство радости по Руси разлилось...
Но посреди молитв, средь благодарных слез
Мысль неотступная невольно сердце гложет:
Всё этим выстрелом, всё в нас оскорблено,
И оскорблению как будто нет исхода:
Легло, увы, легло позорное пятно
На всю историю российского народа!

4 апреля 1866

«Когда сочувственно на наше слово...»

Когда сочувственно на наше слово
Одна душа отозвалась —
Не нужно нам возмездия иного,
Довольно с нас, довольно с нас...

12 апреля 1866

Князю Суворову

Два разнородные стремленья
В себе соединяешь ты:
Юродство без душеспасенья
И шутовство без остроты.
Сама природа, зная, хотела
Тебя устроить и обречь
На безответственное дело,
На безнаказанную речь.

Апрель 1866

«И в божьем мире то ж бывает...»

И в божьем мире то ж бывает,
И в мае снег идет порой,
А всё ж Весна не унывает
И говорит: «Черед за мной!..»
Бессильна, как она ни злился,
Несвоевременная дурь, —
Метели, вьюги улеглись,
Уж близко время *летних* бурь.

11 мая 1866

«Когда расстроенный кредит...»

Когда расстроенный кредит
Не бьется кое-как,
А просто на мели сидит,
Сидит себе как рак, —
Кто ж тут спасет, кто пособит?
Ну кто ж, коль не моряк.

3 июня 1866

«Тихо в озере струится...»

Тихо в озере струится
Отблеск кровель золотых,
Много в озеро глядится
Достолавностей былых.
Жизнь играет, солнце греет,
Но под нею и под ним
Здесь бывое чудно веет
Обаянием своим.
Солнце светит золотое,
Блещут озера струи...
Здесь великое бывое
Словно дышит в забыты;
Дремлет сладко-беззаботно,
Не смущая дивных снов
И тревогой мимолетной
Лебединых голосов...

Июль 1866

«На гробовой его покров...»

На гробовой его покров
Мы, вместо всех венков, кладем слова простые:
Не много было б у него врагов,
Когда бы не твои, Россия.

2 сентября 1866

«Когда дряхлеющие силы...»

Когда дряхлеющие силы
Нам начинают изменять
И мы должны, как старожилы,
Пришельцам новым место дать, —
Спаси тогда нас, добрый гений,
От малодушных укоризн,
От клеветы, от озлоблений
На изменяющую жизнь;
От чувства затаенной злости
На обновляющийся мир,
Где новые садятся гости
За уготованный им пир;
От желчи горького сознанья,
Что нас поток уж не несет
И что другие есть призванья,
Другие вызваны вперед;
Ото всего, что тем задорней,
Чем глубже крылось с давних пор,
И старческой любви позорней
Сварливый старческий задор.

Начало сентября 1866

«Небо бледно-голубое...»

Небо бледно-голубое
Дышит светом и теплом
И приветствует Петрополь
Небывалым сентябрем.

Воздух, полный теплой влаги,
Зелень свежую поит
И торжественные флаги
Тихим веяньем струит.
Блеск горячий солнце сеет
Вдоль по невской глубине —
Югом блещет, югом веет,
И живется как во сне.
Всё привольней, всё приветней
Умалющийся день, —
И согрета негой летней
Вечеров осенних тень.
Ночью тихо пламенеют
Разноцветные огни...
Очарованные ночи,
Очарованные дни.
Словно строгий чин природы
Уступил права свои
Духу жизни и свободы,
Вдохновениям любви.
Словно, ввек ненарушимый,
Был нарушен вечный строй
И любившей и любимой
Человеческой душой.
В этом ласковом сиянье,
В этом небе голубом
Есть улыбка, есть сознание,
Есть сочувственный прием.
И святое умиление
С благодатью чистых слез
К нам сошло как откровенье
И во всем отозвалось...
Небывалое доселе
Понял вещей наш народ,
И *Дагмарина* неделя
Перейдет из рода в род.

17 сентября 1866

«Умом Россию не понять...»

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только *верить*.

28 ноября 1866

На юбилей Н. М. Карамзина

Великий день Карамзина
Мы, помяная братской тризной,
Что скажем здесь перед отчизной,
На что б откликнулась она?
Какой хвалой благоговейной,
Каким сочувствием живым
Мы этот славный день почтим —
Народный праздник и семейный?
Какой пошлем тебе привет —
Тебе, наш добрый, чистый гений,
Средь колебаний и сомнений
Многотревожных этих лет?
При этой смеси безобразной
Бессильной правды, дерзкой лжи,
Так ненавистной для души
Высокой и ко благу страстной, —
Души, какой твоя была,
Как здесь она еще боролась,
Но на призывный божий голос
Неудержимо к цели шла?
Мы скажем: будь нам путеводной,
Будь вдохновительной звездой —
Свети в наш сумрак роковой,
Дух целомудренно-свободный,
Умевший всё совокупить
В ненарушимом, полном строе,
Всё человечески-благое,
И русским чувством закрепить, —

Умевший, не сгибая выи
Пред обаянием венца,
Царю быть другом до конца
И верноподданным России...

30 ноября – 1 декабря 1866

«Ты долго ль будешь за туманом...»

Ты долго ль будешь за туманом
Скрываться, Русская звезда,
Или оптическим обманом
Ты обличишься навсегда?
Ужель навстречу жадным взорам,
К тебе стремящимся в ночи,
Пустым и ложным метеором
Твои рассыплются лучи?
Всё гуще мрак, всё пуще горе,
Всё неминуемей беда —
Взгляни, чей флаг там гибнет в море,
Проснись – теперь иль никогда...

20 декабря 1866

«Хотя б она сошла с лица земного...»

Хотя б она сошла с лица земного,
В душе царей для правды есть приют.
Кто не слышал торжественного слова?
Века векам его передают.
И что ж теперь? Увы, что видим мы?
Кто приютит, кто призрит гостью божью?
Ложь, злая ложь растлила все умы,
И целый мир стал воплощенной ложью!..
Опять Восток дымится свежей кровью,
Опять резня... повсюду вой и плач,
И снова прав пирующий палач,
А жертвы... преданы злословью!

О, этот век, воспитанный в крамолах,
Век без души, с озлобленным умом,
На площадях, в палатах, на престолах —
Везде он правды личным стал врагом!
Но есть еще один приют державный,
Для правды есть один святой алтарь:
В твоей душе он, царь наш православный,
Наш благодушный, честный русский царь!

31 декабря 1866

В Риме

(С французского)

Средь Рима древнего сооружалось зданье —
Но Нерон воздвигал дворец свой золотой.
Под самую дворца гранитною пятой
Былинка с кесарем вступила в состязанье:
«Не уступлю тебе, знай это, бог земной,
И ненавистное твое я сброшу бремя».
— «Как, мне не уступить? Мир гнется подо мной!»
— «Весь мир тебе слуга, а мне слугою — Время».

Конец декабря 1866 — начало января 1867

«Над Россией распростертой...»

Над Россией, распростертой
Встал внезапно грозой
Петр, по прозвищу *четвертый*,
Аракчеев же – *второй*.

1866 или 1867

А. Д. Блудовой

Как этого посмертного альбома
Мне дороги заветные листы,
Как всё на них так родственно-знакомо,
Как полно всё душевной теплоты!

Как этих строк сочувственная сила
Всего меня обвеяла былым!
Храм опустел, потух огонь кадила,
Но жертвенный еще курится дым.

1 марта 1867

ДЫМ

Здесь некогда, могучий и прекрасный,
Шумел и зеленел волшебный лес, —
Не лес, а целый мир разнообразный,
Исполненный видений и чудес.
Лучи сквозили, трепетали тени;
Не умолкал в деревьях птичий гам;
Мелькали в чаще быстрые олени,
И ловчий рог взывал по временам.
На перекрестках, с речью и приветом,
Навстречу нам, из полутьмы лесной,
Обвеянный каким-то чудным светом,
Знакомых лиц слетался целый рой.
Какая жизнь, какое обаянье,
Какой для чувств роскошный, светлый пир!
Нам чудились нездешние созданья,
Но близок был нам этот дивный мир.
И вот опять к таинственному лесу
Мы с прежнею любовью подошли.
Но где же он? Кто опустил завесу,
Спустил ее от неба до земли?
Что это? Призрак, чары ли какие?
Где мы? И верить ли глазам своим?
Здесь дым один, как пятая стихия,
Дым – безотрадный, бесконечный дым!
Кой-где насквозь торчат по обнаженным
Пожарищам уродливые пни,
И бегают по сучьям обожженным
С зловещим треском белые огни...

Нет, это сон! Нет, ветерок повеет
И дымный призрак унесет с собой...
И вот опять наш лес зазеленеет,
Всё тот же лес, волшебный и родной.

25 апреля 1867

Славянам («Привет вам задушевный, братья...»)

Привет вам задушевный, братья,
Со всех Славянщины концов,
Привет наш всем вам, без изъятья!
Для всех семейный пир готов!
Недаром вас звала Россия
На праздник мира и любви;
Но знайте, гости дорогие,
Вы здесь не гости, вы – свои!
Вы дома здесь, и больше дома,
Чем там, на родине своей, —
Здесь, где господство незнакомо
Иноязыческих властей,
Здесь, где у власти и подданства
Один язык, один для всех,
И не считается Славянство
За тяжкий первородный грех!
Хотя враждебною судьбиной
И были мы разлучены,
Но всё же мы народ единый,
Единой матери сыны;
Но всё же братья мы родные!
Вот, вот что ненавидят в нас!
Вам не прощается Россия,
России – не прощают вас!
Смущает их, и до испугу,
Что вся славянская семья
В лицо и недругу и другу
Впервые скажет: «Это я!»
При неотступном вспоминанье
О длинной цепи злых обид
Славянское самосознание,
Как божья кара, их страшит!

Давно на почве европейской,
Где ложь так пышно разрослась,
Давно наукой фарисейской
Двойная правда создалась:
Для них – закон и равноправность,
Для нас – насилье и обман,
И закрепила стародавность
Их как наследие славян.
И то, что длилось веками,
Не истощилось и поднесь
И тяготееет и над нами —
Над нами, собранными здесь...

Еще болит от старых болей
Вся современная пора...
Не тронута Косово поле,
Не скрыта Белая Гора!
А между нас – позор немалый
В славянской, всем родной среде,
Лишь тот ушел от их опалы
И не подвергся их вражде,
Кто для своих всегда и всюду
Злодеем был передовым:
Они лишь нашего Иуду
Честят лобзанием своим.
Опально-мировое племя,
Когда же будешь ты народ?
Когда же упразднится время
Твоей и розни и невзгод,
И грянет клич к объединенью,
И рухнет то, что делит нас?..
Мы ждем и верим провиденью —
Ему известны день и час...
И эта вера в правду бога
Уж в нашей не умрет груди,
Хоть много жертв и горя много
Еще мы видим впереди...
Он жив – верховный промыслитель,
И суд его не оскудел,
И слово *Царь-освободитель*
За русский выступит предел...

Начало мая 1867

Славянам («Они кричат, они грозятся...»)

*Man muß die Slaven an die Mauer drücken.*¹⁵

Они кричат, они грозятся:
«Вот к стенке мы славян прижмем!»
Ну, как бы им не оборваться
В задорном натиске своем!..
Да, стенка есть – стена большая, —
И вас не трудно к ней прижать.
Да польза-то для них какая?
Вот, вот что трудно угадать.
Ужасно та стена упруга,
Хоть и гранитная скала, —
Шестую часть земного круга
Она давно уж обошла...
Ее не раз и штурмовали —
Кой-где сорвали камня три,
Но напоследок отступали
С разбитым лбом богатыри...
Стоит она, как и стояла,
Твердыней смотрит боевой:
Она не то чтоб угрожала,
Но... каждый камень в ней живой...
Так пусть же бешеным напором
Теснят вас немцы и прижмут
К ее бойницам и затворам, —
Посмотрим, что они возьмут!
Как ни бесись вражда слепая,
Как ни грози вам буйство их —
Не выдаст вас стена родная,
Не оттолкнет она своих.
Она расступится пред вами
И как живой для вас оплот
Меж вами станет и врагами
И к ним поближе подойдет.

11–16 мая 1867

¹⁵ Славян надо прижать к стене (нем.). – *Ред.*

«Напрасный труд – нет, их не вразумишь...»

Напрасный труд – нет, их не вразумишь, —
Чем либеральней, тем они пошлее,
Цивилизация – для них фетиш,
Но недоступна им ее идея.
Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещения, а холопы.

Май 1867

На юбилей князя А. М. Горчакова

В те дни кроваво-роковые,
Когда, прервав борьбу свою,
В ножны вложила меч Россия —
Свой меч, иззубренный в бою, —
Он волей призван был державной
Стоять на страже, – и он стал,
И бой отважный, бой неравный
Один с Европой продолжал.
И вот двенадцать лет уж длится
Упорный поединок тот;
Иноплеменный мир дивится,
Одна лишь Русь его поймет.
Он первый угадал, в чем дело,
И им впервые русский дух
Союзной силой признан смело, —
И вот венец его заслуг.

13 июня 1867

«Как ни тяжел последний час...»

Как ни тяжел последний час —
Та непонятная для нас
Истома смертного страдания, —
Но для души еще страшней
Следить, как вымирают в ней
Все лучшие воспоминанья...

14 октября 1867

«Свершается заслуженная кара...»

Свершается заслуженная кара
За тяжкий грех, тысячелетний грех...
Не отвратить, не избежать удара —
И правда божья видима для всех...
То божьей правды праведная кара,
И, ей в отпор чью помощь ни зови,
Свершится суд... и папская тиара
В последний раз купается в крови.
А ты, ее носитель неповинный, —
Спаси тебя господь и отрезви, —
Молись ему, чтобы твои седины
Не осквернились в пролитой крови.

27 октября 1867

По прочтении депеш императорского кабинета, напечатанных в «Journal de St.-Petersbourg»¹⁶

Когда свершится искупленье
И озарится вновь Восток, —
О, как поймут тогда значенье
Великолепных этих строк!
Как первый яркий луч денницы,
Коснувшись, их воспламенит
И эти вещие страницы
Озолотит и освятит!
И в излишние чувств народных,
Как божья чистая роса,
Племен признательно-свободных
На них затеплится слеза!
На них записана вся повесть
О том, что было и что есть;
Изобличив Европы совесть,
Они спасли России честь!

5 декабря 1867

¹⁶ «Санкт-петербургской газете» (фр.). – *Ред.*

«Опять стою я над Невой...»

Опять стою я над Невой,
И снова, как в былые годы,
Смотрю и я, как бы живой,
На эти дремлющие воды.
Нет искр в небесной синеве,
Все стихло в бледном обаянье,
Лишь по задумчивой Неве
Струится лунное сиянье.
Во сне ль всё это снится мне,
Или гляжу я в самом деле,
На что при этой же луне
С тобой живые мы глядели?

Июнь 1868

Пожары

Широко, необозримо,
Грозной тучею сплошной,
Дым за дымом, бездна дыма
Тяготее над землей.
Мертвый стелется кустарник,
Травы тлятся, не горят,
И сквозит на крае неба
Обожженных елей ряд.
На пожарище печальном
Нет ни искры, дым один, —
Где ж огонь, злой истребитель,
Полномочный властелин?
Лишь украдкой, лишь местами,
Словно красный зверь какой,
Пробираясь меж кустами,
Пробежит огонь живой!
Но когда наступит сумрак,
Дым сольется с темнотой,
Он потешными огнями
Весь осветит лагерь свой.

Пред стихийной вражьей силой
Молча, руки опустя,
Человек стоит уныло —
Беспомощное дитя.

16 июля 1868

«В небе тают облака...»

В небе тают облака,
И, лучистая на зное,
В искрах катится река,
Словно зеркало стальное...
Час от часу жар сильней,
Тень ушла к немым дубровам,
И с белеющих полей
Веет запахом медовым.
Чудный день! Пройдут века —
Так же будут, в вечном строе,
Течь и искриться река
И поля дышать на зное.

2 августа 1868

Михаилу Петровичу Погодину

Стихов моих вот список безобразный, —
Не заглянув в него, дарю им вас,
Не совладал с моею ленью праздной,
Чтобы она хоть вскользь им занялась...
В наш век стихи живут два-три мгновенья,
Родились утром, к вечеру умрут...
О чем же хлопотать? Рука забвенья
Как раз свершит свой корректурный труд.

Конец августа 1868

Памяти Е. П. Ковалевского

И вот в рядах отечественной рати
Опять не стало смелого бойца —
Опять вздохнут о горестной утрате
Все честные, все русские сердца.
Душа живая, он неборимо
Всегда себе был верен и везде —
Живое пламя, часто не без дыма
Горевшее в удушливой среде...
Но в правду верил он, и не смущался,
И с пошлостью боролся весь свой век,
Боролся – и ни разу не поддался...
Он на Руси был редкий человек.
И не Руси одной по нем сгрустнется —
Он дорог был и там, в земле чужой,
И там, где кровь так безотрадно льется,
Почтут его признательной слезой.

21 сентября 1868

«Печати русской доброхоты...»

Печати русской доброхоты,
Как всеми вами, господа,
Тошнит ее – но вот беда,
Что дело не дойдет до рвоты.

1868?

Мотив Гейне

Если смерть есть ночь, если жизнь есть день —
Ах, умаял он, пестрый день, меня!..
И сгущается надо мною тень,
Ко сну клонится голова моя...
Обессиленный, отдаюсь ему...
Но всё грезится сквозь немую тьму —
Где-то там, над ней, ясный день блестит
И незримый хор о любви гремит...

1868 или начало 1869

«Вы не родились поляком...»

Вы не родились поляком,
Хоть шляхтич вы по направленью,
А русский вы – сознайтесь в том —
По Третьему лишь отделению.
Слуга влиятельных господ,
С какой отвагой благородной
Громите речью вы свободной
Всех тех, кому зажали рот!
Недаром вашим вы пером
Аристократии служили —
В какой лакейской изучили
Вы этот рыцарский прием?

Середина января 1869

«Нет, не могу я видеть вас...»

«Нет, не могу я видеть вас...» —
Так говорил я в самом деле,
И не один, а сотню раз, —
А вы – и верить не хотели.
В одном доносчик мой не прав —
Уж если доносить решился,
Зачем же, речь мою прервав,
Он *досказать* не потрудился?
И нынче нудит он меня —
Шутник и пошлый и нахальный, —
Его затею устраня,
Восстановить мой текст буквальный.
Да, говорил я, и не раз —
То не был случай одинокий, —
Мы все не можем видеть вас —
Без той сочувственно-глубокой

Любви сердечной и святой,
С какой – как в этом не сознаться? —
Своею лучшею звездой
Вся Русь привыкла любоваться.

5 февраля 1869

«Великий день Кирилловой кончины...»

Великий день Кирилловой кончины —
Каким приветствием сердечным и простым
Тысячелетней годовщины
Святую память мы почтим?

Какими этот день запечатлеть словами,
Как не словами, сказанными им,
Когда, прощаясь и с братом и с друзьями,
Он нехотя свой прах тебе оставил, Рим...

Причастные его труду,
Чрез целый ряд веков, чрез столько поколений,
И мы, и мы его тянули борозду
Среди соблазнов и сомнений.

И в свой черед, как он, не довершив труда,
И мы с нее сойдем, и, словеса святыя
Его вспомняв, воскликнем мы тогда:
«Не изменяй себе, великая Россия!

Не верь, не верь чужим, родимый край,
Их ложной мудрости иль наглым их обманам,
И, как святой Кирилл, и ты не покидай
Великого служения славянам...»

13 февраля 1869

«Нам не дано предугадать...»

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

27 февраля 1869

«Две силы есть – две роковые силы...»

Две силы есть – две роковые силы,
Всю жизнь свою у них мы под рукой,
От колыбельных дней и до могилы, —
Одна есть Смерть, другая – Суд людской.
И та и тот равно неотразимы,
И безответственны и тот и та,
Пощады нет, протесты нетерпимы,
Их приговор смыкает всем уста...
Но Смерть честней – чужда лицепрятью,
Не тронута ничем, не смущена,
Смиренную иль ропщущую братью —
Своей косою равняет всех она.
Свет не таков: борьбы, разноголосья —
Ревнивый властелин – не терпит он,
Не косит сплошь, но лучшие колосья
Нередко с корнем вырывает вон.
И горе ей – увы, двойное горе, —
Той гордой силе, гордо-молодой,
Вступающей с решимостью во взоре,
С улыбкой на устах – в неравный бой.
Когда она, при роковом сознанье
Всех прав своих, с отвагой красоты,
Бестрепетно, в каком-то обаянье
Идет сама навстречу клеветы,
Личиною чела не прикрывает,
И не дает принизиться челу,
И с кудрей молодых, как пыль, свевает
Угрозы, брань и страстную хулу, —
Да, горе ей – и чем простосердечней,
Тем кажется виновнее она...
Таков уж свет: он там бесчеловечней,
Где человечно-искренней вина.

Март 1869

11-е мая 1869

Нас всех, собравшихся на общий праздник снова,
Учило нынче нас евангельское слово
В своей священной простоте:
«Не утаится Град от зренья людского,
Стоя на горней высоте».

Будь это и для нас возвещено не все —
Заветом будь оно и нам,
И мы, великий день здесь братски торжествуя,
Поставим наш союз на высоту такую,
Чтоб всем он виден был – всем братским племенам.

11 мая 1869

«Как насаждения Петрова...»

Как насаждения Петрова
В Екатерининской долине
Деревья пышно разрослись, —
Так насаждаемое ныне
Здесь русское живое слово
Расти и глубже коренись.

Май 1869

«Там, где дары судьбы освящены душой...»

Там, где дары судьбы освящены душой,
Оправданы благотвореньем,
Невольно человек мирится здесь с судьбой,
Душа сознательно мирится с провиденьем.

11 июля 1869

В деревне

Что за отчаянные крики,
И гам, и трепетанье крыл?
Кто этот гвалт безумно-дикий
Так неуместно возбудил?

Ручных гусей и уток стая
Вдруг одичала и летит.
Летит – куда, сама не зная,
И, как шальная, голосит.
Какой внезапною тревогой
Звучат все эти голоса!
Не пес, а бес четвероногой,
Бес, обернувшийся во пса,
В порыве буйства, для забавы,
Самоуверенный нахал,
Смутил покой их величавый
И их размыкал, разогнал!
И словно сам он, вслед за ними,
Для довершения обид,
С своими нервами стальными,
На воздух взвившись, полетит!
Какой же смысл в движенье этом?
Зачем вся эта трата сил?
Зачем испуг таким полетом
Гусей и уток окрылил?
Да, тут есть цель! В ленивом стаде
Замечен страшный был застой,
И нужен стал, прогресса ради,
Внезапный натиск роковой.
И вот благое провиденье
С цепи спустило сорванца,
Чтоб крыл своих предназначенье
Не позабыть им до конца.
Так современных проявлений
Смысл иногда и бестолков, —
Но тот же современный гений
Всегда их выяснить готов.
Иной, ты скажешь, просто лает,
А он свершает высший долг —
Он, осмысляя, развивает
Утиный и гусиный толк.

16 августа 1869

Чехам от московских славян

На ваши, братья, празднества,
Навстречу вашим ликованьям,
Навстречу вам идет Москва
С благоговейным упованьем.
В среду восторженных тревог,
В разгар великого волненья,
Приносит вам она залог,
Залог любви и единенья.
Примите же из рук ея
То, что и *вашим* прежде было,
Что старочешская семья
Такой ценой себе купила, —
Такою страшною ценой,
Что память эта и поныне —
И вашей лучшею святыней,
И вашей жизненной струей.
Примите Чашу! Вам звездой
В ночи судеб она светила
И вашу немощь возносила
Над человеческой средой.
О, вспомните, каким она
Была вам знаменьем любимым
И что в костре неугасимом
Она для вас обретена.
И этой-то великой мзды,
Отцов великих достоянья,
За все их тяжкие труды,
За все их жертвы и страданья,
Себя лишать даете вы
Иноплеменной дерзкой ложью,
Даєте ей срамить, увы,
И честь отцов, и правду божью!
И долго ль, долго ль этот плен,
Из всех тягчайший, плен духовный,

Еще сносить ты осужден,
О чешский люд единокровный?
Нет, нет, недаром благодать
На вас призвали предки ваши,
И будет вам дано понять,
Что нет спасенья вам без Чаши.
Она лишь разрешит вконец
Загадку вашего народа:
В ней и духовная свобода,
И единения венец.

Придите ж к дивной Чаше сей,
Добытой лучшей вашей кровью,
Придите, приступите к ней
С надеждой, верой и любовью.

Около 24 августа 1869

Андрею Николаевичу Муравьеву («Там, где на высоте обрыва...»)

Там, где на высоте обрыва
Воздушно-светозарный храм
Уходит ввысь – очам на диво,
Как бы парящий к небесам;
Где Первозванного Андрея
Еще поднесь сияет крест,
На небе киевском белея,
Святой блюститель этих мест, —
К стопам его свою обитель
Благоговейно прислоня,
Живешь ты там – не праздный житель —
На склоне трудового дня.
И кто бы мог без умиленья
И ныне не почтить в тебе
Единство жизни и стремленья
И твердость стойкую в борьбе?
Да, много, много испытаний
Ты перенес и одолел...
Живи ж не в суетном сознанье
Заслуг своих и добрых дел;
Но для любви, но для примера,
Да убеждаются тобой,
Что может действенная вера
И мысли неизменный строй.

Август 1869

«Природа – сфинкс. И тем она верней...»

Природа – сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней.

Август 1869

«Как нас ни угнетай разлука...»

Как нас ни угнетай разлука,
Но покоряемся мы ей —
Для сердца есть другая мука,
Невыносимей и больней.
Пора разлуки миновала,
И от нее в руках у нас
Одно осталось покрывало,
Полупрозрачное для глаз.
И знаем мы: под этой дымкой
Всё то, по чем душа болит,
Какой-то странной невидимкой
От нас таится – и молчит.
Где цель подобных искушений?
Душа невольно смущена,
И в колесе недоумений
Вертится нехотя она.
Пора разлуки миновала,
И мы не смеем, в добрый час,
Задеть и сдернуть покрывало,
Столь ненавистное для нас!

14 октября 1869

Современное

Флаги веют на Босфоре,
Пушки празднично гремят,
Небо ясно, блещет море,
И ликует Цареград.
И недаром он ликует:
На волшебных берегах
Ныне весело пирует
Благодушный падишах.
Угощает он на славу
Милых западных друзей —
И свою бы всю державу
Заложил для них, ей-ей.
Из премудрого далека
Франкистанской их земли
Погулять на счет пророка
Все они сюда пришли.
Пушек гром и мусикия!
Здесь Европы всей привал,
Здесь все силы мировые
Свой справляют карнавал.
И при криках исступленных
Бойкий западный разгул
И в гаремах потаенных
Двери настежь распахнул.
Как в роскошной этой раме
Дивных гор и двух морей
Веселится об исламе
Христианский съезд князей!
И конца нет их приветам,
Обнимает брата брат...
О, каким отрадным светом
Звезды Запада горят!
И всех ярче и милее
Светит тут звезда одна,

Коронованная фея,
Рима дочь, *его* жена.
С пресловутого театра
Всех изяществ и затей,
Как вторая Клеопатра
В сонме царственных гостей,
На Восток она явилась,
Всем на радость, не на зло,
И пред нею всё склонилось:
Солнце с Запада взошло!

Только там, где тени бродят
По долинам и горам
И куда уж не доходят
Эти клики, этот гам, —
Только там, где тени бродят,
Там, в ночи, из свежих ран
Кровью медленно исходят
Миллионы христиан...

Первая половина октября 1869

А. Ф. Гильфердингу

Спешу поздравить с неудачей:
Она – блистательный успех,
Для вас почетна наипаче
И назидательна для всех.
Что русским словом столько лет
Вы славно служите России,
Про это знает целый свет,
Не знают немцы лишь родные.
Ах нет, то знают и они;
И что в славянском вражьем мире
Вы совершили – вы одни —
Все ведают, et inde irae!¹⁷

Во всем обширном этом крае
Они встречали вас не раз,
В Балканах, Чехах, на Дунае —
Везде, везде встречали вас.
И как же мог бы без измены,
Высокодоблестный досель,
В академические стены,
В заветную их цитадель,
Казною русской содержимый
Для этих славных оборон,
Вас, вас впустить – непобедимый
Немецкий храбрый гарнизон?

17 декабря 1869

¹⁷ Отсюда – гнев (лат.). – *Ред.*

Ю. Ф. Абазе

Так – гармонических орудий
Власть беспредельна над душой,
И любят все живые люди
Язык их темный, но родной.
В них что-то стонет, что-то бьется,
Как в узах заключенный дух,
На волю просится и рвется
И хочет высказаться вслух...
Не то совсем при вашем пенье,
Не то мы чувствуем в себе:
Тут полнота освобожденья,
Конец и плену и борьбе...
Из тяжелой вырвавшись юдоли
И все оковы разреша,
На всей своей ликует воле
Освобожденная душа...
По всемогущему призыву
Свет отделяется от тьмы,
И мы не звуки – *душу живу*,
В них вашу душу слышим мы.

22 декабря 1869

«Так провидение судило...»

Так провидение судило,
Чтоб о величии грядущем
Великого славянского царя
Возвещено вселенной было
Не гласом грома всемогущим,
А звучным писком комара.

1860-е годы

Н. С. Акинфьевой («Проходя свой путь по своду...»)

Проходя свой путь по своду,
Солнце знает ли о том,
Что оно-то жизнь в природу
Льет в сиянье золотом,
Что лучом его рисует
Бог узоры на цветке,
Земледельцу плод дарует,
Мечет жемчуг по реке?
Вы, на всё бросая «милый»
Взгляд ваш, знаете ль о том,
Что вся жизнь моя и силы
В вашем взоре огнем?

1860-е годы

«Радость и горе в живом упоенье...»

Из «Эгмонта» Гёте

Радость и горе в живом упоенье,
Думы и сердце в вечном волненье,
В небе ликуя, томясь на земли,
Страстно ликующей,
Страстно тоскующей
Жизни блаженство в одной лишь любви...

Февраль 1870

Гус на костре

Костер сооружен, и роковое
Готово вспыхнуть пламя; всё молчит, —
Лишь слышен легкий треск, и в нижнем слое
Костра огонь предательски сквозит.
Дым побежал – народ столпился гуще;
Вот все они – весь этот темный мир:
Тут и гнетомый люд, и люд гнетущий,
Ложь и насилье, рыцарство и клир.
Тут вероломный кесарь, и князей
Имперских и духовных сонм верховный,
И сам он, римский иерарх, в своей
Непогрешимости греховной.
Тут и она – та старица простая,
Не позабытая с тех пор,
Что принесла, крестясь и воздыхая,
Вязанку дров, как лепту, на костер.
И на костре, как жертва пред закланьем,
Вам праведник великий предстоит:
Уже обвеян огненным сияньем,
Он молится – и голос не дрожит...
Народа чешского святой учитель,
Бестрепетный свидетель о Христе
И римской лжи суровый обличитель
В своей высокой простоте, —
Не изменив ни богу, ни народу,
Боролся он – и был необорим —
За правду божью, за ее свободу,
За всё, за всё, что бредом назвал Рим.
Он духом в небе – братскою ж любовью
Еще он здесь, еще в кругу своих,
И светел он, что собственною кровью
Христову кровь он отстоял для них.
О чешский край! О род единокровный!
Не отвергай наследья своего!

О, доверши же подвиг свой духовный
И братского единства торжество!
И, цепь порвав с юродствующим Римом,
Гнетущую тебя уж так давно,
На Гусовом костре неугасимом
Расплавь ее последнее звено.

15–17 марта 1870

«Над русской Вильной стародавной...»

Над русской Вильной стародавной
Родные теплятся кресты —
И звоном меди православной
Все огласились высоты.
Минули веки искушенья,
Забыты страшные дела —
И даже мерзость запустенья
Здесь райским крином расцвела.
Преданье ожило святое
Первоначальных лучших дней,
И только позднее былое
Здесь в царство отошло теней.
Оттуда смутным сновиденьем
Еще дано ему порой
Перед всеобщим пробужденьем
Живых тревожить здесь покой.
В тот час, как с неба месяц сходит,
В холодной, ранней полумгле,
Еще какой-то призрак бродит
По оживающей земле.

Начало июля 1870

К. Б. («Я встретил вас – и всё былое...»)

Я встретил вас – и всё былое
В отжившем сердце оживо;
Я вспомнил время золотое —
И сердцу стало так тепло...
Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в нас, —
Так, весь обвеян дуновеньем
Тех лет душевной полноты,
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты...
Как после вековой разлуки
Гляжу на вас, как бы во сне, —
И вот – слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне...
Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь, —
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..

26 июля 1870

Два единства

Из переполненной господним гневом чаши
Кровь льется через край, и Запад тонет в ней.
Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши! —
Славянский мир, сомкнись тесней...
«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью, —
А там увидим, что прочней...

Сентябрь 1870

«Велению высшему покорны...»

Велению высшему покорны,
У *мысли* стоя на часах,
Не очень были мы задорны,
Хотя и с штуцером в руках.
Мы им владели неохотно,
Грозили редко и скорей
Не *арестантский*, а *почетный*
Держали караул при ней.

27 октября 1870

А. В. Пл<етне>вой

Чему бы жизнь нас ни учила,
Но сердце верит в чудеса:
Есть нескудеющая сила,
Есть и нетленная краса.
И увядание земное
Цветов не тронет неземных,
И от полуденного зноя
Роса не высохнет на них.
И эта вера не обманет
Того, кто ею лишь живет,
Не всё, что здесь цвело, увянет,
Не всё, что было здесь, пройдет!
Но этой веры *для немногих*
Лишь тем доступна благодать,
Кто в искушеньях жизни строгих,
Как вы, умел, любя, страдать,
Чужие врачевать недуги
Своим страданием умел,
Кто душу положил за други
И до конца всё претерпел.

Начало ноября 1870

«Да, вы сдержали ваше слово...»

«А. М. Горчакову»

Да, вы сдержали ваше слово:
Не двинув пушки, ни рубля,
В свои права вступает снова
Родная русская земля.
И нам завещанное море
Опять свободною волной,
О кратком позабыв позоре,
Лобзает берег свой родной.
Счастлив в наш век, кому победа
Далась не кровью, а умом,
Счастлив, кто точку Архимеда
Умел сыскать в себе самом, —
Кто, полный бодрого терпенья,
Расчет с отвагой совмещал —
То сдерживал свои стремленья,
То своевременно дерзал.
Но кончено ль противоборство?
И как могучий ваш рычаг
Осилит в умниках упорство
И бессознательность в глупцах?

Ноябрь 1870

«Брат, столько лет сопутствовавший мне...»

Брат, столько лет сопутствовавший мне,
И ты ушел, куда мы все идем,
И я теперь на голой вышине
Стою один – и пусто всё кругом.
И долго ли стоять тут одному?
День, год-другой – и пусто будет там,
Где я теперь, смотря в ночную тьму
И, что со мной, не сознавая сам...
Бесследно всё – и так легко не быть!
При мне иль без меня – что нужды в том?

Всё будет то ж – и вьюга так же выть,
И тот же мрак, и та же степь кругом.
Дни сочтены, утрат не перечесть,
Живая жизнь давно уж позади,
Передового нет, и я как есть
На роковой стою очереди.

11 декабря 1870

«Давно известная всем дура...»

Давно известная всем дура —
Неугомонная цензура —
Кой-как питает нашу плоть...
Благослови ее господь!

1870?

«Впросонках слышу я – и не могу...»

Впросонках слышу я – и не могу
Вообразить такое сочетание,
А слышу свист полозьев на снегу
И ласточки весенней щебетанье.

Январь или февраль 1871

Черное море

Пятнадцать лет с тех пор минуло,
Прошел событий целый ряд,
Но вера нас не обманула —
И севастопольского гула
Последний слышим мы раскат.
Удар последний и громовый,
Он грянул вдруг, животворя;
Последнее в борьбе суровой
Теперь лишь высказано слово;
То слово – русского царя.

И всё, что было так недавно
Враждой воздвигнуто слепой,
Так нагло, так самоуправно,
Пред честностью его державной
Всё рушилось само собой.
И вот: *свободная стихия*, —
Сказал бы наш поэт родной, —
Шумишь ты, как во дни былые,
И катишь волны голубые,
И блещешь гордою красой!..
Пятнадцать лет тебя держало
Насилье в западном плену;
Ты не сдавалась и роптала,
Но час пробил – насилье пало:
Оно пошло как ключ ко дну.
Опять зовет и к делу нудит
Родную Русь твоя волна,
И к распре той, что бог рассудит,
Великий Севастополь будит
От заколдованного сна.
И то, что ты во время оно
От бранных скрыла непогод
В свое сочувственное лоно,
Отдашь ты нам – и без урона —
Бессмертный черноморский флот.
Да, в сердце русского народа
Святиться будет этот день, —
Он – наша внешняя свобода,
Он Петропавловского свода
Осветит гробовую сень...

Начало марта 1871

Ватиканская годовщина

Был день суда и осужденья —
Тот роковой, бесповоротный день,
Когда для вящего паденья
На высшую вознесся он ступень, —

И, божьим промыслом теснимый
И загнанный на эту высоту,
Своей ногой непогрешимой
В бездонную шагнул он пустоту, —
Когда, чужим страстям послушный,
Игралище и жертва темных сил,
Так богохульно-добродушно
Он божеством себя провозгласил...
О новом бого-человеке
Вдруг притча создалась – и в мир вошла,
И святотатственной опеке
Христова церковь предана была.
О, сколько смуты и волнений
Воздвиг с тех пор непогрешимый тот,
И как под бурей этих прений
Кошунство зреет и соблазн растет.
В испуге ищут *правду божью*,
Очнувшись вдруг, все эти племена,
И как тысячелетней ложью
Она для них вконец отравлена.
И одолеть она не в силах
Отравы той, что в жилах их течет,
В их самых сокровенных жилах,
И долго будет течь, – и где исход?

...

Но нет, как ни борись упрямо,
Уступит ложь, рассеется мечта,
И ватиканский далай-лама
Не призван быть наместником Христа.

6 июля 1871

«От жизни той, что бушевала здесь...»

От жизни той, что бушевала здесь,
От крови той, что здесь рекой лилась,
Что уцелело, что дошло до нас?
Два-три кургана, видимых поднесь...
Да два-три дуба выросли на них,
Раскинувшись и широко и смело.
Красуются, шумят, – и нет им дела,
Чей прах, чью память роют корни их.
Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаем
Себя самих – лишь грезой природы.
Поочередно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной.

17 августа 1871

«Враг отрицательности узкой...»

Враг отрицательности узкой,
Всегда он в уровень шел с веком:
Он в человечестве был русский,
В науке был он человеком.

29 декабря 1871

Памяти М. К. Политковской

*Elle a été douce devant la mort.*¹⁸

Многозначительное слово
Тобою оправдалось вновь:
В крушении всего земного
Была ты – кротость и любовь.

В самом преддверье тьмы могильной
Не оскудел, в последний час,
Твоей души любвеобильной
Неисчерпаемый запас...
И та же любящая сила,
С какой, себе не изменя,
Ты до конца переносила
Весь жизни труд, всю злобу дня, —
Та ж торжествующая сила
Благоволенья и любви,
Не отступив, приосенила
Часы последние твои.
И ты, смиренна и послушна,
Все страхи смерти победив,
Навстречу ей шла благодушно,
Как на отеческий призыв.
О, сколько душ, тебя любивших,
О, сколько родственных сердец —
Сердец, твоею жизнью живших,
Твой ранний поразит конец!
Я поздно встретился с тобою
На жизненном моем пути,
Но с задушевною тоскою
Я говорю тебе: прости.
В наш век отчаянных сомнений,
В наш век, неверием больной,
Когда всё гуще сходят тени
На одичалый мир земной, —
О, если в страшном раздвоенье,
В котором жить нам суждено,
Еще одно есть откровенье,
Есть уцелевшее звено
С великой тайною загробной,
Так это – видим, верим мы —
Исход души, тебе подобной,
Ее исход из нашей тьмы.

¹⁸ Она была кроткой перед лицом смерти (фр.). – *Ред.*

Начало марта 1872

«День православного Востока...»

День православного Востока,
Святись, святись, великий день,
Разлей свой благовест широко
И всю Россию им одень!
Но и святой Руси пределом
Его призыва не стесняй:
Пусть слышен будет в мире целом,
Пускай он льется через край,
Своею дальнею волною
И ту долину захвата,
Где бьется с немощию злою
Мое родимое дитя, —
Тот светлый край, куда в изгнанье
Она судьбой увлечена,
Где неба южного дыханье
Как врачество лишь пьет она...
О, дай болящей исцеленье,
Отрадой в душу ей повеи,
Чтобы в Христово воскресенье
Всецело жизнь воскресла в ней...

16 апреля 1872

«Как бестолковы числа эти...»

Как бестолковы числа эти,
Какой сумбур в календаре!
Теперь зима уж на дворе,
А мне вот довелось во всем ее расцвете,
В ее прелестнейшей поре,
Приветствовать Весну лишь в позднем ноябре.

23 ноября 1872

«Тут целый мир, живой, разнообразный...»

Е. К. Зыбиной

Тут целый мир, живой, разнообразный,
Волшебных звуков и волшебных снов, —
О, этот мир так молодо-прекрасный —
Он стоит тысячи миров.

1872

Э. Ф. Тютчевой («Всё отнял у меня казнящий бог...»)

Всё отнял у меня казнящий бог:
Здоровье, силу воли, воздух, сон,
Одну тебя при мне оставил он,
Чтоб я ему еще молиться мог.

Февраль 1873